

Светлой памяти моего дорогого Дидуси,
Николая Ивановича Калугина посвящается

Ветошникова Наталья Борисовна

Теннист в моей жизни

Биография

Редактор Ветошникова Н. Б.

Верстка Екимов С. В.

Сдано в набор

Подписано в печать

Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 20. Тираж 300 экз. Заказ № 506

Отпечатано в ООО «Студия Арбуз»

197101, Санкт-Петербург, ул. Мира, д. 25, литер А, пом. 1-н

Издатель НП ЦСП «Доверие»

197198, Санкт-Петербург

ул. Саблинская, 13/5

E-mail: spbdoverie@mail.ru

Ветошникова Н. Б. ТЕННИС В МОЕЙ ЖИЗНИ

издательство Санкт-Петербург
2010г.

ББК 75.577

В.39

ББК 63.3(2) 622,11

В.39

Ветошникова Н. Б. Теннист в моей жизни: Воспоминания
Издательство НП ЦСП «Доверие», 2011. -138 стр.

Автор данной книги делится с читателями воспоминаниями о роли тенниса в ее жизни, прекрасного вида спорта, благодаря которому она смогла выжить в жестокое время блокады Ленинграда. О теннисе, с которым автор неразрывно связан в течение всей своей долгой жизни.

© НП ЦСП «Доверие»

© 2011

Справка

Ветошникова Наталья Борисовна, род. 1921 г.

Мастер спорта СССР, входила в 10-ку сильнейших теннисисток страны (1948-1952 гг.), в 10-ку Ленинграда – 21 раз (1940-1966 гг.).

Чемпионка Ленинграда среди девочек и девушек (1935-39 гг.).

Чемпионка СССР среди девушек в одиночном (1937, 39 гг.) и в парном разрядах (1939 гг.).

В составе сборной команды Ленинграда: 1 место в соревнованиях на Кубок СССР (1946, 48-51 гг.); принимала участие в матчах Москва-Ленинград (1948-52 гг.).

Победительница Всесоюзных зимних соревнований на закрытых площадках в миксте (1954 г.).

Чемпионка Открытого первенства Москвы в миксте (1946 г.) и Открытого первенства Эстонии в парном разряде (1949 г.) и в миксте (1948-49 гг.).

Чемпионка Ленинграда в миксте (1957 г.), а на закрытых площадках в одиночном разряде (1948, 54-55 гг.) и в миксте (1957 г.).

3-й призер Блокадного первенства Ленинграда (1943 г.).

28-кратная финалистка и 22-кратный 3-й призёр летнего и зимнего первенств Ленинграда в парном разряде и в миксте (1943-1971 гг.).

Наталья Борисовна Ветошникова, мастер спорта СССР по теннису, родилась в 1921 г. в Петрограде. На протяжении 37 лет (1935-1971 гг., кроме 1941-42 гг.) результативно принимала участие в различных по рангу соревнованиях по теннису.

В 1939 г. закончила школу и поступила на факультет немецкого языка 1-го Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков (ЛГПИИЯ).

В августе 1941 г., связи с войной, будучи уже студенткой 3-го курса, начала работать. Всю блокаду города – от первого до последнего дня – провела в Ленинграде. 1943 г. – 3-й призер Блокадного первенства Ленинграда.

В 1949 г. вновь поступила и в 1953 г. окончила 1-й ЛГПИИЯ. С 1953 по 1955 г. преподавала в Институте Холодильной промышленности; с 1955 по 1969 г. – в Радиотехническом техникуме №1, позднее переименованном в Техникум морского приборостроения. Соавтор Учебника немецкого языка для средних специальных учебных заведений, изданного в 1964 г.; (последнее, 5-е переиздание в 1971 г.).

С 1969 по 1986 г. преподавала в Ленинградском государственном университете на факультетах математики и механики, а также прикладной математики процессов управления.

Выйдя в 1986 году на пенсию, занялась приведением в порядок сохранившегося, несмотря на войны и блокаду Ленинграда, семейного архива, фотографий и книг с последующей передачей их в различные музеи, архивы и библиотеки: в Музей-квартиру А.А. Блока, Музей-заповедник А.А. Блока в Шахматово, в Музей-институт семьи Рерихов, в Музей гимназии К.И. Мая, в Центральный государственный архив кинофотофонодокументов, в библиотеку Дома ветеранов сцены и во многие другие места.

В последнее время Наталья Борисовна активно занимается литературной работой: она является одной из составительниц книги «Медики и блокада. Взгляд сквозь годы» (1997г.); соавтором очерка о Н. Н.Самарине и автором очерка об О.К. Самариной в книге «Николай Николаевич и Ольга Конрадовна Самарины» из серии «Наши ученые», издания Медицинской академии последипломного образования (МАПО) (2005г.); принимала участие в работе над книгой «Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина» (2010г.).

Предлагаемая читателю книга «Теннис в моей жизни» охватывает почти 50-летний период жизни автора и рассказывает, как пятилетняя девочка однажды увлеклась прекрасным видом спорта – теннисом и проносит это увлечение через всю жизнь.

Надежда Егорова,
политик, общественный деятель.

(Не правда ли – хорошее разделение труда?). Вечерами читаем, решаем кроссворды и болтаем. А все наши разговоры сводятся, естественно к одному: – нашему любимому теннису. Делимся впечатлениями о просмотренных по телевизору турнирах. Обсуждаем игру современных теннисистов, восхищаемся современным теннисом, хотя и не всё в нём нравится. Сравниваем: «А смогли бы мы играть теперешними ракетками? «А смогли бы они играть, если бы им предложили мячи, которые выпускали в наше время? Мы-то их называли ласково: одного - «Лысик», другого - «Мохнатик». Из трех штук иногда не было даже двух одинаковых. А туфли на резиновой подошве (их тогда тапочками не называли), которые выдавались, правда, бесплатно, по две пары на лето. Они протирались, как правило, под большим пальцем через неделю – это в лучшем случае, а то и раньше. Приходилось вкладывать стельки и часто их менять. Всё познается, как известно, в сравнении...

А «послевоенные мальчишки и девочки» до сих пор меня не забывают, звонят по телефону, иногда и заезжают. И, если бы они все были моими ровесниками, то это было бы понятно, а между ними и мной разница в 15-25 лет. И именно это особенно ценно и трогательно. Никогда не забуду, как мои молодые друзья-теннисисты собрались у меня в день моего 85-летия, буквально засыпав цветами и подарками: Для меня это, как и прежде, были просто Эмма Саутина, Юлия Горская, Катя Кузнецова, Галя Иванова, Жорик Ливанов, Сережа и Нонна Блажковы, Юра Авербух, Юра и Рита Налимовы, Аня Еремеева (Красько), Алек Иванов, Володя Муниц и Володя Крышко (он хоть из «довоенных мальчишек», но познакомились мы с ним уже после войны - он участник нашей ленинградской команды в матче Москва-Ленинград в 1948 г.) И, конечно, мой дорогой Кирсик – Кира Ягунова. Спасибо Вам всем огромное, что вы не забываете и так тепло ко мне относитесь.

Н.Ветошникова после юбилея, 2006 г.

«по наследству» от его двоюродного брата Сережи Винтергальтера, моего довоенного микстёра, а Юриного сокурсника по институту.

Мой сын Никита, 2004 г.

Мои внуки Таня и Ваня, 2007 г.

Мой сын Никита и его дети - мои внуки Ваня и Таня играть в теннис умеют, но играют редко, от случая к случаю, в соревнованиях не участвуют.

Своей увлеченности этой замечательной игрой я, к сожалению, им передать не сумела.

Благодарю также всех тех моих школьных и институтских друзей, которые болели за меня, радовались моим успехам и огорчались в случаях поражения.

Несмотря на то, что я уже давно не играю в теннис, совсем отказаться от него не могу. С удовольствием смотрю, что удается, по телевидению, посещаю турниры и соревнования, проводимые в Петербурге, читаю теннисные новости и журналы, а главное, встречаюсь с теми, кто ещё помнит меня на кортах. Конечно, и я их помню на кортах. К сожалению, из наших «довоенных мальчиков и девочек» остались только мы с Кирсиком.

Последние годы я провожу летом какое-то время у Кирсика на даче. Мы «дышим воздухом»: Кирсик трудится в саду, а я тем временем что-нибудь пишу.

Кирсик с Бетти и я

Мои родители увлекались теннисом с молодости. Мария Николаевна Калугина и Борис Адрианович Ветошников познакомились на теннисном корте. Это произошло в 1916 г. в Теннисном клубе дачной местности Терийоки. А в 1926г. мы жили на даче под Павловском (тогда он назывался город Слуцк), рядом с которым находился известный еще с 1880-х годов Спортивный клуб посёлка Тярлево, где было 4 теннисных корта и футбольное поле. Карты были, естественно, главным условием для выбора дачи. А на дачу ехать готовились заранее. Мама с Бабусей укладывали в две большие бельевые корзины постельное белье, одежду, кухонные принадлежности, самовар, посуду, даже сухие продукты: крупы, кофе, чай и т.д. Ракетки и игрушки тоже, естественно, не забывали. Рано утром приезжал,

Мама. Терийоки. 1916 г.

Папа. Терийоки. 1916 г.

так называемый, ломовой извозчик на телеге, запряженной ломовой лошадей. На таких телегах тогда перевозили различные грузы. Телегу нагружали, и извозчик, не торопясь, отправлялся на дачу и появлялся там, делая несколько остановок в пути, только к вечеру. Мама приезжала туда тоже к вечеру, но уже на поезде. Вещи сгружали, мама всё разбирала и раскладывала по местам. На следующий день мы с Бабусей и Дидусей (так я их называла на украинский лад) приезжали туда на поезде к обеду, с которым нас уже ждала мама. А папа приезжал вечером, после работы, и, конечно, бежал на корты. Так начиналась наша дачная жизнь.

В Тярлевском клубе был довольно большой и дружный коллектив любителей тенниса. Днем на кортах играли, обычно, пожилые люди, неработающие женщины и молодежь. А вечерами, после работы, из города приезжало много народу. Чтобы каждый мог поиграть, соблюдалась обязательная очередь – ракетками. Некоторые бежали на корты прямо с поезда, не заходя на дачу, чтобы успеть положить свою ракетку раньше других. Приходящие первыми, занимали площадки и начинали играть, а следующие клали свои ракетки прямо на землю около судейской вышки и, если ракеток оказывалось больше четырех, играли только по одному сету. Когда желающих и, соответственно, ракеток было много, то играли вчетвером: либо парные, либо миксты, и тоже только по одному сету. Ушедшие с площадки снова занимали очередь, чтобы сыграть еще один сет (а может быть потом и еще один). И так до темноты. В белые ночи уходили далеко за полночь. На первом корте играли лучшие игроки – и мужчины и женщины. Их было сравнительно немного. На втором корте было уже побольше, на третьем еще больше, на четвертом игроков было больше всего. Существовал еще так называемый «5-й корт». Он располагался на шоссе, недалеко от Клуба. Это было здание бывшей дворцовой фермы: деревянное, двухэтажное, с красивыми окнами-витражами в псевдогоthicеском стиле, рядом с которым было маленькое пивное заведение или, попросту, - пивнушка. Там, под высоченными деревьями, было несколько больших деревянных столов, с двух сторон которых стояли длинные, деревянные же скамейки. Хозяин пивнушки, пожилой толстячок в белом длинном переднике и в белом, как у поваров, колпаке, виртуозно разносил по 4-6 кружек с пивом в каждой руке. Закуской, как правило, были варёные раки и черные сухарики с солью. Вечерами, после окончания игр, часто можно было услышать: - «Теперь пошли на 5-й корт!»

Мы с мамой приходили на теннис часам к 12-ти. Мама играла, а мне, совсем еще маленькой девочке в то время, не надоедало часами сидеть на скамейке и смотреть, как по теннисным площадкам бегают игроки, чтобы достать «трудный» мяч и перебить его через сетку на другую сторону. Мне очень нравилось, например, что подающий игрок обязательно предупреждает, что в то время было принято,

Играли в теннис и два маминых брата – Иван и Николай Николаевич Калугины, оба по 5-й категории.

Кроме них в теннис играла жена папиного брата Елена Владимировна Ветошникова, игрок № 1 Тярлевского теннис-клуба. По результатам соревнований 1926 г. она была в «10-ке»

Николай Николаевич Калугин, 1916 г.

Ленинграда. Однако из-за болезни ног была вынуждена отказаться от тенниса.

По самым скромным подсчетам, наша семья Ветошниковых-Калугиных отдала теннису более 100 лет жизни. Я благодарна им всем за то, что они передали мне любовь к этой прекрасной игре – теннису.

Елена Владимировна Ветошникова, 1939 г.

Кроме моих родных я должна обязательно вспомнить добрым словом и моего покойного мужа Юрия Николаевича Самарина за любовь, неизменную дружескую поддержку и понимание, главное, за понимание.

С чувством глубокой благодарности я вспоминаю также и моих постоянных болельщиков, присутствовавших почти на всех моих встречах – Колю (Николая Львовича) и его жену Мусю (Марию Николаевну) Давыдовых – наших больших друзей. Коля достался нам с Юрой

Мы с Юрой, моим верным болельщиком, 1959 г.

разряда Всесоюзных соревнований молодежи (1946г.); чемпионка в парном разряде (1950-51), 2-е место в одиночном (1950, 1952гг.) и смешанном разрядах (1951г.) и 3-й призер в одиночном и смешанном разрядах (1951г.) на первенстве ЦС ДСО «Буревестник». Муся с детства была болезненным ребёнком, блокада тоже сыграла не последнюю роль. На ее здоровье отразилось и сильное отравление в 1946 году во время соревнований Молодежного первенства СССР. Там тогда пострадало около 40 человек – что-то съели в столовой за

Моя сестра Муся – Мария Борисовна Ветошникова, 1946 г.

Муся, 1946 г.

ужином. После этого Муся долгое время не могла ничего есть, очень похудела. К тому же она несерьезно относилась к своему здоровью: продолжала курить, начав еще девочкой в блокаду, чтобы не заснуть на работе – на её глазах одна из работавших рядом на станке, задремав, «клюнула» носом и попала головой в станок, который снял с неё скальп, хорошо еще с тыльной стороны головы. Потом уже больной туберкулезом она несколько

раз ездила на юг, а, когда спохватилась, помочь уже было невозможно.

Мамина сестра, Ксения Николаевна Калугина (1903-1942 гг.), играла в теннис сначала в Тярлевском теннис-клубе, потом в «Динамо». В классификации на 1-е января 1931г. была первой в 3-й категории.

Мамина сестра, Ксения Николаевна Калугина, 1938 г.

Теннис в моей жизни

своего противника возгласом: «Play!», а принимающий отвечает: «Ready!»! Одиночные назывались «singles», а парные – «doubles», «lady-doubles» и «mixed». Все это еще оставалось от времен «lawn-tennis,а», геймы и сетки тоже имели место. А вот считали почему-то по-русски. Мне всё это страшно нравилось: хотелось поскорее научиться играть. «Научи меня, пожалуйста, играть в теннис» - приставала я к маме. И моя мама «мудро» отвечала: - «Вырастешь, сама научишься». Мне же хотелось научиться сейчас, как можно скорее! А мой любимый Дидуся, Николай Иванович

Калугин, это понял. Он раздобыл где-то две ракеточки: обод имел вид настоящей ракетки, но уменьшенный раза в три, а струны были веревочными. И, конечно, играть настоящими теннисными мячами этими ракетками было нельзя - веревки сразу же рвались. Поэтому мы играли мячиками от пинг-понга и на деревянном полу. Так Дидуся, который сам очень любил теннис, но играть, практически, не умел, оказался моим первым учителем. И вот, каждый день, вернувшись часа в три из клуба и почти не передохнув после

Ребенок, то есть я взяла первый раз в руки ракетку.

обеда, мы с Дидусей начинали нашу игру, причем обязательно с «Play» и «Ready» и со счетом. И тут возникала проблема: - жить на даче, на свежем воздухе, а играть в закрытом (!) помещении, в большой пустой комнате метров тридцати, так называемом зале, который и не входил в снимаемое помещение – в нем ставни вообще не открывались. А Дидуся, как я поняла намного позже, прибежал к хитрости: он предлагал мне пойти на площадку в саду перед домом и поиграть в серсо. Он говорил, что эта игра поможет мне скорее научиться играть в теннис, она поможет скорее выработать внимание и быструю реакцию. А для теннисистки это необходимо. Последняя фраза была просто магической. Если это для тенниса необходимо, значит надо бежать играть в серсо. Теперь этой чудесной игры, по-моему, никто не знает. В нее играют два игрока, у каждого из которых по деревянному стержню, длиной в

Теннис в моей жизни

60-70 см., с поперечной планочкой у рукоятки (как у шпаги) и по несколько обручей (серсо), диаметром сантиметров по 20. Нужно, держа стержень за рукоятку одной рукой, другой насадить один обруч на конец стержня и постараться так отбросить его в сторону противника, чтобы ему не удалось «поймать» его на свой стержень. «Пойманные» обручи откладываются в сторону. Выигрывает тот, кто сумеет поймать больше обручей. Игра в серсо, действительно, вырабатывает и реакцию, и внимание и глазомер. И, чтобы «хорошо играть в теннис», я эксплуатировала моего бедного Дидусю с утра до вечера. И, конечно, ему я, в первую очередь, на всю жизнь бесконечно благодарна, что всё-таки научилась играть в теннис.

На тярлевских кортах проводились соревнования на первенство Клуба. Играли на всех кортах: на первом, естественно, «первачи», на 2-м и 3-м - игроки 3-й и 4-й категорий, на 4-м корте – игроки 5-й и 6-й категорий (по ленинградской классификации теннисистов по результатам предыдущего сезона). В 1926-28 г. лучшими игроками Клуба были: - Владимир Константинович Романов (чемпион России 1912 г. по прыжкам в высоту, впоследствии заслуженный мастер спорта СССР по легкой атлетике). У него была 2-я категория или, как тогда говорили, 2-й класс; затем шли Герберт Фомич Ундриц и Борис Варфоломеевич Усов. Его брат, Павел Варфоломеевич имел 3-ю категорию так же, как и Георгий Иванович Крутелёв, Борис Иванович Татаринев, Мелентьев, Щецов и др. Из остальных я помню: Николая Викторовича Гаука, Владимира Ивановича Кукушкина, Александра Николаевича Вольнова – у них была 4- категория, У моего папы, Бориса Адриановича Ветошника, тоже была 4-я категория. Причем он два или три года подряд на первенстве Ленинграда по 4-й категории проигрывал в полуфинале победителю первенства, и ему так и не удалось перейти в 3-ю, так как переводили только двух финалистов. Так, А.А.Ярицына (отца будущего мастера спорта СССР И.А.Ярицыной) в 1929 г. перевели в 3-ю категорию. А из 3-й и 2-й категорий в высшую переводили только победителей. По 5-й категориям играло много любителей тенниса, в том числе и два маминых брата Иван и Николай Николаевичи Калугины, Александр Алексеевич Потапов, Борис Михайлович Свиринов, и другие. К 6-й категории относились,

Моя мама, Мария Николаевна Ветошникова, 1946 г.

Мама, Мария Николаевна Ветошникова (1896-1985) как и папа играла с 1926г. в Тярлевском теннис-клубе, с 1929г. в «Динамо», входила в «10-ку» лучших теннисисток Ленинграда (1928-31гг.), участвовала в матче Москва-Ленинград (1930г.), в первенстве ЦС «Динамо» в 1938 г. К сожалению, она отличалась очень невыгодным для нее свойством: прекрасно играя на тренировках, «раскладывая», как тогда говорили, мячи направо и налево, она почти всегда обыгрывала своих противниц. А когда выходила играть на соревнованиях – очень волновалась, от чего играла скованно, как-то судорожно. От этого появлялась промазка, она начинала волноваться ещё больше и быстро проигрывала. Проигрыши, естественно, огорчали, и она перестала играть соревнования и занялась общественной работой, связанной с теннисом: сначала была общественным тренером в «Динамо» и в «Науке», окончила в 1947г. краткосрочные теннисные курсы при Институте им. П.Ф.Лесгафта и очень активно принимала участие в работе теннисных секций «Динамо» и Ленинграда: была секретарем (1938-40 г.), членом орг-массового сектора (1946-48гг.), членом судейской коллегии (1946-48гг.), секретарем теннисной секции «Динамо» (1934-41гг.). В 1947г. ей было присвоено звание Республиканского судьи. Работая с 1948г. в 4-м Райсовете «Динамо» с подразделениями милиции, она вела занятия по легкой атлетике, гребле, а зимой - по лыжам. Сама принимала участие в соревнованиях. После ухода в 1956г. на пенсию и, буквально, до последних дней жизни была членом бюро секции ветеранов Ленинградского городского и областного советов «Динамо».

Моя сестра Муся – Мария Борисовна Ветошникова (1925-1961) имела 1-й разряд по теннису, работала чертёжницей. В теннис начала играть с 12 лет, в 1938г. Лучшие результаты в соревнованиях: 2-е место в первенстве Ленинграда в разряде девочек младшего возраста (1940г.); 1-е место «Утешительного»

Одновременно с огромной работой по подготовке к изданию этого Справочника Владимир Лейбович, начиная с 1994 г. и до самой кончины в 2007 году проводил большую работу как Председатель Совета ветеранов Федерации тенниса города Санкт-Петербурга.

В заключение я еще и еще раз вспоминаю с благодарностью моих родных и любимых Бабусю и Дедусю. Мудрые советы Бабуся всегда помогали мне. Многими из них я пользуюсь и сейчас. А Дидуся сделал все, чтобы не только помочь мне осуществить мечту – научиться играть в теннис, но и закалил мой характер.

Говоря о «теннисе в моей жизни», я обязательно должна упомянуть, что, не имея я дома «теннисных тылов», мне, может быть, и не удалось достичь того, чего я достигла. А успехи были не только у меня. Сколько я себя помню, наша семья была «пропитана» теннисом.

Дидуся и Бабуся с дочерьми - Надей, Верой, Галей и Марусей и с внуками Мусей и Тасей

Мой папа, Борис Адрианович Ветошников, 1939 г.

Папа, Борис Адрианович Ветошников (1897-1942), не только играл по 4-й категории (в начале 30-х годов у него открылась язва желудка, и ему пришлось отказаться от игры в теннис), но и активно занимался судейством. До войны он принимал участие в судействе во всех соревнованиях, проводимых на первенство города и в матчах Москва-Ленинград. Он судил и на вышке и на линиях.

фактически, новички.

У женщин в те годы первой игрочихой, как тогда было принято говорить, в Тярлевском клубе была Елена Владимировна Ветошникова 1-я (жена папиного брата). У нее была 1-я категория, но она уже в 1927 г. бросила играть из-за болезни ног. За ней шла моя мама – Мария Николаевна Ветошникова 2-я, имевшая 2-ю категорию. По 3-й категории играли сестры Наталия Ивановна Крутелёва и Екатерина Ивановна Петерсен, мамина сестра – Ксения Николаевна Калугина, жены двух братьев Швецовых – Наталья Александровна и Ольга Георгиевна Швецовы, Мария Адольфовна Богоявленская и Мария Ивановна Петрова, кстати, бывшая хорошей фигуристкой и в то время, если я не ошибаюсь, чемпионкой Ленинграда среди женщин по фигурному катанию. В Клубе, как я уже упоминала, проводились соревнования – тренировались к интерклубам.

Команда Крестовского клуба у тярлевцев, 1926 г. в центре - я

Так назывались встречи между тярлевцами и приезжавшими по субботам и воскресеньям из города командами Крестовского теннис-клуба, «Динамо», «Пищевкус,а», (Союз работников пищевой промышленности), «Рабпрос,а», (Союз работников просвещения) и др. Теннисисты Тярлевского клуба, в свою очередь, ездили в город, играли с крестовцами, динамовцами и другими. Однако эти соревнования устраивались, обычно, до первенства города. В Тярлево игры начинались в 11 ч. и продолжались часов до 2-3-х,

затем гостей распределяли по 2-3 человека, и местные теннисисты приглашали их к себе на обед, а если оставались на воскресенье, то и на ужин и ночевку. Из приезжавших очень хорошо помню Елену Александровну Волкову из Крестовского, сестру и брата Валентину Ивановну и Роберта Ивановича Шлупп – динамовцев, Алексея Павловича Григорьева и Ольгу Константиновну Васильеву (оба Рабпрос), Ольгу Павловну Федоровскую. Ольга Константиновна и Ольга Павловна обычно обедали у нас на даче. Часа через полтора-два после обеда игры продолжались. Вечером хозяева шли провожать гостей на Павловский вокзал или на платформу Тярлево. Теннисистами Тярлевского клуба была придумана эмблема клуба: на небольшом треугольничке из белой материи были вышиты сиреневый круг с белой аббревиатурой ССТС, она означала, кажется, Слуцкий Спортивный Теннисный Союз. Мама своими руками вышила штук 20 таких эмблемок.

В один прекрасный день мы, как всегда, были на кортах, - кто играл, я теперь уже не помню. Помню только, что мы с мамой сидели на скамейке у первого корта (трибун в Тярлево не было) и увлеченно смотрели на играющих. Наверное, игра была настолько интересной, что мама не заметила, как мяч, видимо летевший в аут, отскочил мне в нос. Она поняла это только тогда, когда почувствовала, что у нее по ноге что-то течет. А текла кровь из моего носа, так как я уткнулась носом в ее колени. Самое интересное: я совершенно не помню боли, но хорошо помню, что я не плакала. Меня положили на спину и стали прикладывать к носу смоченный холодной водой, чей-то большой носовой платок. Кровь из носа перестала течь очень быстро, и я снова стала смотреть на игру. Хорошо помню, как кто-то сказал: - «Вот и первое боевое крещение - быть тебе чемпионкой!» Кто-нибудь на моем месте, может быть, перестал бы вообще ходить на теннис и не стал бы в него играть. А мне очень захотелось стать чемпионкой! Этот эпизод стал началом следующего: тем же мокрым носовым платком пришлось отмывать мою младшую сестренку Мусю. Её, 10-11 – месячную, еще не умеющую ходить, мама, обычно, оставляла с игрушками на расстеленном на футбольном поле большом пикейном одеяле. Муся была особой предприимчивой: ей, видимо, надоели игрушки, и она

юбилей, и его специально делегировали на один день в «Мечту» за конфетами. Оказывается, наши конфеты в Москве ценились! Это, конечно, было приятно слышать. Тогда Николай Николаевич увёз в Москву несколько коробок и килограмма три развесных конфет.

Наконец, я обязательно должна вспомнить историка Петроградского-Ленинградского-Петербургского тенниса Владимира Лейбовича Муница. Он тоже играл в эту чудесную игру теннис. Начав учиться играть 15-летним мальчиком в 1945 г. он, занимаясь в группе Галины Сергеевны Коровиной, быстро стал делать успехи и уже в 1947 г., в составе команды юниоров, принимал участие в Матче Москва-Ленинград. Однако потом, в связи с поступлением в Балтийское высшее военно-морское училище подводного плавания и дальнейшим прохождением военной службы он надолго был оторван от Ленинграда и тенниса. Демобилизовавшись в конце 50-х годов, он в 1967 г. оканчивает Ленинградский институт им. Ленсовета, однако в теннис играет с этого времени очень мало, зато он постепенно начинает собирать различные материалы о теннисе и теннисистах, так как понимает, что история тенниса этого требует. Уже в конце 80-х годов он публикует статьи и очерки в различных газетах и журналах, посвященные как истории тенниса, так и отдельным теннисистам. В 1991 году Муниц оканчивает курсы тренеров и начинает заниматься тренерской работой – ведет детские группы. Тогда же Владимир Лейбович издает небольшую интересную книжку «Лаун-теннис в Санкт-Петербурге». Она посвящена истории тенниса в Петербурге до революции. И, наконец, в 1999 г. завершается неопределимый вклад Владимира Лейбовича в историю тенниса – выходит в свет его книжка под названием «Теннис. Справочник Петроград, Ленинград. Санкт-Петербург. 1920-1993.» В справочник вошли подробные сведения о лучших теннисистах и тренерах, а также о функционерах тенниса и судьях нашего города.

*Владимир Лейбович
Муниц. 2005*

узелками. Рукою Николая Михайловича было нарисовано много дружеских шаржей на теннисистов.

Вспоминается такой довоенный эпизод: по дорожке к кортам идет с ракеткой известная артистка кино Зоя Фёдорова, чрезвычайно милое существо. Вокруг увиваются не теннисисты, а почему-то футболисты, во главе с Витей Набутовым. Все они на перебой гудят: - «Зоенька! Зоенька!» И она, обворожительно улыбаясь и обводя всех своими озорными глазами, певуче растягивает: - «А-алексе-е-вна-а-а...».

В 40-50-годы на динамовских кортах часто играл академик-физик А.Н.Теренин всегда, вне зависимости от погоды, в белой панамке. Почему-то он мне запомнился на дорожке – или на корт, или с корта. Мы всегда вежливо раскланивались, но ни разу не проронили друг другу слова.

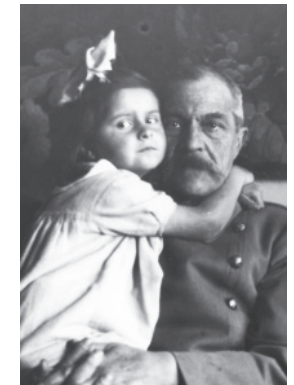
Вспоминаю высокого, стройного, в возрасте 91 года, выходявшего неторопливой походкой, на корт, неукоснительно в белой кепочке, известного корабела, профессора Кораблестроительного института Всеволода Александровича Ваншейдта. В молодости он тоже начинал с 4-го и постепенно заработал 1-й разряд. В последние годы жизни мамы мы с ней часто бывали на концертах в филармонии и, почти всегда, встречались там с Всеволодом Александровичем и его женой Ольгой Анатольевной.

У известнейшего артиста Московского Малого театра, Игоря Владимировича Ильинского до войны по теннису был 2-й разряд. С ним мы несколько раз играли в Сухуми, когда были на сборе, а он гастролировал там, выступая с произведениями Льва Толстого. Он пригласил всех на свой концерт, и мы получили огромное удовольствие от его чтения. А когда он приезжал на гастроли в Ленинград, мы бывали на его концертах.

В Москве сами играли в теннис и были известными болельщиками артисты эстрады: - композитор и пианист Александр Цфасман – верный поклонник Н.С.Тепляковой, и куплетист Николай Николаевич Рыкунин. Лет 30 тому назад (а может уже и 40) мы встретились в очереди кондитерского магазина «Мечта», на Невском проспекте. Я решила, что он у нас на гастролях, но в разговоре выяснилось, что в Москве у кого-то, не помню уж, был

поползла обзирать окрестности. В результате она обнаружила «тепленькое» местечко – умудрилась усесться в коровью бляшку - на футбольном поле иногда паслась корова сторожа.

Мне всё время очень хотелось по-настоящему «поиграть на корте». И, так как днем, обычно, были заняты не все площадки, то я, не стесняясь, одна шла на свободную, таща за собой папину ракетку (14 унций весом - не каждый мужчина любил играть такой). Я довольно быстро научилась подкидывать мяч и отбивать его так, чтобы он перелетал через сетку. Трудность заключалась в другом: с задней линии это не получалось, приходилось стоять метрах в двух от сетки. Но потом я стала постепенно увеличивать расстояние и могла это делать, уже стоя между линиями подачи и задней. Перекинув мяч на другую сторону, я бежала за ним и проделывала следующий удар с другой стороны площадки. Я начала надоедать маме, чтобы она посмотрела, как это всё у меня получается. Но моей маме, самой очень увлеченной теннисом, возиться со мной было некогда, и она, сказав: «Вот видишь, как все это просто. Продолжай, продолжай - и ты скоро будешь хорошо играть», - убежала на первую площадку, где ее уже ждала одна из ее напарниц. Зато вечерами мы с Дидусей играли маленькими ракетками в саду. Ему тоже очень хотелось, чтобы его любимая внучка научилась играть в теннис поскорее. А в пустой комнате внизу он поставил большой лист фанеры, где я могла без усталости отбивать один мяч за другим. И так продолжалось изо дня в день. Куклы и другие развлечения были заброшены. Кроме серсо, но только потому, что оно «развивает глазомер, ловкость и точность», а я понимала, что для тенниса это необходимо. Тем более, что об этом говорил мой Дидуся. А то, что говорил мне Дидуся, я, обычно, принимала на веру. Я знала, что он всегда желал мне только добра. С полной ответственностью сознаю, что именно Дидуся стал для меня первым тренером. И я ему не только за это, но и вообще за

Я с моим любимым Дидусей.
1925 г.

всё в жизни чрезвычайно благодарна.

Однажды, увидев мои старания на корте, ко мне подошел один старичок (вспоминая его сейчас, думаю, что ему было не больше пятидесяти, а то и меньше). Он стал мне подкидывать мячики. Я была в диком восторге, что могла (правда, не каждый мячик подряд) откидывать ему через сетку: - «Стала играть! Урра!» На следующий день он подарил мне хорошенькую маленькую ракетку с длиннющей ручкой, сказав, что его мама уже давно использует ее в качестве выбивалки пыли из мебели. Я была на десятом небе. «Старичок» несколько раз приходил со мной играть, а потом исчез и никогда больше не появлялся. А я даже не спросила, как его зовут. Уже сейчас, вспоминая и сопоставляя события тех далеких лет, мне приходит в голову, что, может быть, он был именно тем человеком, который погиб от угарного газа, при пожаре в Павловске. Это событие тогда долго обсуждалось всеми теннисистами. А погиб тогда Оборин. Говорили, что он был братом знаменитого пианиста Льва Оборина.

Дидуся, Муся и я. 1927 г.

Видя мои успехи на корте, дедушка сделал мне сюрприз: он подарил мне, специально заказанные на мою ногу, белые парусиновые туфельки – такие же, какие были у мамы и других теннисисток. Внешне они были похожи на балетные – с завязочками, но подошва была из просмоленных толстых веревок. Она не сгибалась, и, бегая, приходилось приспособливаться. Зато мне очень нравился запах этих подошв. Когда мы уезжали осенью с дачи, я эти туфельки забыла в ящике шкафа. Для меня это было

настоящей трагедией. Но спасло то, что нога у меня росла быстро, и на следующий год все равно пришлось играть в сандалях.

Тярлевские теннисисты поддерживали дружбу и зимой: бывали друг у друга, встречались на вечеринках в складчину. Раза два собирались у тети Ляли и дяди Мити (Елена Владимировна и Дмитрий Адрианович - папин брат) Ветошниковых.

Борис Сергеевич Желепов – племянник Петра Ивановича Лукирского. Начиная в 1930 г. играть в теннис по 4-й категории, постепенно двигаясь вперед, к 1954г. стал игроком 1-го разряда. Он тоже был физиком, чл.-корр. АН СССР, профессором ЛГУ. Говорили, что студенты-физики любили лекции Бориса Сергеевича, а все студентки физфака были влюблены в него. (Сын Бориса Сергеевича Игорь Желепов, Мастер спорта СССР, тренер, судья Республиканской категории. Директор международных турниров, член Директората турнира «St.-Petersburg Open». Окончил физфак ЛГУ, кандидат технических наук).

В 20—30 годы в Ленинграде жил и играл в теннис известный писатель Борис Андреевич Лавренёв, рассказами которого в то время все зачитывались. Его пьеса «Разлом» была в репертуаре театров во многих городах страны, в том числе Ленинградского БДТ им. Горького, а рассказ «Сорок первый» был экранизирован. Потом он переехал в Москву и в 50-е годы был председателем Всесоюзной теннисной секции. Каждый раз, когда мы бывали в Москве, мы его обязательно навещали в его обширном кабинете Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта, в Скатертном переулке.

Елизавета Семеновна Драчинская – теннисистка 3-го разряда, играла в теннис в конце 20-х – начале 30 годов. Известный хирург, педагог, доктор медицинских наук, профессор, крупный специалист по диагностике и лечению заболеваний щитовидной железы, пластической и сосудистой хирургии, Обаятельная женщина, увлекавшаяся кроме тенниса верховой ездой. Мы с мамой часто встречали ее в филармонии, и, разговаривая в антрактах, всегда вспоминали её и мамини молодые годы.

Николай Михайлович Кочергин, известный художник-график, теннисист-левша 3-го разряда. Выходя на корт, всегда надевал на голову большой носовой платок, завязанный по углам

Евгений Аркадьевич Кудрявцев - Дружеский шарж Николая Михайловича Кочергина

их разочарованные физиономии. С тех пор они ловлей рыбы не занимались.

Всех этих людей и ещё многих других, я часто и с большой благодарностью вспоминаю: за готовность помочь и поддержать, за сплоченность и взаимовыручку. В те времена в нашей команде, да и вообще в теннисе царил дух настоящей дружбы. Например, на командных соревнованиях, которые проводились по всем разрядам, мы болели не только за свою – первую команду, но и за все остальные, даже если приходилось ездить на другие стадионы. Вспоминаются наши корифеи, сидящие где-нибудь на скамейке на «Строителе» или «Красном знамени» и болеющие за 4-ю или 5-ю команды.

Не могу не вспомнить и не отметить с благодарностью тех, с кем тоже часто приходилось общаться – судей на вышке. Помогавших своим чётким судейством создавать на корте атмосферу спокойствия и уверенности в том, что не возникнет никаких неприятных эксцессов. Такими были до войны Л.М.Немёнов, И.А.Гороход, Л.А.Крупницкий и некоторые другие. А после войны – Володя Перлов и А.В.Смирнов из «Спартака» и динамовцы Г.А.Ливанов, М.П.Меньшухин, Н.Н.Алексеев и др.

И ещё кое о чем: за долгие годы, проведенные на теннисных кортах мне приходилось встречаться и быть знакомой со многими интересными людьми. В теннис играл и успешно папа Андрея Лукирского – Петр Иванович Лукирский. в начале 30-х годов игравший в теннис по второй, а после войны по первой категории и бывший известным яхтсменом.

Петр Иванович Лукирский, физик-экспериментатор в области электронной физике, рентгеновских лучей и ядерной физике, член-корреспондент (1933 г.), действительный член (1946 г.) Академии Наук СССР. Пример отца, несомненно, сыграл большую роль в выборе интересов и в становлении Андрея, как ученого.

*На динамовских трибунах:
Петр Иванович Лукирский и мы с Кировой,
холодный июль 1950 г.*

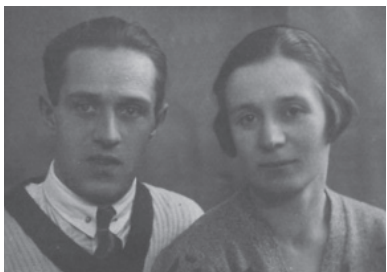
Зимой 1928-29 гг. маму пригласили играть в «Динамо». Динамовцы тренировались на деревянном полу, в манеже бывшего 3-го Кадетского корпуса (теперь спортивный клуб Военно-космической академии им. А.Ф.Можайского). Как сейчас помню: однажды мама вернулась из манежа (обычно это бывало около 10-11 часов вечера) и сказала, что у Зики (Зинаиды Георгиевны) Клочковой родилась дочка (Ира Мультино родилась 28 марта 1929 г.). А летом 1929 г. мы уже не поехали на дачу и стали каждый день с утра и до вечера ездить на стадион «Динамо». Мама тренировалась с Зикой, с Валентиной Ивановной Шлупп и с динамовскими мужчинами: – Николаем Николаевичем Шестовым, Владимиром Михайловичем Левыкиным и Константином Ивановичем Воробьевым - они имели обыкновение тренироваться и с женщинами, не говоря уж об игроках 2-й категории. По результатам сезона маму перевели в 1-ю категорию, по которой она принимала участие в соревнованиях до 1932 г. Потом она долго болела и позднее играла по 2-й категории (до 1935 г.) и даже по 3-й (до 1954 г.). Ездить на стадион было трудно: от дома до Введенской ул. шли остановку пешком. Там мы с большим трудом втискивались в набитый трамвай. Тогда с передней площадки входить никому не разрешалось. Мама, пропуская меня вперед, поднималась, держа Мусю на руках. Со всех сторон напирала, толкались, Муся начинала плакать. Я кое-как пыталась протиснуться, иногда это удавалось с большим трудом. Наш трамвай № 12, пришедший от Тучкова моста, поворачивал налево на Рыбацкую и Зеленину улицы, после чего шёл на Барочную ул., на кольцо. От Барачной ул. и до Елагина моста шёл подкидыш, причем по одной колее. На маршруте было две остановки – разъезды, на которых вожатые передавали друг другу палочку, вроде эстафеты, что означало – путь свободен. Мы выходили на углу пр. «Динамо», по-моему, он тогда ещё назывался Александровским, и долго шли по аллее до стадиона, вход на который был напротив теперешнего Круглого павильона.

Слета 1929 г. у меня началась совершенно другая жизнь: - я первый раз присутствовала на матче Москва – Ленинград. Родителя взяли меня с собой в Крестовский теннис-клуб, и я своими глазами увидела

весь цвет тенниса. Москвичи: Е.Д.Александрова, А.Ланшина, Преображенская, А.В.Правдин, Е.С.Ованесов, Н.Ф.Бочаров Н.Н.Иванов, Е.С.Тихонов и др. (С.В.Мальцева и Н.С.Теплякова начали приезжать с 1930 года). Ленинградцы: - В.И.Шлупп, О.П.Федоровская, О.Е.Ольсен, Е.А.Кудрявцев, В.К.Мультино, В.М.Левыкин, Б.А.Шпигель, Н.Н.Шестов, К.И.Воробьев. До сих пор они, как живые, стоят перед моими глазами: молодые, весёлые, радующиеся возможности повидаться друг с другом. Я смотрю на них, и мне хочется играть так же хорошо, как играют они. С тех пор я бывала на всех матчах Москва – Ленинград, которые проводились в Ленинграде. Кроме перечисленных помню

*Сборная команды Ленинграда:
Н.Шестов, В.Левыкин, В.Мультино,
О.Ольсен, Е.Кудрявцев, О.Федоровская,
Б.Шпигель. 1929 г.*

*Б.А.Шпигель и
Т.К.Суходольская. 1929 г.*

О.П.Федоровскую, с которой родители мои были знакомы ещё со времён игры в Терийоках, и Т.К. Суходольскую. В некоторые годы матчи Москва-Ленинград проводились по два: один у нас, другой в Москве. Тогда я даже мечтать не могла, что когда-нибудь сама буду в них участвовать. А ведь участвовала даже много раз! Больше всех мне понравилась игра Мальцевой, Александровой и Правдина. Ованесов играл хорошо, но под каждый удар громко пыхтел. Это мне не понравилось и повлияло даже на мое отношение к его игре. Смотрю сейчас на игру Шарাপовой и других молодых девиц, позволяющих себе «громкие выдохи» при

каждом ударе, и невольно вспоминаю Ованесова. На мой взгляд, это неэстетично и способствует потери их привлекательности. Большое впечатление у меня осталось от игры Александровой в миксте с Тихоновым. Она играла очень умно и умела послать

опять отправлялась продолжать спать. Внизу играли в карты, конечно, на деньги, но ставки были копеечные. Часто решали кроссворды. В этом я тоже принимала участие. Меня будили и тогда, когда Эдик Негребецкий начинал что-нибудь петь. Чаще всего он напевал романсы из репертуара Александра Вертинского, а мы все с большим удовольствием его слушали. В гостиницах, по вечерам слушали радио, делились впечатлениями о прочитанном, рассказывали разные житейские истории, играли в «Короля» или опять же решали кроссворды. «Дамы», как часто называла нас всех Таня Налимова, были очень разными по характеру и взглядам на жизнь, но нас всех объединяло общее: любовь к теннису и преданность команде – будь-то «Динамо» или сборная города. Я не помню ни одного случая, чтобы были какие-то дразги или недоразумения. Как-то умели, наверное, принаравливаться: болели друг за друга во время соревнований и помогали чем могли. В некоторых случаях применяли жребий, например, кому занять в номере гостиницы койку у окна или у двери и т.п. Когда отправлялись в столовую, как правило, шли по несколько человек, большой компанией. Настроение, обычно, бывало хорошим, много смеялись, иногда дурачились. Помню, как-то шли по одной из улиц Сухуми: из репродуктора звучал полонез из «Евгения Онегина» и мы, несколько пар, взялись за руки и прошлись метров 15-20 в полонезе, за что были вознаграждены аплодисментами прохожих.

Кстати там же, в Сухуми, Негребецкий и Мищенко решили как-то пойти на море поудить рыбку и отдать ее в столовую, с целью разнообразить наше меню. Купили удочки и всё, что к ним полагается. Ведро дали в столовой. На следующее утро они встали рано и отправились на мол, недалеко от гостиницы, где, обычно, занимались ловлей рыбок мальчишки. Мы встали в обычное время, позавтракали и, снедаемые любопытством - что же у нас будет на обед? – отправились проведать наших рыболовов. Подошли к ним так, чтобы они нас не заметили, и стали наблюдать за процессом. Оба сидели молча, время от времени поворачивая голову то вправо, то влево, так как у сидящих в 5-10 метрах от них мальчишек всё время клевало, и они снимали с крючка одну рыбку за другой. Наши же «рыбаки» так ничего и не поймали. До сих пор помню

доктор физико-математических наук, профессор А.С.Шулаков пишет: - «Жизнь Андрея Петровича Лукирского опровергает многие устойчивые стереотипы, она достойна долгой памяти и уважения...». И далее: «Его творчество оставило глубокий след в истории физики. Сегодня многие профессионалы, занятые по всему миру исследованиями с использованием синхротронного излучения, быть может, сами того не подозревая, пользуются разработками и открытиями человека, так давно ушедшего от нас»... (Андрей умер в 1964 году в возрасте 36 лет). И далее: «в 1986 году, после тщательной экспертизы, работы А.П.Лукирского и профессора Т.М.Зимкиной, по обнаружению гигантских резонансов поглощения УМП-излучения многоэлектронными оболочками атомов, были зарегистрированы Госкомитетом СССР по изобретениям и открытиям, как открытие под № 297. В настоящее время в СПбГУ успешно работает четвертое поколение учеников Лукирского. Его научная школа признается мировым физическим сообществом. Ярчайшие черты характера Андрея Петровича – твердость и целеустремленность лидера, аналитичность философа, помноженные на спортивную жизнерадостность, общительность и внимательность к людям, до сих пор излучают осязаемые флюиды, делающие его научную школу живой и жизнеспособной». А мы, видевшие Андрюшу чуть ли ни каждый день на стадионе, бегавшие вместе с ним на теннисных площадках и поглощенные проблемами выигрыша той или иной встречи и не подозревали, что перед нами постепенно вырастает настоящая, реальная Мировая Величина.

Вспоминаются также наши иногда довольно длительные поездки на различные соревнования и сборы. В купе, обычно, Коровина, Налимова, Ягунова или потом Капшанинова и я. Рядом: Кудрявцев, Негребецкий, Мищенко и Лукирский. Если состав более широкий, то еще одно или два купе. Как правило, в наше купе набивалось всегда много народу. Было весело: шум, смех, разговоры. Но мне это никогда не мешало забраться на верхнюю полку, а то и на третью - там я себе спокойно спала. Когда устраивали завтрак или обед, меня будили, и я спускалась, а потом

мяч именно туда, где его не ожидали. Ее обводка по коридору и свечки (через голову стоящего у сетки противника), причем не высокие, но эффективные, так как они приземлялись на задней линии в самом дальнем углу площадки, были, практически, недостижимыми. Думаю, что именно тогда, еще подсознательно, я поняла, что обязательно буду играть в миксте и «играть так, как Александрова». Она мне нравилась и в одиночной игре. Никто не умел тогда играть такими длинными, пласированными, попадающими на самую заднюю линию ударами. Мальцева играла очень хорошо, но иначе: у нее был мужской стиль игры – сильные длинные удары по линии чередовались с резкими кроссами; она выходила, и результативно, к сетке, играла разнообразно и точно.

Е.Д.Александрова, 1929 г.

Я удивляюсь до сих пор, как смогла это все уловить, понять и запомнить на всю жизнь.

Но надо отдать должное и ленинградцам: они умели играть и парные и миксты и этим уверенно набирали очки. Пары Кудрявцев-Шпигель (1924), Кудрявцев-В.Косяков (1925), Кудрявцев-Мультино (1928, 1932) и миксты его же с Клочковой, Т.Суходольской и М.Мейер, а позднее с Т.Налимовой и Г.Коровиной были непобедимы. В двадцатые годы почти вся сборная города играла в «Динамо», и я могла часами сидеть на трибуне и наблюдать за тренировками теннисной элиты.

В те времена стадион «Динамо» занимал территорию в 4 раза меньшую, чем сейчас: футбольное поле с трибуной с одной его стороны по длине стометровки, 4 теннисных площадки, одна баскетбольная и одна волейбольная площадки, плюс травяное поле для гандбола, где занимались и метатели, и иногда тренировались футболисты (см. на стр. 31) Все это хозяйство содержал в удивительном порядке Павел Антонович Аггеев – для нас, детей, просто дядя Павел, который жил со своей женой – тетей Дашей и дочкой Настей (будущей мамой Кики Комара) в Теннисном

*Павел Антонович Аггеев,
наш дядя Павел, 1925 г.*

домике, где у них была небольшая комнатка, метров 15-ти и кухонька. Дяде Павлу помогал молодой парень Коля, живший летом с женой и сынишкой лет 3-4 в малюсенькой комнатёнке под футбольной трибуной. Кроме Коли помогать дяде Павлу иногда приходил его племянник Ваня, который потом работал на стадионе кладовщиком спортивного инвентаря лет 50, если не больше. Я его всегда называла «дядя Ваня», а он меня просто «Тасенькой», как меня звали все домашние и все теннисисты. Теннисные

площадки дяди Павла были лучшими в городе. Поиграв на них, на других уже не хотелось играть. После войны, когда дяди Павла уже не было в живых, площадки содержались в том же отличном состоянии усилиями бригады нескольких женщин, под руководством очень старательной, незаметной на вид, и очень доброй женщины – Матрены Степановны Львовой, - нашей Мотеньки, которая в конце 30-х годов работала с дядей Павлом и очень многому от него научилась. А в последующие годы, дело дяди Павла и Матрены Степановны с успехом продолжала ее ученица – Полина Васильевна Мостовая. Качество наших кортов отмечали все, кому доводилось на них играть.

В 20-30 годы «Динамо» занимало среди других спортивных обществ города ведущее место по многим видам спорта. Это относилось и к теннису. С самого начала существования общества в «Динамо» играли Е.А.Кудрявцев, Вал. Ив. и Роберт Ив. Шлупп, З.Г.Клочкова и В.К.Мультино, а также В.М.Левыкин. Именно они на долгие годы предопределили ведущее положение теннисистов-динамовцев. А Е.А.Кудрявцев долгое время был кумиром зрителей: всегда подтянутый, элегантный, ни на кого не похожий теннисист. Он играл очень красиво, и, главное, очень умно. Он всегда умел поставить противника в неудобное положение и эффектно закончить розыгрыш мяча; прекрасно играл у сетки и на хавкорте. Я никогда не видела, чтобы кто-то другой так

завоевавшую Кубок СССР и была участницей матча Москва-Ленинград и в 1952 году 3-им призером в парном разряде на первенстве СССР. Окончив в 1945г. ЛЭТИ им. Ульянова (Ленина) и защитив диссертацию, она стала кандидатом технических наук и заведующей лабораторией ВНИИМ им. Д.И.Менделеева. Ирина Александровна являлась членом комиссии Международного бюро мер и весов по иницилирующим излучениям. Она была очень целеустремленным, добросовестным, ответственным и принципиальным человеком и одновременно очень доброжелательным к людям, с сильно развитым чувством юмора.

Андрей Петрович Лукирский. Мастер спорта СССР. Андрюша был самым младшим из наших «довоенных мальчиков», и перед

*Андрей Петрович
Лукирский, 1946 г.*

войной уже был чемпионом Ленинграда по разряду младших мальчиков. В 1945г. после возвращения из эвакуации Андрей увлекался горными лыжами, ходил матросом у отца на яхте и добивался больших успехов в теннисе. В 1948г. он был чемпионом СССР в юношеском разряде. 6 раз входил в «10-ку» сильнейших игроков страны, в 1955г. у него было 3-е призовое место на первенстве страны в одиночном разряде, в 1958г. в парном. Кроме того, он был 7-кратным чемпионом Ленинграда в одиночном, и в парном разрядах и дважды чемпионом в миксте. А в зимнем первенстве Ленинграда в общей сложности 7 раз был чемпионом и 3 раза финалистом. А также 5 раз принимал участие в матчах Москва-Ленинград.

В 1945г., Андрей поступил на физико-механический факультет Политехнического института, окончил его, поступил в аспирантуру на физический факультет ЛГУ. Его успехи в теннисе не помешали ему, успешно защитив сначала кандидатскую, а со временем и докторскую диссертации, постепенно превратиться в крупного ученого. В статье, посвященной 75-летию А.П.Лукирского («Вестник Санкт-Петербургского университета», вып. 2, 2003г.)

первенства Ленинграда в одиночном (1951) и парном (1951 и 1957 гг.) разрядах, имела 2-е место в смешанном разряде (1955). Дважды (1951, 1958) была финалисткой первенства города на закрытых площадках в парном разряде и 3-м призером в одиночном

*Ольга Эдуардовна
Цайна, 1950 г.*

разряде (1951, 1954), чемпионкой ДСО «Спартак» в парном разряде (1945), чемпионкой ЦС ДСО «Буревестник» (1952-53 гг.), 3-м призером первенства СССР на зимних площадках (1949г.) в парном разряде. О.Э. имела звание судьи Республиканской категории. Она вела большую тренерскую работу и имела много учеников. Среди них: Е.Гаева, Л.Медвецкая, И.Джелепов, В.Кизеветтер, Е.Люборт, А.Наседкин, А.Потанин и др. Несмотря на печальные (гибель репрессированного мужа и смерть маленького сына в середине 30-х

годов) и трудные обстоятельства жизни, Ольга Эдуардовна никогда не унывала, умела радоваться за других и была очень добрым и отзывчивым человеком.

Ирина Александровна Ярицына. Мастер спорта СССР. Ира начала играть в теннис 15-ти лет в Тярлево. После первых успехов на соревнованиях по разряду девочек (1937 г. - 1 место) на неё обращают внимание В.К.Мультино и З.Г.Клочкова. Зика станет ее тренером на всю жизнь. В 1944г. Ира получает 1-й разряд и надолго входит в «10-ку» Ленинграда (1945-49 и 1950-60гг.); с 1947 по 1960г. она была 5 раз финалисткой летнего и зимнего первенства Ленинграда в парном разряде с Клочковой, 3 раза занимала 3-е призовое место и дважды была победительницей в парном разряде зимнего первенства Ленинграда. В 1947 году Ира входила в команду Ленинграда,

*Ирина Александровна
Ярицына, 1952 г.*

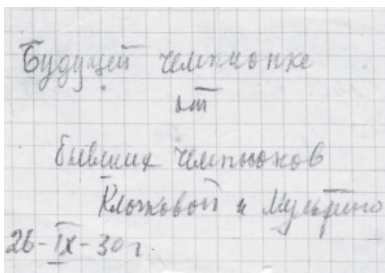
блистательно владел хавволеем. Этим не владел никто у нас, этим не владеют и современные теннисисты мирового класса. Кудрявцев, начав играть совсем мальчиком на теннисных кортах Лахтинского Теннис-клуба «Клеверный листок», вскоре стал обыгрывать взрослых и превратился в одного из ведущих теннисистов страны. Он был «универсальным» игроком, одинаково блестяще игравшим и в одиночке, и в парных и в миксте. Евгению Акрадьевичу, первому из советских теннисистов в 1934 г. было присвоено звание Заслуженный мастер спорта СССР.

Евгений Аркадьевич Кудрявцев, 1936 г.

Вспоминается матч Москва-Ленинград в 1930 г., проводившийся на стадионе «Динамо». Евгений Аркадьевич играл с К.Заржецким: было по сету, и в решающем сете москвич вел 5:1 и 40:15, а выиграл Кудрявцев, играя свободно, решительно и все время наступаяще. Публика устроила ему овацию.

Помню З.Г.Клочкову, игравшую тогда с С.В.Мальцевой. Во время этой встречи я подавала им мячи. А после игры и Мальцева и Клочкова благодарили меня и говорили, что с моей помощью играть было гораздо удобнее. (В те времена мальчиков для подачи мячей на соревнованиях не существовало). И сколько же было потом разговоров по поводу этого события. Я рассказывала об этом направо и налево – всем - и тем, кто почему-либо не присутствовал на игре, и всем знакомым, как бы они ни относились к теннису: - «Мне позволили подавать мячи. И кому бы вы думали? Знаменитой москвичке Мальцевой, самой Софье Васильевне!» А 26 сентября того же, 1930г., в день, когда мне исполнилось 9 лет, я получила от тети Зики, как я ее называла, и от ее мужа – Вячеслава Константиновича Мультино - в подарок новенькую ракетку в 12 унций весом. К ней была приложена маленькая записочка, на которой рукой тети Зики было написано: - «Будущей чемпионке от бывших чемпионов Клочковой и Мультино». Эту записочку я

Записка тети Зики, 1930 г.

храню до сих пор, как одну из самых ценных реликвий в моей жизни. Ну как после этого было не стараться?

Каждый день мы с утра до вечера на стадионе, вернее, на кортах. И, «главное», - со мной играют взрослые: в первую очередь, это Вера Яковлевна, жена Ивана Ивановича

Богоявленского, знаменитого в то время фигуриста. По-моему, он в двадцатые годы был не только чемпионом Ленинграда, но и чемпионом Союза. У Ивана Ивановича была 3-я категория по теннису, а в то время игроки 3-й категории были очень сильными. Кроме того, Иван Иванович прекрасно фотографировал. Осталось очень много выполненных им фотографий, в том числе и теннисистов. У Веры Ивановны была 5-я категория, и она очень огорчалась, что проигрывает 8-летней девочке. Она сердилась, даже злилась, бросала игру, но потом снова просила, чтобы я с ней поиграла. А я-то как старалась. И очень гордилась тем, что обыгрываю взрослую. Но гордилась я про себя, не хвасталась. Рассказывала только Дидусе, и он очень радовался моим успехам. У Богоявленских была дочка Аллочка – ровесница моей младшей сестры Муси. Зимой она, пятилетняя, очень хорошо «фигуряла» на коньках. Ей прочили блестящее будущее в фигурном катании, но, к сожалению, у неё было не все в порядке с сердцем, и ей пришлось отказаться от спорта.

Впоследствии мы с Аллочкой эпизодически встречались. В 70-80-е годы вместе работали на Матмехе ЛГУ. Алла Ивановна преподавала английский язык, а я - немецкий. К сожалению, в 1991 г. Аллочка умерла. Кроме Веры Ивановны моим партнером тогда был Лёня

Лёня Марков, я, Наташа Рубинская, Алла Богоявленская и моя сестра Муса, 1931 г.

оставаться на задней линии, то оставайтесь дома».

Владимир Евгеньевич Кизеветтер Мастер спорта СССР. Володя – наш Кизик, один из компании «довоенных мальчиков и девочек», как мы называли себя, вспоминая наше детство и юность. Чемпион по разряду сперва младших, потом средних по возрасту мальчиков. В 1942 г., после окончания школы, началась его служба в армии. Он участвовал в боях под Сталинградом и Воронежем, был дважды ранен. После окончания войны служил в Венгрии и Австрии. Как только в 1950г. вернулся домой, так сразу же, как он рассказывал, «побежал» в Дом мастеров тенниса, чтобы увидеться с теннисистами. Он начинает тренироваться, осенью поступает в Политехнический институт, который успешно оканчивает, затем защищает диссертацию и остается преподавать в Политехе, получает звание доцента и продолжает научную деятельность в области техники высоких напряжений и инженерной электрофизики, фактически, до последних дней жизни. Его достижения в теннисе многим известны: неоднократный чемпион Ленинграда в парном (1954-1955 гг., 1957-1960 гг.) и смешанном (1954, 1957 гг.) разрядах. Чемпион зимнего первенства города в одиночном (1954, 1956 гг.), парном (1954, 1956 гг.) и в миксте. Чемпион ВЦСПС в парном (1951, 1954 гг.) и в смешанном (1953 г.) разрядах. Победитель первенства СССР на зимних площадках в миксте (1954 г.). Участник матчей Москва-Ленинград. Неоднократный участник и победитель турниров «Долгожитель», не только в России, но и в Австрии, в Эстонии, Литве, Латвии и на Украине. Володя был очень скромным, добросовестным и надежным человеком. С ним было легко и просто общаться и очень легко и надёжно играть в паре и миксте, за что я ему очень благодарна.

Владимир Евгеньевич Кизеветтер, 1949 г.

Ольга Эдуардовна Цаунэ – начала играть в начале 30-х годов, после войны получила 1-й разряд. В 1950г. окончила школу тренеров при ГДОИФК им. П.Ф.Лесгафта. Была 3-м призером

работавший во время войны на одном из оборонных предприятий города, связанных с кораблестроением. Вдумчивый тренер, написавший монографию «Обучение юных искусству тенниса». Звучит-то как! «ИСКУССТВО тенниса». И еще пособие по малому теннису и ряд статей в различных журналах. Многие его ученики стали известными теннисистами: мастер спорта международного класса - А.Иванов, мастера спорта М.Шмойлов, А.Антипин, Р.Антонян, С.Богданов Н.Некрасов, А.Тихменёв, Л.Щёголева, Л.Фёдорова, И.Люборт, И.Огарева, Н.Богданова, Э.Саутина и многие другие. Майданский тоже был заслуженным тренером России. Главной заслугой Павла Марковича Майданского является осуществление его мечты - организация и постройка зимнего теннисного корта и площадок «Дворца пионеров» на Крестовском острове, при проектировании которых он принимал активное участие.

Юрий Григорьевич Шнейдер в юности занимался гимнастикой и начал играть в теннис, когда ему было 18 лет. Он быстро «заработал» 3-й разряд, а в 25 лет по классификации на 1938 г. у него уже был 2-й разряд. В 1939 г. он стал перворазрядником, а в 1944г. - чемпионом Ленинграда, обыграв в финале Кудрявцева. Доктор технических наук, профессор, всю жизнь проработавший в ЛИТМО; крупнейший специалист с мировым именем в области металлообработки, заслуженный изобретатель России, имевший более 100 авторских свидетельств. В блокаду Ленинграда он трудился на оборонном предприятии и вложил достойную лепту в дело победы над врагом. Несмотря на всё это, Юра был скромным, очень интересным человеком, прекрасным рассказчиком, обладавшим огромным чувством юмора, и хорошим товарищем. Он был увлечённым создателем книжечки афоризмов. Один из них касается и теннисистов: - «Если Вы, выходя на корт, не знаете, бежать ли Вам к сетке или

Юрий Григорьевич Шнейдер, 1944 г.

Марков – мой ровесник, племянник дяди Павла. Мы с ним играли приблизительно на одном уровне. Потом Лёня куда-то уехал. А жаль, он смог бы стать хорошим теннисистом.

Хочется вспомнить матч Москва-Ленинград в 1931 г. Он был усложнен тем, что в зачет были включены легкоатлетические дисциплины: бег на 100 м., прыжки в длину и в высоту и стрельба из малокалиберной винтовки на 50 м. Моя мама хорошо стреляла и дала, соответственно, какие-то зачетные очки в общую копилку ленинградской команды. А на стадионе было необычно видеть теннисисток, игравших в то время в длинных платьях, а теннисистов - в брюках и рубашках, одетыми в футболки и трусы. В команде Москвы тогда была молодая Л.Дмитриевская, очень успешно выступавшая в беге и прыжках и давшая своей команде значительное количество очков. Москвичи тогда выиграли со

Команда Москвы: С.Мальцева, И.Теплякова, Е.Александрова, Л.Дмитриевская, П.Чистов, Е.Ованесов, В.Неврев, В.Мельников, Е.Тихонов, Н.Джаксон, Н.Иванов с представителем Г.Бобровым, 1931 г.

счетом 13:11. И почему-то очки «прикладных соревнований» нигде не публиковались, видимо не учитывались.

Через некоторое время, после отъезда москвичей, в Ленинград приехала из Швеции довольно большая группа (человек 30) из гимнастического кружка (или общества?) «Сокол», которым руководил некто Нильс Брук. Девушки в легких светло-

сиреневых туниках до колен очень грациозно исполняли различные гимнастические упражнения, в том числе с перестроениями. Были упражнения и с предметами: с обручами и с булавами. Все это происходило на футбольном поле, на специально сооруженном помосте перед трибуной, и было чрезвычайно красиво и необычно. Думаю, что с таких упражнений и возникла идея современной художественной гимнастики.

В том же, 1931г. ленинградцы принимали у себя команду Тифлиса – так тогда назывался Тбилиси. Приезжал, фактически, весь цвет Грузии: Тамара Гоголаури, впоследствии Атанасян,

А.Акопова, Э.Негребецкий, А.Мдивани, Я.Гомер, Борис Серебренников – старший брат позднее игравшего Владимира Серебренникова. Встречи были очень интересными. Публика сердечно принимала гостей, особенно Негребецкого и Мдивани, показавших а паре, несмотря на молодость, зрелую и очень темпераментную игру. Негребецкий демонстрировал силу и мощь, а Мдивани – исключительную реакцию в игре у сетки. Кстати, они первыми вышли на корт в трусах и майке, после чего и наши стали постепенно переходить на такую форму. Правда, Кудрявцев воспользовался новой модой только наполовину - играл в майке, но в брюках. По окончании встреч грузинскую пару пригласили играть за ленинградское «Динамо», и они приняли приглашение, став на долгие годы украшением ленинградской команды.

Мы продолжали ежедневно ездить на стадион, тем более, что на веранде Теннисного домика со стороны Малой Невки работал небольшой буфет, где всегда можно было «подкрепиться»: съесть яичницу, бутерброды с сыром или ветчиной и выпить чаю,

В.Девыкин, А.Тизенгаузен, Е.Кудрявцев, А.Тизенгаузен, В.Мультино, А.Боярский, З.Клочкова, Ф.Григорьев (массажист), М.Ветошникова, З.Хайкин, Э.Тис, 1933-34 гг.

Э.Негребецкий, Е.Кудрявцев, В.Мультино, А.Мдивани, 1933-34 гг.

какао или лимонада.

Теннисный коллектив динамовцев был очень дружным. Зимой, например, кроме тренировок в манеже, делали вылазки на лыжах, пробовали играть в теннис на коньках. Однако теннис на коньках не

Кира Ягунова уезжала с мужем в его длительную командировку, я играла парную с Майей. Играть с ней было удобно и, хотя такой сыгранности, как с Кирой не было, мы все-таки добивались приличных, на мой взгляд, результатов: 2-е места на первенстве Ленинграда летом (1951-53 гг.) и зимой (1952-54 гг.), а также на ЦС «Динамо» (1951-52 гг.). Майя была весёлым и очень остроумным человеком с большим чувством юмора, умевшим в различных сложных ситуациях разрядить атмосферу, достигая этого одной двумя фразами.

Леонид Тихонович Мищенко. Мастер спорта СССР. Леня начал играть в Таганроге в 15 лет. Играл левой рукой. В 1936г. переехал в Ленинград и почти сразу же стал одним из лучших теннисистов не только Ленинграда, но и Союза. В 1935-46гг. и 1949-51гг. входил в «10-ку» сильнейших. Был дважды призёром первенства СССР (в парном и трижды в смешанном разрядах), неоднократным чемпионом Ленинграда, в паре, финалистом соревнований ЦС «Динамо» в миксте, неоднократным

Леонид Тихонович Мищенко, 1948 г.

Павел Маркович Майданский, 1939 г.

финалистом первенства Ленинграда; чемпионом и финалистом первенства Эстонии в миксте. Мищенко занимался, в основном, административно-тренерской работой. Был кампанейским человеком, любил поиграть в шахматы и в картишки.

Павел Маркович Майданский. Мастер спорта СССР. Непременный член сборной команды Ленинграда с 1936 по 1952г., неоднократный чемпион ВЦСПС и Ленинграда и 3-й призёр зимнего первенства СССР в парном разряде. Павлик был остроумным, добрым человеком и хорошим товарищем. Квалифицированный инженер,

в 1949 г. «Кубок СССР». Нисколько не сомневаюсь, что она получила бы звание Мастер спорта по нормативам того времени, если бы ей не пришлось, в связи с отъездом из Ленинграда по месту службы мужа, вынужденно потерять для тенниса более 5 лет. По современным нормативам она смогла бы уже четыре раза получить звание Мастер спорта. Для сравнения: тогда одним из условий было: два раза подряд попасть в «10-ку СССР», а после 1953 года - достаточно было в «8-ку Ленинграда». Разница? Кира окончила Медицинский институт и стала опытным врачом по лечебной физкультуре. С её помощью многие спортсмены после травм смогли вернуться в большой спорт. Наша дружба вне корта началась тоже в 1944г., потом к нам присоединились и наши мужья, стали дружить семьями. Теперь мы давно не играем и остались, увы, одни. Но по-прежнему дружим. Правда, видимся не очень часто, но перезваниваемся и стараемся, по возможности, помогать друг другу. Я очень благодарна моему Кирсику за всё: за доброту, душевную щедрость и умение выслушать, что присуще далеко не всем. А Кириин муж Юра, Юрий Михайлович Осипов, начиная с 1944 г. был не только ее

*Кира и Юра Осиповы.
1950 г.*

*Майя Петровна
Капшанинова, 1951 г.*

верным постоянным болельщиком. Он всегда болел за всех наших динамовцев, в том числе и за меня, конечно. За это я его вспоминаю с большой благодарностью.

Майя Петровна Капшанинова. Она начала играть в теннис, тоже уже будучи взрослым человеком: в 1935г. у неё был 4-й разряд, в 36-м - 3-й разряд, в 38-м - 2-й, а в 1939 она, заняв на первенстве СССР по 2-му разряду 1-е место, (а для этого надо было победить не менее 6-8 участниц), получила 1-й разряд. Когда

имел продолжения: мячики тяжелели, становясь сырыми, а это влияло на струны – они лопались. А капроновых струн тогда еще не было.

Клочкова и Мультино часто приглашали к себе. Они жили в Лесном, в двухэтажном деревянном домике, принадлежавшем еще до революции родителям Вячеслава Константиновича. Взрослые, естественно, приезжали вечерами. Нас детей мама возила с утра на целый день. Вокруг дома был небольшой садик, ухоженный заботливыми руками мамы Вячеслава Константиновича – Инны Николаевны. В саду множество всяких ягод и грядок с огурцами и помидорами и, соответственно, уйма всяких варений и солений, приготовленных тоже ею. Возвращались мы домой, всегда нагруженными банками и кулёчками. Зимой ходили кататься с горки на санках. Когда шли обратно, маленькую Иру Мультино и Мусю, мою сестру, сажали на санки, и их везла красавица Джолли – роскошная овчарка, очень любившая детей. Теннисисты бывали и у нас в доме. Помню однажды большую компанию за длинным столом: Е.А. Кудрявцев с женой Зоей Васильевой, пара Мультино, Зикин младший брат Леонид (он в теннис не играл, в отличие от старших – Александра и Бориса), Негребецкий и Мдивани и еще кто-то – уж не помню. За ужином я, обычно, присутствовала, а когда начинались танцы, шла спать. Но в тот вечер они не только танцевали - стихийно возник «вечер самодеятельности», в котором все принимали участие. Помню, как Негребецкий пел красивые и задушевные грузинские и русские народные песни, а тетя Зика мелодекламиривала под аккомпанемент мамы чудесное стихотворение Анны Ахматовой: «Сероглазый король», которое произвело на меня впечатление на всю жизнь. Мама пела мой любимый романс Рахманинова «Весенние воды», а Арчил Мдивани танцевал лезгинку. Как будто и не пролетело с тех пор более 75 лет! По-моему, это была последняя вечеринка, когда теннисисты собирались вместе. Вскоре, после убийства С.М.Кирова, начались массовые репрессии и высылки из Ленинграда, и развлечения как-то сами собой прекратились.

В те годы спортсменов в «Динамо» было, относительно, не очень много. Из тех, кто в теннис не играл, хорошо помню из

баскетболистов – Веру Григорьеву (потом Забелину), Владимира Бирюлина, Георгия Тишинского, Владимира Гостилина, братьев Штединггов-Анатолия и Германа, Павла Короткова; из волейболистов – Николая Николаевича Петрова, Зою Минину, Евгению Семенову; из легкоатлетов – Тамару Орлову, Веру Кондакову, Людмилу Куликову, Ольгу Шахову, Эдмунда Рохлина, Алексея Максуну, Якова Козлова; Григория Мееровича, тренеров А.Д.Кроне, а потом Григория Исаевича Никифорова; из метателей – Веру Галку, Белиду, Сергея Стольников. Помню богатыря-Василия Архипова, всегда несшего на парадах динамовское знамя. Очень хорошо помню стрелков: Александра Ильича Рыжова, Дмитрия Васильевича Петунина и Федора Тращикова. Помню и организатора динамовской футбольной команды Петра Яновича Имбрата, старейших футболистов П.В.Батырева, А.Корнилова, П.Ежова, М.П.Бутусова Д.Родионова, А.Гуськова, М.Юденича, К.Егорова и многих других. А также известного историографа футбола Александра Алексеевича Гаврилина. Никогда не забуду и невысокого, полненького судью Александра Яковлевича Гарфункеля. Когда он судил, на трибуне часто раздавалось: - «Судья, уберечь живот! Живот в офсайде!» Помню и пловцов того времени: Антонину Пояркову, Клавдию Алешину, Тамару Польшгалову, Валентину Есаулову, Владимира Китаева, Александра Шумина, Павла Неймана, Генриха Остен-Сакена, ватерполистов братьев Виктора и Ивана Родимцевых, прыгунов в воду Ивана Штеллера и Абрама Щербинского. Все хорошо знали друг друга. Вспоминается, как теннисисты болели за пловцов, легкоатлетов волейболистов, футболистов, а те, в свою очередь, болели за теннисистов и многие сами играли в теннис

А. А. Гаврилин

А. Я. Гарфункель

чемпионами Эстонии в 1948г., обыграв в финале Кодратьеву-Корбута. Его учениками были: А.Лурье, А.Бойцов, В.Кизеветтер, А.Потанин, В.Пальман и многие др. Эдик Негребекский был очень доброжелательным и отзывчивым человеком, очень любившим детей и всегда жалевшим, что своих у него не было.

Кира Сергеевна Ягунова (Осипова). Мой Кирсик. Мы с ней познакомились в 1936г. Но встречались редко – только на соревнованиях, так как играли в разных клубах. Еще до войны, в 1938-40гг. она была чемпионкой Ленинграда в разряде девочек. В 1944 г. получила 1-й разряд. В 1946 г. была чемпионкой Молодежного первенства СССР в паре с И.Богдановой. Перед самой войной Кира стала тоже играть в «Динамо» и, когда мы поехали в 1944г. в Москву на соревнования ЦС «Динамо», то нас заявили играть по парному разряду. Буквально с первых же мячей нашего дуэта, у нас сложилась очень удачная во всех отношениях пара: обе были подвижными, прекрасно «чувствовали» друг друга. Играть с ней доставляло большое удовольствие. Надеюсь, что и ей со мной – тоже. Она никогда не сердилась на меня за промахи, наоборот, всегда поддерживала добрым словом. Я старалась отвечать тем же. Кира прекрасно играла в паре и очень хорошо понимала особенности парной игры, была до предела внимательной. Я, например, играя у сетки, знала, что, если почему-либо пропускаю мяч, то Кира его обязательно возьмет и не просто откинет, а отыграет выигрывшно, иногда совершенно неожиданно для противниц. За период с 1945 по 1965г. мы с Кирой были 8 раз финалистами и 5 раз занимали 3-е место на летних и зимних соревнованиях на первенство Ленинграда, в 1949г. заняли 3 –е место в летнем и в 1950г. в зимнем первенстве СССР, 7 раз (1944-45, 1947-50гг. Кира входила в 10-ку Ленинграда, 3 раза была участницей матча Москва-Ленинград и первенства ЦС «Динамо». Была в составе команды ленинградского «Динамо», завоевавшей

*Кира Сергеевна Ягунова,
мой Кирсик. 1946 г.*

*Галина Сергеевна
Коровина, 1948 г.*

Советского Союза. Трижды становилась чемпионкой страны в одиночном разряде и 11 раз в парном и миксте. Была весёлым, энергичным и добрым человеком, вся жизнь которого принадлежала теннису. Галина Сергеевна начала рано заниматься тренерской работой с детьми, но во время её многочисленных и долгих по времени отлучек на соревнования, с её учениками занималась Мария Антоновна Мяченкова и муж Галины Сергеевны Иван Ефимович Иванов. Оба были прекрасными воспитателями и тренерами. Так, у них

начинали заниматься такие известные теннисисты, как: мастера спорта Г.Иванова, Е.Кузнецова, А.Маринченко, а также Е.Орлова, Ю.Горская будущий известный тренер В.Глазков, Андрей Лукирский, А.Бойцов, Р.Гродницкий, В.Пальман, Ю.Пазушко и др. Ученицей И.Е.Иванова была и мастер спорта В.Васильева (Бугаева).

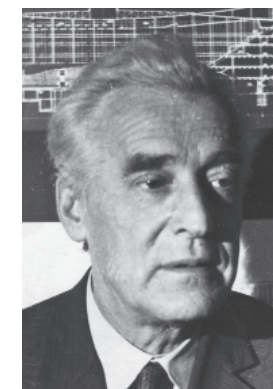
Хотя я уже писала про заслуженного мастера спорта СССР Эдуарда Эдуардовича Негребецкого, хочется еще добавить: он был очень одаренным, ни на кого непохожим теннисистом, игравшим, в основном, плоскими и очень сильными ударами – особенно справа. Славился сильнейшей

*Эдуард Эдуардович
Негребецкий, 1949 г.*

«пушечной» подачей. К сожалению, у него было много двойных и промазки, и это, естественно, снижало эффективность его игры. Он был 4 раза чемпионом СССР в одиночном (1932, 47, 49-50 гг.), 10 раз в парном (1934-40, 50-52 гг.) и 6 раз в смешанном (1938-39, 47, 50-52 гг.) Являлся в общей сложности 29-кратным чемпионом Ленинграда. Мне посчастливилось дважды играть с ним микст: в Киеве – против З.Булкиной-С.Фридлянда и стать

и имели разряд. Так, например, один из самых первых мастеров спорта по баскетболу Алексей (Лёка) Морозов имел 1-ю категорию и по теннису. Он в течение ряда лет входил в «десятку» лучших теннисистов Ленинграда. В будущем - выдающийся конструктор - автора многочисленных общественных сооружений в России и в других странах, в том числе спортивных в нашем городе (спорткомплекс Юбилейный и СКК). Действительный член Академии строительства и архитектуры. Дважды лауреат государственных премий. Возглавлял созданный им Координационный союз конструкторов СССР.

Алексей Петрович Морозов

Известная баскетболистка – однофамилица и тёзка Евгения Аркадьевича Кудрявцева - Евгения Кудрявцева имела 3-ю категорию по теннису. По 1-й категории играл отличный лыжник Константин Воробьев. Известнейший футболист, позднее тренер, Михаил Павлович Бутусов принимал участие в соревнованиях по 3-й категории. Позднее в теннис играли такие известные футболисты, как Виктор Набутов, Василий Лотков (он потом говорил: «не ожидал, что перекидывать мячик через сетку, оказывается, совсем не легкое дело»), Виктор Фёдорович и Дмитрий Васильевич Фёдоровы. А футболист московского «Динамо» Лев Корчебоков имел 1-ю категорию и участвовал в теннисных матчах Москва-Ленинград. После войны очень прилично играл в теннис футболист «Зенита», а потом московского «Спартака» Серёжа Сальников. Негребецкий предлагал ему бросить футбол и серьёзно заняться теннисом. Серёжа отвечал: «Футбол не брошу, а стану старым – перейду на теннис». В теннис играл и заслуженный мастер спорта по гребле Евгений Сергеевич Салтыков и знаменитые пловцы: Василий Петрович Поджукевич и Леонид Арабаджи, а также многие другие известные спортсмены.

Хочется вспомнить еще две интересные детали жизни тех лет: в начале лета в конце 20-х начале 30-х гг. на Малой Невке,

около пляжа стадиона работала артель рыбаков. У них можно было купить корюшку, и многие шли домой, нагруженными благоухающими пакетами. А летом, возвращаясь со стадиона, мы обязательно заходили к симпатичной старушке Ольге Федоровне, у которой с левой стороны пр. «Динамо» (напротив здания школы из красного кирпича у трамвайной остановки) была довольно большая территория садоводства. Маленьких двухэтажных корпусов тогда ещё не было. Мы покупали у нее не только цветы, но и очень вкусную редиску, зелень и душистую землянику. А ее нежинские огурчики я вспоминаю всю жизнь – таких я никогда и нигде больше не ела.

Но я отвлеклась от тенниса. Кроме Веры Ивановны со мной часто играл фигурист – Юрий Евгеньевич, фамилии не помню. Он очень старался, но почему-то я его обыгрывала. А зимой он тщетно пытался научить меня всяким «двойным троечкам» и «восьмерочкам», но на льду у меня ничего не получалось – душа моя всецело принадлежала теннису. Я с нетерпением ждала весны и лета, когда можно будет все дни проводить на корте. Вечерами меня уводили со стадиона буквально со слезами. Я просила разрешения доиграть «еще один сетик», «еще один геймик», «еще последние три мяча», «еще самый-самый последний мячик» И так каждый день. А со стадиона надо было еще дойти до трамвайной остановки. Как я не уставала за день? Зато маленькую Мусю, у которой ноги, буквально, заплетались, кто-нибудь из мужчин нёс со стадиона до остановки на руках. Уже, будучи взрослой, она, вспоминая те чудесные годы, шутила: - «В далекие тридцатые все динамовские мужчины носили меня на руках».

В 1932 г. на стадионе «Динамо» была организована так называемая «Детская площадка», прообраз детского городского пионерского лагеря. На Площадку принимали детей работников ОГПУ. Но, так как мы с Мусей находились на стадионе ежедневно с утра до вечера, нам, в виде исключения, разрешили посещать Площадку, которая была расположена в левом углу стадиона, на самом берегу Малой Невки. На огороженной, довольно большой территории, был построен маленький домик-кладовая, метров так в 10 квадратных. В ней хранились шезлонги, всевозможные

*Татьяна Борисовна
Налимова, 1947 г.*

Союза, прекрасный парный игрок: 21 раз была чемпионкой СССР в парном и смешанном разрядах. Таня по духу мне была ближе всех. Может быть потому, что она была только на 6 лет старше меня. Может быть, из-за общих «тярлевских корней». А может быть потому, что, окончив еще до войны Государственные курсы иностранных языков, тоже преподавала немецкий язык. Таня, также как я, любила побродить по незнакомому городу и поинтересоваться его историей и достопримечательностями. В ней было сильно развито чувство юмора и доброжелательность к людям. После войны она отказалась от преподавательской деятельности в вузе и предпочла тренерскую работу. На мой взгляд, она сделала правильный выбор, так как таких тренеров, каким была Татьяна Борисовна Налимова, очень мало. Она воспитала прекрасную теннисистку, международного мастера спорта и тренера, Анну Григорьевну Еремееву-Красько, мастеров спорта: С.Василевского, В.Федотова, Н.Иванову и И.Михалёву, кандидатов в мастера спорта – сестёр Е. и С.Козьяковых, Л.Маранджеву, Т.Смирнову, О.Титову и многих других. Татьяна Борисовна была заслуженным тренером России. Думаю, что далеко не все знают, что до войны Налимова была членом сборной женской команды «Динамо» по хоккею с мячом, а во время войны на ВУП,е (Военно-учебном пункте) занималась обучением будущих воинов штыковому бою.

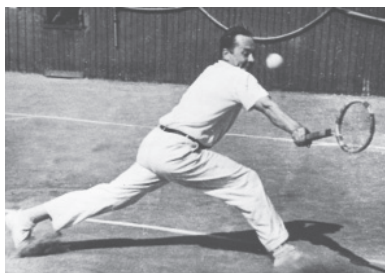
*Любимая ученица
Т.Налимовой Аня Еремеева
(Красько)*

Галина Сергеевна Коровина. Заслуженный мастер спорта СССР. Начала играть в теннис в 24 года, сделала стремительные успехи и очень быстро превратилась в одну из самых сильных теннисисток

и СССР. В 1929-34 гг. работал начальником цеха Авиационного завода, в котором выпускались теннисные ракетки. Очень квалифицированно занимался натяжкой ракеток. В 1936 г. в составе сборной команды СССР выезжал в Чехословакию. В 1938 г. был репрессирован. После войны его освободили, но не разрешили жить в Ленинграде, и он обосновался в Архангельске, откуда он ездил на соревнования и трижды, в 1946-48 гг. становился чемпионом первенства РСФСР. В 1956 г. В.К. был полностью реабилитирован. Был очень общительным, остроумным человеком. Запомнилось его «словечко», которым он награждал любого, допустившего на корте ошибку: «Вот «марала». «Марала» с его легкой руки долго существовал в лексиконе теннисистов. Я очень благодарна Вячеславу Константиновичу за приглашение играть с ним микст в Таллинне, который оказался для меня практическим уроком.

Владимир Константинович Мультино – брат Вячеслава Константиновича – художник. Разработал эмблему общества «Динамо» - синюю большую заглавную букву «Д» в ромбике, окантованном тоже синей полоской. Вместе с женой, тоже художницей, принимал участие в оформлении колонн динамовцев на спортивных парадах.

Владимир Михайлович Левыкин. Один из ведущих теннисистов Ленинграда и СССР. В конце 20 – начале 30-х гг. входил в «10-ку» сильнейших игроков страны (1930-33гг.), в «10-ку» Ленинграда – 14 раз, чемпион Ленинграда в парном разряде (1944г.). 9-кратный участник матчей Москва-Ленинград. Чемпион ВЦСПС в миксте. В игре был разнообразен и настойчив. В нём отлично сочеталась серьёзность с весёлостью. Инженер по специальности, во время войны работал на оборонном предприятии.

*Владимир Михайлович
Левыкин, 30-е годы*

Татьяна Борисовна Налимова Заслуженный мастер спорта СССР. Одна из самых титулованных теннисисток Советского

настольные игры, мячи, скакалки, гантели и пр. «Детская площадка» была платной, дети получали 2-разовое питание: утром, после линейки, - завтрак, днем – обед. В 6-7 вечера ребята постарше разъезжались по домам, за маленькими приезжали родители или родственники. Было образовано три отряда: в первом – ребята 13-16 лет, во втором – 8-12 лет и в третьем – малышня от 3-4 до 7 лет. У каждого отряда была своя воспитательница. Заведующей «Детской площадкой» была чудеснейшая молодая женщина – Елизавета Васильевна Печникова, которая была и воспитательницей первого отряда. Во втором отряде воспитательницей была Лидия Николаевна Онохова (ее муж Сергей Александрович Онохов был инструктором по легкой атлетике и прилично играл в теннис), в третьем – Ирина Николаевна Богданова.

Ребята приходили на площадку ежедневно, в 9.30 была линейка, на которой отмечались отсутствующие (что бывало крайне редко) и объявлялся распорядок дня, т.е. порядок проведения тех или иных занятий или экскурсий. Затем шли на завтрак, после которого были занятия по интересам. Старшие ребята, как правило, занимались в разных спортивных секциях. У легкоатлетов занятия проводили Леонид Гольдштейн и Тамара Сергеевна Орлова, чемпионка Ленинграда в беге на 500м. Плаванием занимались у Василия Петровича Поджукевича - на Малой Невке, кроме бассейна для взрослых, был еще «лягушатник» для начинающих. Наставником по стрельбе был замечательный инструктор (тогда не говорили – тренер) Дмитрий Васильевич

*Водная станция «Динамо»,
начало 30-х годов*

Петунин, дети которого тоже посещали Площадку. Аля была старше меня на полтора года, Нина – моя ровесница. Мы все были в старшей группе; в средней группе были Миша и, если не ошибаюсь – Саша и Лида, а Лиля была совсем крохой – её опекала Аля. Они все, кроме Али, были очень похожи друг на друга. Я любила заходить в тир стрелять, и Дмитрий Васильевич предлагал мне

серьезно заняться стрельбой, так как у меня был, как он говорил, «хороший глаз». Мой лучший результат из малокалиберной винтовки на 25м. был тогда 48 из 50. Но никто и ничто не могло отвлечь меня от тенниса. Некоторые ребята занимались баскетболом и волейболом. Я пробовала всё: по легкой атлетике имела хорошие результаты в беге на 500 м. и, особенно, в прыжках в длину, даже предлагали серьезно заняться этими дисциплинами.

Витя Набутов, 1933 г.

Играла в волейбол, но баскетбол мне нравился больше. Баскетболу нас учил вначале дядя Лёка Морозов, позднее Виктор Набутов, в будущем известный спортивный комментатор. В начале 30-х годов Витя успешно играл в баскетбол и волейбол, в конце 30-х не менее успешно защищал футбольные ворота команды Ленинградского «Динамо». Он стал мастером спорта по всем этим трем вида. Тогда же он пристрастился и к теннису и принимал участие в соревнованиях по третьей категории. Он был старше

меня на 5 лет и очень опекал тех, кто помладше. Все тренеры, занимавшиеся с ребятами, работали, естественно, безвозмездно. Уже только в 1934 г., когда был организован «Юный динамовец», были предусмотрены штатные должности тренеров.

К моему удовольствию, человек 15 из наших ребят захотели научиться играть в теннис. С девочками стала заниматься Зинаида Георгиевна Ключкова, с мальчиками Евгений Аркадьевич Кудрявцев и Эдуард Эдуардович Негребецкий. Из 9 девочек, начинавших тогда играть, к сожалению, только я одна осталась навсегда верной теннису. Марина Афремова, после эвакуации во время войны, не вернулась в Ленинград, очень долго болела и в результате бросила теннис. Она жила в Москве и всегда приходила во время соревнований болеть не только за меня, но и за всех ленинградцев. Её уже давно нет в живых. А с Лилей Гириной мы встретились на московском стадион «Динамо» в пятидесятых, потом долгое время не общались. Она живет в Москве, стала

о результатах встреч по теннису на Спартакиаде, В нем он о моих успехах ничего не сказал, и не упомянул даже моей фамилии, когда говорил об участии в соревнованиях многих ветеранов, в том числе и тех, кто был намного моложе меня. А я и не чувствовала тогда своих 50-ти лет и никак не предполагала, что это мои последние соревнования, что моя активная теннисная жизнь закончилась. Я всегда была уверена, что никогда не смогу бросить тенниса до последних дней и мечтала умереть, как папа Семена Белиц-Геймана, в коридоре теннисной площадки. Но жизнь внесла свои коррективы: за это время, начиная с 1969 г., у меня очень серьезно болела свекровь, и я спала в среднем по 3-5 часов в сутки. И это при полной нагрузке в Университете, где я стала преподавать с осени того же 1969 г. Ни на что другое уже не хватало сил. В конце лета 1972 г. свекровь умерла, и я ещё очень долго приходила в себя. Ещё два года «съели» переезд на другую квартиру, болезни мамы и мужа. Короче говоря, пришлось помахать теннису ручкой. Достаточно того, что я в теннис играла 45 лет, из которых на протяжении 37-и лет принимала участие в различных соревнованиях. И играла вполне успешно. Есть, что вспомнить и кого вспомнить.

В первую очередь старшее поколение наших чемпионов, затем тех, с кем чаще всего приходилось общаться на кортах – моих партнеров, судей на вышке и друзей тенниса.

О Е.А.Кудрявцеве и о З.Г.Ключковой я уже писала, но добавлю ещё: если бы не Зинаида Георгиевна, я бы не смогла достичь в теннисе того, чего достигла. И я всегда считала её моим единственным тренером. Кроме того, только ей я доверяла перетяжку и ремонт моих ракеток.

Вячеслав Константинович Мультино. Мастер спорта СССР. Один из сильнейших игроков Ленинграда и СССР в одиночном, парном и смешанном разрядах в конце 20-х и в 30-е годы. Многократный чемпион Ленинграда

Вячеслав Константинович Мультино, 30-е годы

последние в жизни соревнования закончились для меня вполне успешно в августе 1971 г. на Спартакиаде (первенстве) Ленинграда. В миксте с Алексом Ивановым мы заняли 3-е место, за что я ему бесконечно благодарна. Благодарна игроку «10-ки» Союза, 26-летнему в то время Алеку, согласившемуся играть со «старой тёткой» - микстёршей, почти в два раза старше него по возрасту. Алек очень хорошо разбирается в специфике игры в миксте, и мне с ним было очень приятно играть. Он не реагировал на мои промахи и не злился, когда я не могла реализовать задуманное, а наоборот - всё время меня подбадривал и улыбался. А это помогало мне стараться, и многое всё-таки получалось. Я только жалела, что не могла полностью соответствовать ему. С какой-нибудь другой партнершей он мог бы стать чемпионом Спартакиады. И в паре с Г.Исаченко (она по классификации на 1971 г – 25-я, а я -15-я) мы заняли тоже 3-е место, обыграв пару И.Яшенькину (Люборт)-Л.Медвецкую, соответственно 4-ю и 6-ю. И неожиданный заключительный аккорд: после парной встречи, которую он смотрел, ко мне подошёл динамовский врач - Л.М.Левит, которого я знала ещё с блокадных времён работы в «Динамо» и которого очень долгое время не встречала. Он поздравил меня и сказал, - «Молодец, всё ещё играешь. Тебе уже, наверное, лет 40»? Я ответила: - «Лев Михайлович, сколько же мне тогда было в блокаду? 10 лет? Мне через месяц, в сентябре исполнится 50». Доктор в ответ протянул: - «Да-а-а-а...». Слова доктора напоследок оказались «бочкой меда», а «ложкой дегтя» - выступление Ромы Гродницкого по телевидению, с сообщением

Алек Иванов, 1971 г.

Галья Исаченко, 1971 г.

известной писательницей Валерией Перуанской. Лет десять тому назад, когда я была в Москве, я к ней зашла, с тех пор мы перезваниваемся, иногда пишем друг другу письма, и очень жалеем, что живем в разных городах. Из мальчиков надежды подавали трое, но Алек Сапотницкий и Саша Орберг погибли во время войны, а Алек Лурье, окончив школу в 1938 г., поступил в Театральный институт и, ради сцены, пожертвовал теннисом, несмотря на то, что в первом первенстве Ленинграда для детей, устроенном в 1935 г., он стал чемпионом Ленинграда, что повторилось и в 1936-37 гг. Алек был моим первым микстёром – мы были тогда чемпионами города. Мой первый микстёр ежегодно поздравляет меня с днём рождения из Москвы по телефону. А в этом году я его поздравила с 90-летним юбилеем!

Позанимавшись в секциях, ребята бежали обедать, аппетит был у всех отменный. Еще до того, как приносили суп, съедали целую - горкой тарелку хлеба, намазывая его горчицей, а потом, стыдно даже вспоминать, практиковали такое: садились за столик, предназначенный для четверых, втроем и говорили что четвертый, мол, куда-то отлучился (между собой мы его называли «поручик Кижэ» - мифическая личность. В то время на экранах как раз появился фильм с таким названием). Когда приносили четыре порции, мы четвертую «соображали на троих». После обеда был «тихий час». Малышей укладывали на топчанчики, те, кто постарше, устраивались в шезлонги, а самые старшие, шли в Теннисный домик, рассаживались за большим овальным столом в холле и играли в чудесную игру под названием «Квартет». Через час-полтора теннисисты, опять бежали на корты. Если корты были заняты, то мы устраивали самодельную площадку на дорожке между кортами и баскетбольной площадкой. Конечно, она была «мини», размечалась произвольно, на глазок: чертили, вернее, проводили линии-бороздки ручкой ракетки и заполняли эти бороздки водой из маленькой лейки. Двое играли, третий судил, остальные (человек 5-6) дежурили: один заливал линии водой, так как она быстро испарялась, другой бегал со второй, пустой лейкой в раздевалку за водой. Так мы проводили время до самого ухода со стадиона.

Летом 1933 г. на стадионе однажды появился один мальчик: сказал, что его зовут Юрой, фамилии он, по-моему, не назвал, приехал из Москвы и хочет с кем-нибудь из ребят поиграть в теннис. Кто-то устроил нашу встречу. Играли мы на 4-м корте, был судья на вышке. Была публика, правда, в основном, ребята с Площадки во главе с нашей Елизаветой Васильевной. Запомнились еще Е.А.Кудрявцев с женой, Зоей Васильевной, и Казимир Иванович Ковальский. Сыграли мы по сету и на этом кончили, - Юра почему-то играть дальше не захотел. Во время игры нас кто-то фотографировал. Юру я больше никогда не встречала – ни в Москве, ни в других городах. Наверно, вообще перестал играть в теннис.

Рядом с Площадкой был гимнастический уголок: шведская стенка, канат, шест, кольца. Здесь некоторые ребята занимались физподготовкой, которую вел Василий Никитин. К сожалению, не помню его отчества. Он давал много всяких упражнений, мы бегали, играли в разные развлекательные игры, разделившись на две команды. Кроме этого занимались на гимнастических снарядах. Мне нравилось работать на коне, а вот через козла прыгать у меня никак не получалось. И по буму не умела ходить, - была трусихой и боялась со всего размаху грохнуться на него. Так я никогда и не осилила эти снаряды. Зато очень быстро научилась лазать по шесту и канату. Никитин не понимал, почему у меня хорошо получается то, что для других трудно и не получается то, что всем дается легко. Забегая немного вперед, не могу не вспомнить один эпизод уже из институтской жизни: на занятиях по физкультуре для «зачета» нужно было пройтись по буму. Я, конечно, не смогла этого сделать, и преподаватель разрешил заменить бум канатом, сказав, что «это будет гораздо труднее». Он был очень удивлен, когда я легко поднялась по канату, да еще без помощи ног, и только развёл руками! Зимой мы занимались с Никитиным в физкультурном зале бывшего 1-го Кадетского корпуса (дворец Меншикова), на Съездовской линии Васильевского острова.

В начале августа 1934 г. сборная команда нашей Площадки по волейболу и легкой атлетике ездила на два дня в пионерский лагерь ОГПУ под Лугой. Если я не ошибаюсь, он был расположен

Юра был в таком состоянии, что мне стало страшно: - неужели я и его потеряю? Но, к счастью, он выкарабкался, хотя поправлялся очень долго.

В последующие годы тоже были кое-какие эпизодические успехи, которые все-таки радовали: в 1964 г., хоть и не было призовых мест, но была победа над сильной динамовской парой Г.Ивановой-В.Кукушкиным, который ужасно злился, проиграв «старой тётке и мальчишке». Моим микстёром на этот раз был Саша Тихонов, москвич, служивший в ЛВО. С ним играть было легко, он понимал и умел играть микст. В 1965 г., на летнем первенстве города, мы с Киной заняли 2-е место. В 1966 г. пары и миксты составлялись не добровольно,

Мы с Кирсином, 1965 г.

а почему-то по командному принципу, и меня поставили с В.Пальманом, который тоже тогда служил в армии. Мы вышли в финал и должны были играть против В.Раппопорт и Ю.Пазушко. Но финал разыгран не был. Как мне показалось, Пальману не очень хотелось играть со «старой тёткой». В 1967 г. была в 2-х финалах: в паре с Н.Ивановой и в миксте с Колей Пасечником (из Харькова, служил в ЛВО). Мы с ним обыграли в полуфинале Дементьеву-Н. Мдзинаришвили, который, в свое время, в паре с Метревели, был очень хорошим парным игроком. А в финале проиграли А.Еремеевой (Красько)-В.Пальману. Вспоминается ещё один приятный эпизод: в те же годы, в одной из командных встреч против «Труда» меня заявили играть в миксте с Юрой Павловым. Как сейчас вижу перед собой его расплывающееся в улыбке лицо, когда он об этом узнал. От первого и до последнего мяча встречи он так старался, что мы просто не могли не выиграть. И обыграли первую пару «Труда» Е.Викторову-А.Белова в двух сэтах. А когда участвовала в соревнованиях на первенство по ветеранам 1-го разряда (1964-65, 1968, 1970 гг.) занимала 1-е места.

И, наконец, в завершение моего теннисного пути, мои

продолжала играть, практически, только одни соревнования.

1960 г. я начала с того, что приняла участие в зимнем первенстве города, проиграв всем, с кем встречалась. А в августе, в составе команды Ленинградского военного округа мы с Кирой отправились в Москву на первенство Вооруженных сил, где общими усилиями заняли 1-е место в командном зачете, обыграв в финале команду Москвы. Кира в личном первенстве не участвовала, они с мужем и дочкой уехали на юг, в отпуск. А я в одиночном заняла 3-е место, в парном с Галей Прилепко (Украина) – 2-е, а в миксте с Володей Капланом (он из Ташкента, но тогда проходил военную службу в Ленинградском военном округе) мы стали чемпионами Вооруженных сил, выиграв в финале у А.Гранатуровой и Б.Колобова. Наш представитель, Василий Николаевич Павлов, с большим трудом нёс завоеванный командой приз – огромную хрустальную вазу. На этих соревнованиях я первый раз в жизни стояла на пьедестале почета. Раньше для получения грамот, обычно, вызывали к столу около судейской вышки.

В 1961 г. я участвовала в зимнем и летнем первенстве города и заняла и там и там 3-е место; зимой еще и в паре, конечно, с Кирсиком – тоже 3-е место. В разгар летнего первенства – 27-го июня - умерла Муся. Как мы ни старались, нам так и не удалось её спасти. В сентябре ей бы исполнилось всего 36 лет. Настроение и у мамы, и у меня было хуже некуда. Маму спасало то, что она всё своё время проводила с внуком, моим сыном Никитой. Я же, в начале августа, опять с командой ЛВО, поехала в Москву на первенство Вооруженных сил. Но там я сыграла всего 2 игры, и, получив от мамы телеграмму, что Юру на даче оперировали по поводу гнойного аппендицита, и у него начался перитонит, всё бросила и улетела к нему. Было очень неудобно перед Кирой и Володей Капланом, но иначе поступить я не могла. С самолета сразу же на такси на Сиверскую и, не заезжая на дачу, в больницу.

Мама с Никитой, 1961 г.

*Елизавета Васильевна Печникова и волейболисты Площадки:
верхний ряд - Толя Азаров, Юра Юдин,
Геңа Слоним, Витя Моңастырский, Бора
Сонькин, Алек Лурье, Вова Михайлов;
нижний ряд - 2-ая Аля Петунина, 3-ья
Соня Сонькина, 6-ая Тася Ветошниковна.
1934 г.*

в местечке Рапти. Выехали мы, человек 15-16, днем вместе с Елизаветой Васильевной. Поезд тогда шел до Луги более 4 часов. Когда приехали, было уже темновато. Нас накормили ужином и, в полной уже темноте, повели ночевать на сеновал. Разместились наверху под крышей – залезали туда по высокой лестнице: с правой стороны девочки, с левой – мальчики. Долго не засыпали,

всё разговаривали, рассказывали всякие интересные истории и анекдоты. Рассмеется кто-нибудь один, за ним грохнет общий хохот. Заснули, наверное, часам к 5-ти. Конечно, не выспались, но это нам не помешало сразу же вскочить, когда стали будить. Побежали мыться, завтракать. Потом начались соревнования по бегу и прыжкам – результатов, естественно, не помню. После обеда был тихий час (для нас опять на сеновале), по окончании которого мы играли в волейбол. Наши мальчики проиграли, девочки - выиграли. Потом мы уехали домой и вернулись уже часов в 10 вечера. На всю жизнь осталось впечатление радости и веселья. В город привезла большой огурец, который мне подарил, (сорвав с лагерного огорода!), один мальчик. Он был моложе меня, на длинных ножках и остроносенький, и звали его Ваней. Потом я его никогда в жизни не встречала, хотя с некоторыми ребятами из того пионерского лагеря я позднее познакомилась – они занимались разными видами спорта и бывали на стадионе.

В конце августа, перед закрытием Площадки, на стадионе «Динамо» был организован большой детский праздник. Проводились соревнования по легкой атлетике,

Пирамида, 1934 г.

волейболу, баскетболу и плаванию. В празднике принимали участие ребята из пионерских лагерей ОГПУ и «Красная звезда» (он был для детей работников ХОЗУ ОГПУ). Хорошо помню, что девочки играли с волейболистками «Красной звезды» и обыграли их, хотя по возрасту наша сборная была помладше.

В этом же году я играла в «Дитре» (б. Крестовский теннис-клуб) с Димой Смирновым, ставшим впоследствии известным ленинградским теннисистом. Собралось много зрителей. Тогда я его обыграла в двух сетах. Всю жизнь, до последних дней своих, он, встречая меня, всегда спрашивал, когда мы будем играть реванш. Так и не собрались, всё было некогда. А в августе приезжала в Ленинград прима Московского театра оперетты – Татьяна Яковлевна Бах. Невысокого роста, коренастая, очень подвижная, веселая и остроумная женщина. Помню ее в ярко-желтом сарафанчике, расшитом ее собственными руками синими васильками. Говорили, что она играет в Москве по 4-му разряду. Она несколько раз приглашала меня поиграть с ней. Кто-то предложил устроить между нами матч. Вот тогда собралось много народу: всем хотелось увидеть поближе известную артистку. Скамейки вокруг второго корта были быстро заполнены: собрались теннисисты, были и пловцы, и футболисты и легкоатлеты. Вокруг Татьяны Яковлевны увивались тогда многие. У меня тоже были болельщики, подбадривали, и мне удалось её обыграть даже в 2-х сетах. Подумать только: у нее был 4-й разряд, а мне было ещё только 12 лет!

С ранней весны, по-моему, еще 1932 г. на стадионе начала работать группа архитекторов и чертежники – предполагалась реконструкция старых и постройка новых спортивных объектов. Архитекторы устроились в маленьком деревянном бараке рядом с футбольным полем. Там, обычно, хранился спортивный инвентарь, который перенесли в помещение под футбольной трибуной. Реконструкцией стадиона «Динамо» занимались известные ленинградские архитекторы: Яков Осипович Свирский (по-моему, он был руководителем группы), Олег Николаевич Лялин (теннисист-динамовец 3-го разряда) и Юрий (не помню отчества) Мухаринский. Входила ли в эту группу жена Якова Осиповича, или

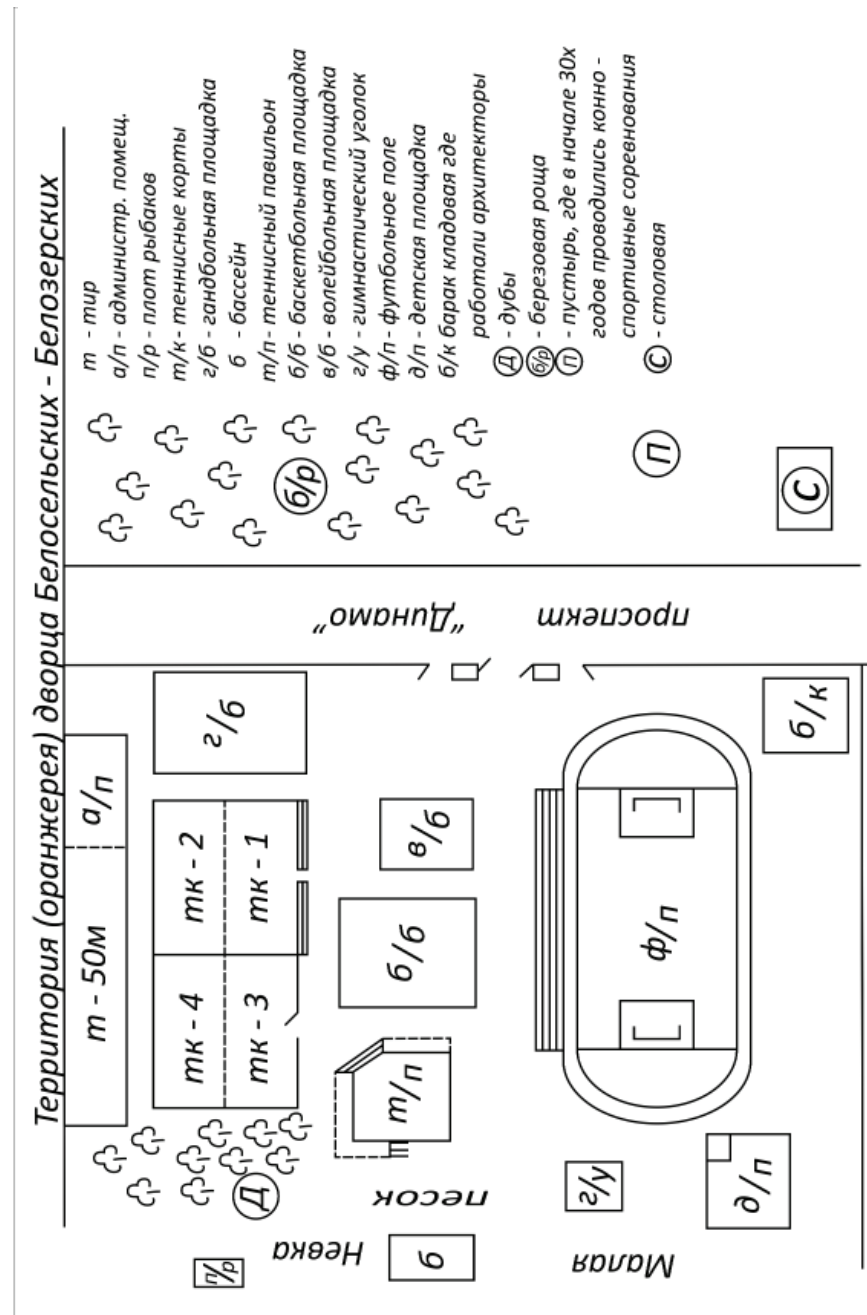
случайно узнала, что фамилии Ягунова и Ветошникова в заявке отсутствуют. Я все ждала, когда же ответственный за подготовку команды – Е.А.Кудрявцев – скажет, что мы не едем в Москву, и почему. Но он молчал, а мы регулярно приходили на тренировки. Накануне назначенного отъезда, я под предлогом того, что мне нужна справка на освобождение от работы, обратилась за ней к Е.А. В ответ, он как-то невнятно сказал, что мы с Кирой не едем. Я поинтересовалась, по какой причине. И получила в ответ - «По решению тренерского совета – по молодёжному принципу». Я про себя подумала, что меня заменят Музой Дементьевой, дочкой знаменитого футболиста Петра Дементьева. Ей тогда было лет 16-18, и она быстро прогрессирует. Ну что ж, замена в общем-то справедливая, Муза младше меня лет на двадцать. Как говорится, «крыть нечем». Но я никак не могла понять, почему из этого надо было делать тайну, почему нам в свое время не сообщили решения тренерского совета. Оказалось, что кандидатура Музы вообще и не рассматривалась, а вместо меня в заявку включили Ирину Богданову, которая была действительно младше меня, но меньше, чем на 2 года: мне 37, а ей 35 с половиной. И это считается по «молодежному»! принципу. О Кире вообще разговора не было: ее никем не заменили, просто забыли, наверное, включить. Меня расстроило и глубоко обидело, что нас, в общем-то «водили за нос», что у Е.А. не хватило мужества нам сообщить обо всем заранее. И я ему сказала, что отдаю себе отчет в том, что это не угроза в чей-то адрес, но в «Динамо» оставаться после всего этого я не смогу. Меня стали уговаривать дать телеграмму в ЦС «Динамо», чтобы мне прислали персональный вызов, но почему я это должна это делать сама? Я не стала ничего предпринимать, мне вдруг опротивели все и всё вокруг. Даже и теннис опротивел. Могла ли я себе это когда-либо представить? Я перестала бывать на любимом стадионе, перестала играть, не поехала на первенство СССР. Такое состояние длилось почти полтора года. А потом меня снова потянуло на корт. Я опять начала играть, но уже не в «Динамо», а в СКА (Спортивный клуб армии), куда за год до меня перешла Кира Ягунова. Правда, всё складывалось так, что тренироваться по-настоящему не хватало времени, и с те пор я

липкие от пота, а ноги, как ватные. Первые четыре дня я вообще ничего не ела, только пила, то Нарзан, то Боржоми – на каждом углу. На пятый день попробовала мацони (что-то вроде нашего кефира, если не ошибаюсь, из молока ослицы – очень вкусно), и только на шестой день, когда жара уже стала спадать до 30-35 градусов, я первый раз нормально пообедала. А вечером и в гостинице было за 30 градусов. Благодаря этой жаре многие «спустили» свои килограммы. А когда я вернулась домой, то, наверное, месяц, если не больше, каждый день ела по два-три антрекота, так хотелось мяса! Видимо, все белки из организма были «вымыты», и организм требовал их восполнения. Кто выиграл первенство ЦС «Динамо», - не помню, а первенство СССР в одиночных выиграли Андреев и Емельянова. В парных - Андреев-Озеров и Преображенская-Филиппова, а в миксте И.Литовченко-Новак-Озеров. Я на этих соревнованиях, по сложившейся ситуации, выступила не так уж плохо. На ЦС «Динамо» заняла 6-е место, на первенстве Союза – 18-е (в тот год разыгрывались все места). А парную я играла с Клочковой, и мы проиграли, не помню, кому, в первом круге. В классификации меня поставили на 22 место. Так кончился теннисный сезон 1957 г. Это было последнее первенство Союза, в котором я участвовала. А дома я была встречена моими соскучившимися по мне мужчинами, младший из которых бросился ко мне на руки со словами: «Миля мама!». И я поняла, что уезжать надолго просто невозможно.

«Миля мама», 1957 г.

В 1958 г. в зимнем первенстве Ленинграда была в полуфинале, но 3-го места не разыгрывали. В миксте с Кизеветтером заняли 2-е место. Затем играли командное первенство Ленинграда, первенство «Динамо», летнее первенство города. В августе, в Москве, проводилась юбилейная (35 лет) Спартакиада ЦС «Динамо». Ленинградцы, и я в том числе, усиленно тренировались, но никаких отборочных игр не было. За 5 дней до отъезда я

таким я увидела ст. «Динамо» в 1929г.

она просто приезжала тогда на стадион, но обычно, в обеденный перерыв они приходили на корты и с упоением играли, почти всегда предлагая мне поиграть вместе с ними. Для меня они были просто – тетя Лиля и дядя Яша. В отличие от Веры Яковлевы Богоявленской, тетя Лиля никогда не обижалась, проигрывая мне, 11-12-летней девчонке. Напротив, она всегда радовалась, когда мне удавалось «хорошо сыграть». Тогда она говорила, что, если я буду серьезно тренироваться, то, когда вырасту, обязательно стану хорошей теннисисткой. Как видно, она понимала, что значил для меня уже тогда теннис. Так сложилось, что в последующие после окончания работ на стадионе годы, ни дядя Яша, ни тетя Лиля не бывали на стадионе, и мы больше не встречались. Однако я их часто и с благодарностью вспоминала. И вот, однажды, в начале 70-х годов, иду по Невскому и вижу,двигающегося навстречу мне, дядю Яшу. И, хоть он был уже в солидном возрасте, не узнать его было нельзя: та же маленькая, только поседевшая бородка, те же очки и та же неторопливая походка. Я подошла к нему и, поздоровавшись, спросила: - «Дядя Яша, помните ли Вы меня?» Он очень тепло улыбнулся и, взяв мою руку в свои, ответил: «Тасенька, Вы немножко подросли за время (а прошло с тех пор более 40-ка лет!), что мы не виделись, но я Вас очень хорошо помню. И я в курсе всех Ваших успехов. Олег Николаевич мне всегда много о Вас рассказывает». Я осторожно спросила о тете Лиле. К счастью, она была жива. Я попросила передать ей от меня огромный привет с поцелуями и наилучшие пожелания. Так мы и стояли, держась за руки и долго разговаривая обо всем, перескакивая с одной темы на другую, наверное, около часа. Больше мы с дядей Яшей никогда не встречались. Вскоре я узнала, что они с тетей Лилей уехали в Америку.

Но я отвлеклась. В результате творческой работы дяди Яши и всей группы архитекторов, стадион увеличился в 4 раза: Исчезла чудесная березовая роща, на месте которой удлиннили тир, построили Круглый павильон, где внизу был устроен ресторан, а наверху Спортивный клуб. Затем соорудили футбольное поле с трибуной, баскетбольные и волейбольные площадки и еще одно - тренировочное футбольное поле (и тир, и трибуны и Круглый

в команде, просто очень хотелось играть после длительного перерыва. В результате и у Киры пропал этот сезон, и у меня. Летнее первенство 1956 г. выиграли Лукирский и Е.Викторова, а парные А.Бойцов-Р.Гродницкийл. Победителями в миксте стали Налимова-Гродницкий. Мы с Кирой в нем не участвовали. А осенью я позвонила Кудрявцеву, ответственному за распределение часов тренировок в манеже. Оказалось, что часы для меня не предусмотрены. Было очень неприятно и обидно, а главное, непонятно. Жизни без тенниса я себе не представляла и всё-таки настояла на том, чтобы часы мне дали. Ведь до этого я была все-таки два года подряд победительницей зимних первенств.

В зимнем первенстве города 1957г. мы участие принимали. Я проиграла Вале Васильевой, а в парном с Кирой мы заняли 3-е место, и в миксте с Кизеветтером – 2-е. В этом году было даже зимнее первенство «Динамо», на котором я проиграла только Гале Ивановой, обыграла же Катю Кузнецову и Киру Ягунову. Васильева играть со мной не стала, отказалась, не объяснив причины.

На летнем первенстве города в 1957 г. у меня в одиночном были победы над Н.Ивановой, Цаунэ и Ярицыной. - заняла 3-е место, а также - 3-е место с Ягуновой в паре. В миксте с Кизеветтером стали чемпионами Ленинграда. В этом же году я принимала участие в первенстве ЦС «Динамо» и в первенстве СССР. Во время соревнований, а они проходили в Тбилиси, была жуткая жара – доходило до плюс 47 градусов по Цельсию в тени. Игры начинались, буквально, с рассвета и продолжались до 11 час., иногда дольше, чтобы закончить встречу. И все-таки были солнечные удары: пострадали двое из Прибалтики и, как ни странно, один молодой теннисист с юга, кажется, из Харькова. Я, никогда ничего не надевавшая во время игры на голову, кроме повязки, чтобы не мешали волосы, приобрела огромный мужской носовой платок, и, сделав по углам его четыре узелка, нацепила его на себя. Вспоминала при этом Николая Михайловича Кочергина, котрый выходил на корт всегда в таком головном уборе.

Утренние встречи было легче играть, жара действовала постепенно. А парные встречи назначались на 15-17 ч. Площадки перед игрой поливали, и с них шел пар. А выходили на корт все

деревянной (80 ступенек) лестнице, от которой первые дни давали себя знать икры ног, поднимались на шоссе, где садились в троллейбус и ехали несколько остановок до Киевского вокзала, а там - на метро, тоже с пересадкой, до «Динамо». Я выходила на площадку невыспавшейся, полусонной. Было очень трудно войти в ритм. Всё это, наверное, сказалось на результатах: я проиграла Нифонтовой, Емельяновой и Кузьминой. К парным встречам, которые начинали играть после 5 ч. вечера я более или менее приходила в себя, поэтому мы с Кизеветтером несколько встреч выиграли, потом в полуфинале обыграли Филиппову-Маркова, а в финале - эстонцев Т.Вяли-Л.Киви. Таким образом, сбылась, наконец, моя мечта стать чемпионкой страны. Правда, не в летнем первенстве Союза, а в зимнем, и не в одиночном разряде, а в смешанном. Но все равно, это было очень приятно. За это я чрезвычайно благодарна моему дорогому микстёру Кизику (как мы с детских лет называли Володю Кизеветтера).

Так сложились обстоятельства, что летом 1954 г. я не участвовала ни в первенстве Ленинграда, ни в первенстве Союза. Зато в зимнем первенстве города в 1955г. мне удалось, обыграв Н.Иванову, В.Васильеву (Бугаеву) и Ярицыну, опять занять 1-е место в одиночном и 2-е места в парном с Кирсиком и в миксте с Кизеветтером. Летом я в соревнованиях участия не принимала, а в декабре 1955г. у меня родился сын. Зимой я не тренировалась, а, когда в мае 1956 г. приехала на стадион, то никто мне даже не предложил поиграть. У меня создалось такое ощущение, что я вдруг стала для всех совершенно чужим человеком. Расстроившись, я на все лето уехала с сыном на дачу.

Летом 1956 г. в Москве была Спартакиада народов СССР. В «Динамо» были предусмотрены тренировочные игры, вывешено расписание, согласно которому мы с Кирой Ягуновой аккуратно приезжали: она из Сестрорецка, я - из Сиверской. Кира тоже долго не играла: её не было в Ленинграде, за это время у неё родилась дочка. Короче, мы обе соскучились без тенниса, и нам очень хотелось играть. И, обычно, мы играли вдвоем. Наши партнерши, почему-то не являлись, причем ни разу нас не предупредив. На душе было как-то неприятно – ведь мы не претендовали на место

павильон построены из железобетона, а дорогу от входа до тира заасфальтировали). Вместо 4-х прежних кортов построили 9. Для этого были спилены высоченные дубы, которые росли между пляжем и старыми кортами, и ликвидировано поле для гандбола. Первый и второй корты были обнесены высокими деревянными трибунами. На месте волейбольной и баскетбольной площадок разбили дорожки, газоны и клумбы.

К концу 1934 г. начала работать организация «Юный динамовец», которую возглавила одна из ведущих велосипедисток общества Мария Козодой. Ей помогала педагог Тамара Добагова. В феврале 1935 г. мы все получили членские билеты и стали юными динамовцами. Для юных динамовцев проводилась большая культурная работа, устраивались лекции и экскурсии, а осенью всех юных чемпионов города премировали билетами на концерт в филармонию. В программе был Бетховен: в первом отделении музыка к трагедии И.В.Гёте «Эгмонт», во втором – Пятая симфония. Монолог Эгмонта читал знаменитый в то время чтец Артоболевский, фамилии дирижера и певицы, исполнявшей «Песню Клэрхен», не помню (прошло более 70-ти лет, но кое-что всё-таки помню!) На меня музыка Бетховена произвела огромное впечатление. Я стала часто бывать в филармонии и до сих пор не могу еще отказать себе в этом удовольствии - очень люблю классическую музыку. Но это не мешает мне любить, например, оперетту, джаз и народную музыку.

С филармонией я немножко забежала вперед.

К лету 1935 г. новые корты готовы еще не были. Поэтому первенство города по теннису проводилось на кортах Дитра (б. Крестовского теннис - клуба), на ул.Рюхина. Это недалеко от «Динамо», поэтому после игр мы возвращались на стадион, чтобы помыться в душе с горячей водой (под готовой трибуной у футбольного поля были прекрасные раздевалки с душевыми кабинами). Теннисистам тоже полагался пропуск в душ, хотя они пользовались раздевалками в Теннисном домике, где у каждого был свой шкафчик с ключем, можно было оставлять спортивный инвентарь и ракетки.

В 1935 г. чемпионами Ленинграда стали Мария Викторовна

Мейер и Арчил Мдивани. Мейер, начавшая играть в 1924 г. уже в 1928 г. попала в «Десятку» Ленинграда и была в ней 20 раз, а в «десятке СССР – 4 раза, причем в 1935 г. – на 2-м месте. В молодости она занималась балетом, и это отражалось на стиле ее игры: она красиво бегала, начиная с носочка, и выглядела на корте грациозной. Она всегда носила серёжки-висюльки, не снимая их даже во время игры. В тяжелые 30-е годы Марии Викторовне пришлось многое пережить: ее муж был репрессирован и погиб, но по ее виду никто об этом никогда не догадывался. В конце 40-х годов она окончила ГДОИФК им. П.Ф.Лесгафта и уехала в Ригу, где долго работала тренером. Арчил Мдивани, страшно темпераментный, с прекрасной реакцией игрок, блестяще

Мария Викторовна Мейер.
1935 г.

игравший в паре с Э.Негребецким. Они были в 1932 г. финалистами, а в 1934-36 гг. – чемпионами СССР. В 1938 г. в Москве, во время соревнований на первенство ЦС «Динамо» Арчил исчез. Очевидцем этого исчезновения был известный ленинградский теннисист Владимир Лапин. Потом он рассказывал: - «После игр и обеда мы с Арчилом отправились в динамовское общежитие (под футбольными трибунами стадиона), где жили приезжие теннисисты, чтобы немного отдохнуть, так как вечером

Арчил Будовици Мдивани.
1935 г.

собирались побродить по Москве. В дверь кто-то постучал и спросил, не может ли Арчил Мдивани на минутку выйти. Арчил вышел, не надев даже пиджака». Минутка оказалась очень долгой... Отец Арчила, являвшийся в Грузии крупным партийным и государственным деятелем, был объявлен «врагом народа», он сам и вся семья были подвергнуты репрессиям, в том числе

Корчагин-Озеров и Коровина-Налимова, а в миксте – Налимова-Негребецкий. На командных соревнованиях встречались с Грузией и Москвой: на этот раз мне у Кондратьевой выиграть удалось, правда, 6:4, 9:7.

На этом теннисный сезон 1953 г. закончился, а новый учебный год у меня начался в другом качестве: я стала преподавать немецкий язык в Институте холодильной промышленности, теперь он называется Государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий. Меня взяли на почасовую оплату и дали несколько групп, пообещав на следующий учебный год ставку. Однако, весной пришел какой-то циркуляр из Москвы, по которому с кафедры иностранных языков три ставки снимали. Из-за этого пришлось основных преподавателей переводить на почасовую оплату, мне уже ничего не оставалось. Но мне повезло: случайно предложили полную ставку в Радиотехническом техникуме № 1 (потом он стал называться Техникумом морского приборостроения). Я согласилась и проработала там с 1955 по 1969 г. А с 1969 г., до выхода на пенсию в 1986г., работала на кафедре иностранных языков в Ленинградском университете: преподавала на матмехе (математико-механический факультет), а с открытия факультета ПМПУ (прикладной математики процессов управления) и на нем тоже.

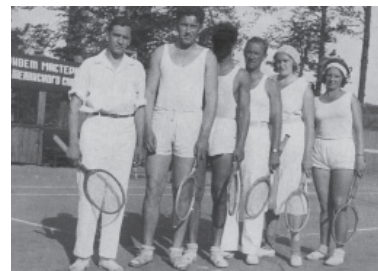
1954 г. встречали с надеждами, которые для меня, в какой-то степени, оправдались, - в зимнем первенстве города я заняла 1-е место, обыграв М.Маслову, Бугаеву, Цаунэ и Е.Викторову (Коровина и Налимова не участвовали), в парном с Капшаниновой мы заняли 2- место, а в смешанном с Кизеветтером 1-е. В Москве, на зимнем первенстве Союза, я никак не могла привыкнуть к условиям, в которых мы тогда жили. Столько раз приходилось жить в разных городах и в разных условиях, но такие плохие были впервые. Нас поселили на базе ЦДКА, в Лужниках. В помещении было холодно, ни теплой воды, ни удобств для мытья не было. Чтобы не опоздать на встречи, назначаемые на 10 ч. утра, надо было уходить еще до 8 ч. – хотелось еще где-то по пути успеть перекусить. Чтобы не проспать, я по несколько раз ночью просыпалась. А добираться до кортов «Динамо» приходилось следующим образом: по узкой,

Ленсовета, на Кировском пр. Первое время я ежедневно ездила на стадион «Динамо», потом на «Спартак». Однажды вечером мне позвонили по телефону и сказали, что один из мальчиков, игравших по старшему возрасту, заболел. Запасным в команде был Станислав Жук. Так как он жил наискосок от нас, я побежала к нему, чтобы попросить его на следующее утро прийти на «Спартак». Стасика дома не было, и его мама обещала ему всё передать, но предупредила, что завтра утром у него экзамен, и вряд ли он сможет прийти. Жук тогда учился в техникуме физкультуры. Назавтра я была приятно удивлена: Жук в 11.00 был на кортах. Оказывается, он очень рано поехал в техникум, чтобы сдать экзамен первым и успеть на теннис, чтобы не подвести команду: он знал, что по положению за неявку дают 0 очков, за проигрыш 1 очко, а за выигрыш 2 очка. А он еще и выиграл и принес команде 2 очка. Мне тогда очень понравилось его серьезное отношение к интересам коллектива.

В связи с тем, что я летом никуда не уезжала, мы с Юрой решили продолжать нашу жизнь вместе, и в конце июля я переехала к Самариным. Поздравляя нас, Юрин папа сказал, - «Теперь на даче придется вырубать смородину и строить теннисный корт». Николай Николаевич в молодости сам играл в теннис. А в 30-40-е годы они с Ольгой Конрадовной часто бывали на теннисных соревнованиях и были в курсе всех теннисных событий. Увы, постройка корта не осуществилась, так как Николай Николаевич меньше, чем через год скончался.

В августе наши теннисисты вернулись из Москвы, и было разыграно первенство города. Я, по обыкновению проиграла Налимовой и, к моему глубочайшему огорчению, Фармаковской. Но зато мне удалось победить Коровину 4:6, 6:2, 8:6. В одиночном разряде это была моя самая крупная победа за всю жизнь! В результате я оказалась на своем обычном 3-м месте. В паре с Капшаниновой мы заняли тоже 3-е место.

Первенство Союза проводилось в 1953 г. в сентябре. На этот раз в Киеве. Там я умудрилась простудиться и играла с температурой и головной болью. Проиграла Филипповой и Р.Кирсановой. Чемпионами страны стали, Озеров и Чувьрина, в парных -

*Команда «Динамо»:
В.Мультино, Э.Негребецкий, А.Мдивани,
Е.Кудрявцев, Э.Клочкова, Э.Тис.
1933-37 гг.*

«Динамо», на которой лицо Арчила Мдивани закрашено чернилами.

К сожалению, с кем играли Мейер и Мдивани в финале, я не помню, так как одновременно сама участвовала в первом в Ленинграде детском первенстве города. Мальчиков было не менее 12 человек, девочек всего 8. Мы с Алеком Лурье стали первыми чемпионами Ленинграда по детскому разряду. Алек играл в финале с Сашей Орбергом, я – с Марой Десфонтейнес (в будущем известной теннисисткой Дагмарой Евгеньевной Фармаковской). Я получила свою первую в жизни красивую грамоту, которую позднее, плюс еще за 1936 и 38 гг., а также несколько маминих грамот нужно было сдать в Комитет физкультуры и спорта, так как они были подписаны председателем Комитета, ставшим к тому времени тоже «врагом народа». Ни мне, ни маме не пришлось тогда в голову эти грамоты куда-нибудь спрятать. Репрессированы были также один из ведущих в 20-е годы теннисист и первый тренер Г.Коровиной Бруно Альфредович Шпигель, активный теннисный деятель и судья Леонид Яковлевич Мизернюк и некоторые другие теннисисты.

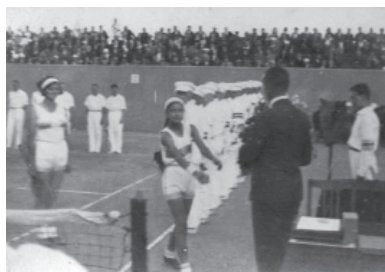
В 1935 г. отмечался юбилей Е.А.Кудрявцева – 25 лет с тех пор, как

и Арчил. Говорили, что за него хлопотало центральное динамовское руководство. Ему, якобы, предлагали свободу, если он откажется от отца, а он ответил, что «князя Мдивани от отца не отказываются!» И оба: и отец, и сын были расстреляны. У Э.Негребецкого сохранилась фотография команды теннисистов ленинградского

Я - первая чемпионка Ленинграда по девочкам. 1935 г.

он стал первым победителем чемпионата Санкт-Петербурга еще для игроков 2 и 3 классов, а после этого бессменным чемпионом или призёром первенств СССР и Ленинграда. Мы, теннисисты - юные динамовцы, в динамовской форме – белых трусах с голубыми каемочками и лампасами и в белых маечках с голубой поперечной полосой на груди - принимали участие в этом событии. Мне, как чемпионке Ленинграда, доверили поздравить Евгения Аркадьевича и вручить большой букет цветов. Кстати: цветы для всех торжественных случаев приобретали в бывшей оранжерее, правда, уже не под стеклом, князей Белосельских-Белозерских, дворец которых находился в парке, примыкавшем к динамовскому тиру, а оранжерея располагалась сразу за тиром, в нее вела маленькая калиточка. Там работал еще их садовник Оскар Карлович, фамилии, увы, не помню.

*Юбилей Е.А.Кудрявцева. Лиля Гирина и я, вручи́щая ему букет.
1935 г.*

Окрыленная первым большим успехом в жизни, я с дядей Ваней, маминым братом, поехала в Воронеж к Дидусе и Бабусе, которые после убийства С.М.Кирова, в числе очень многих жителей города, в марте 1935 г. были высланы из Ленинграда. В справке о реабилитации теперь написано, «как социально-опасный элемент», а тогда их высылали по статье 58, что значило «контр-революция». Не помню только, что значил пункт 11 этой статьи. Наконец-то я ехала к тому самому Дидусе, который был и остался для меня на всю жизнь самым близким и дорогим человеком. Человеком, который до сих пор является для меня примером во всем. И, если во мне есть всё-таки что-то хорошее, то это его заслуга. Кроме того, это именно он помог мне навсегда полюбить теннис. А его «виной» было то, что он, будучи кадровым военным, честно служил Родине: с самого начала 1-й Мировой войны был назначен начальником одного из отделов Главного штаба – отдела по сбору сведений об убитых, раненых и пропавших без вести.

будет сдать. А там будет видно.

Новый, 1953 год встречали с друзьями, все желали нам добра, здоровья, успехов. А в начале двадцатых чисел января, в разгар сессии, я, как всегда, получила перевод из Москвы. Вот тут у меня настроение поднялось: на февраль деньги есть, в каникулы отдохну, а уж после каникул поеду в «Динамо» договариваться о работе с марта месяца. А пришли двадцатые числа, и я опять получила перевод. В «Динамо» не пошла, а в институт на занятия ездила. Потом я собиралась устраиваться на работу с апреля, потом с мая. А переводы приходили. В середине мая я защитила дипломную работу и решила, что, если в мае перевода не будет, государственные экзамены всё равно буду сдавать. А перевод опять пришёл. И последний перевод был в июне. Благодаря К.Андреянову мне удалось закончить институт, не откладывая на потом. До сих пор вспоминаю этого человека с большим чувством благодарности. Несмотря ни на что, на зимнее первенство страны 1953 г. я в Москву поехала. 1-е места заняли: Андреев и Чувырина; в парах – Андреев-Белиц-Гейман и Коровина-Налимова, а в миксте Налимова-Негребецкий. Я играла со С.Севастьяновой и Кузьменко и выиграла. Но проиграла Борисовой и Сумароковой. О парной и миксте ничего не помню.

В институте занятия уже кончались. Срочно подчищали «хвосты», сдавали зачеты. В мае мы защищали дипломную работу, затем сдавали государственные экзамены и, наконец, получили диплом об окончании высшего учебного заведения. Я облегченно вздохнула. Но еще долго не верилось, что огромные трудности были уже позади. А впереди, между прочим, ждали новые трудности: трудности преподавательской работы.

В июне-июле был сбор в Москве. По-моему, приезжали какие-то иностранцы, кажется, венгерские теннисисты, и все наши уехали. Так как из-за государственных экзаменов я поехать не смогла, то я заменяла Коровину: на меня оставили тренировочный сбор юношеской команды, «Динамо», которая должна была играть командное первенство города. Первенство длилось довольно долго, так как команды играли по разным возрастам. Проводилось оно на площадках «Спартака», во дворе Дворца культуры им.

в первенстве не участвовала, поэтому парную мы договорились играть с Ярицыной, и надо сказать, что получилось очень удачно: мы обе старались вовсю и, обыграв Кондратьеву-Чувырину 7:5, 6:4, вышли в полуфинал, где проиграли Борисовой-Белоненко, и заняли 3-е место, выиграв у Нифонтовой-Филипповой.

В заключение, уже в октябре, в Тбилиси разыгрывались соревнования на Кубок СССР Мы встречались с Литвой, Грузией и Москвой. И второй раз проиграли московским динамовкам. По результатам года я опять оказалась в 10-ке - на 9-м месте. Так закончился 1952 г. в спорте. А в институте я уже училась на последнем, V курсе. Но в этом году у нас дома случилась беда: у Муси, которая весь год себя плохо чувствовала, к осени врачи обнаружили туберкулез. Было необходимо усиленное питание, очень дорогие в то время лекарства и поездка в санаторий. Все это требовало дополнительных средств. А тут еще одна неприятная новость: в конце ноября всех ленинградских стипендиатов (по всем видам спорта) вызывали к определенному часу в Комитет физкультуры на собеседование к К. Андрианову, заместителю председателя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. После обычных вопросов о тренировках, результатах, планах, учебе и т.д. он сообщил, что должен огорчить меня: оказывается, в связи с большими затратами на Олимпийские игры, которые проводились в 1952 г. в Финляндии, и в которых в первый раз принимали участие советские спортсмены, «стипендии» с 1-го января 1953 г. снимут, а оставят только чемпионам. Наверное, моя физиономия после этого несколько изменилась, потому что он поинтересовался материальным положением нашей семьи. Пришлось рассказать о больших тратах на лечение Муси, о том, что мы с мамой живем в общей с ней комнате, и, что, если я останусь без стипендии, мне придется устраиваться на работу, и не будет времени на тренировки, так как я занимаюсь в институте уже на последнем курсе, - осталось всего полгода. Андрианов сочувственно кивал головой, но сказал, что, к сожалению, от него ничего не зависит. Когда я пришла домой и всё рассказала маме и Мусе, настроение не улучшилось. Правда, мы решили, что с января я еще работать не начну, так как сессию обязательно надо

Когда после революции смещали начальников всех учреждений и на их место назначали выборных, то моего дедушку тоже сместили, а сотрудники его отдела выбрали себе в начальники именно его. Так он и продолжал работать в должности начальника отдела до 1924 г., пока не были обработаны все, до последнего, сведения, поступившие с фронтов. Отдел расформировали, всех уволили. Дидусю уволили с должности, не назначив пенсии, мотивируя тем, что у него есть взрослые дети, которые могут его содержать. Так он стал «иждивенцем» и очень переживал это обстоятельство. А я, в свою очередь, очень тяжело переживала отъезд Дидуси и Бабуся, трех маминих сестер и брата, поехавших вместе с ними. С их отъездом разрушилась большая и дружная семья. Мне ужасно не хватало Дидуси, и только первенство Ленинграда, в котором не участвовать я, конечно, не могла, задержал мой отъезд к ним. Как только первенство закончилось, мы с дядей уехали, но так как в Москве нужна была пересадка, а поезд на Воронеж шел вечером, то с утра мы пошли в Третьяковскую галерею, где, к слову сказать, встретили двух моих школьных учительниц и учителя, ехавших отдыхать на юг и тоже имевших свободный день в Москве. После Третьяковки мы поехали на корты ЦДКА, на площади Коммуны, потому что мы знали, - в Москве проходит первенство города. Все москвичи, бывавшие в Ленинграде, меня узнали, многие расспрашивали о наших теннисистах и результатах первенства города. А узнали меня, наверное, потому, что, когда приезжали к нам, то видели меня или внимательной зрительницей во время встреч или во время перерыва между ними – у стенки, играть у которой мне, кстати, никогда не надоедало. Кроме того, в свободное от игры время, или во время дождя, теннисисты собирались в Теннисном домике, и развлекались тем, что просили меня показать, как бьет тот или иной игрок справа или слева, чью-то подачу или походку. Получалось, видимо, удачно, потому что все смеялись, и никто никогда не обижался. А здесь, в Москве, Софья Васильевна Мальцева - сама Мальцева! - поздравила меня с первым «большим успехом» и пожала мне руку. И откуда она только узнала всё. Мы с дядей посмотрели несколько игр и вечером уехали в Воронеж. Там я бесконечно радовалась встрече с моими любимым Дидусей

и Бабусей и тетушками. Дидуся поздравил меня, в подробностях расспрашивая обо всем: и о теннисе, и о школе, и обо всех друзьях и знакомых. Я, конечно, старалась отвечать на все его вопросы подробно, сама о многом спрашивала. Но и в Воронеже и, вернувшись, дома, я долго всем надоедала, захлеб рассказывая не о своей первой победе, а о том, что «сама Нина Сергеевна Теплякова поздоровалась со мной за руку», что «сам Константин Иосифович Масс (Главный судья московского первенства) пожелал мне в будущем стать чемпионкой страны», что «сама Софья Васильевна Мальцева пожала мне руку и поздравила с победой». Время летело, к сожалению, очень быстро: конец августа и сентябрь пролетели, как один день, надо было возвращаться домой, а так не хотелось уезжать от Дидуси...

1-го октября я появилась в школе. Надо было срочно браться за учебу. Но 15-го я заболела скарлатиной, Самым обидным было то, что, когда за три года до этого скарлатиной болела Муся и лежала дома, я не заразилась. А теперь меня отправили в больницу, я лишилась своих длинных косичек. Помню, как Муся из-за этого плакала, я же держалась стоически. В то время в больнице со скарлатиной держали 40 дней, да еще после больницы карантин дома на две недели. Короче, в школу я могла пойти только в середине декабря. Оставалось две недели до Нового года. За две четверти меня не аттестовали, и папа предложил мне остаться на второй год, что я, конечно, отвергла с негодованием: не хотелось покидать дружный класс, и, вообще, я не могла себе представить себя «второгодницей». До этого я, хоть отличницей и не была, но училась в общем-то хорошо, а тут...

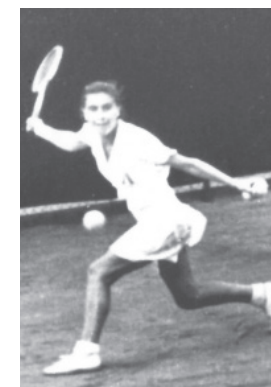

Карнавал на льду во время зимних каникул. Стадион «Динамо». 1937 г.

Помню, как на одном дыхании охнули все ребята, когда я вошла в класс с бобриком на голове, вместо косичек. Отучилась две недели, а потом все вместе, как положено, встретили Новый год. В зимние каникулы катались на лыжах и коньках, побывали на школьном празднике-карнавале на

выиграла 6:4, 6:2. Но полоса неудач продолжалась: я проиграла Кузьминой, Чувьириной, Кондратьевой и Филипповой. В итоге у меня оказалось 7-е место.

Первенство ЦС «Динамо» в 1952 г. состоялось в Ленинграде. Выиграла у Минаевой (Тб) и К.Дубининой (М) и проиграла Коровиной. В миксте с Мищенко в полуфинале проиграли Сумароковой и Панкову, а за 3-е место Коровиной и Лукирскому и остались на 4-м месте. В паре с Капшаниновой в полуфинале проиграли Чувьириной-Кондратьевой и заняли 3-е место, обыграв Грингаут-Дубинину. В матче Москва-Ленинград проиграла Кондратьевой. Микст с Мищенко в этот раз тоже проиграли Чувьириной-Корбуту, причем в жесткой борьбе, чуть-чуть не хватило выдержки: 6:3, 6:8, 11:13. А парную, в этот раз с Налимовой, выиграли у Борисовой-Белоненко 6:1, 6:4. На первенство Ленинграда первый раз играла с В.Кизеветтером. Дошли до полуфинала, где в трех сетах проиграли Коровиной-Лукирскому и заняли 3-е место. Володя Кизеветтер оказался для меня самым удобным микстёром: с самых первых мячей между нами возникло взаимопонимание, с ним было играть легко, просто и надёжно, мы понимали друг друга с полу-слова, с полу-взгляда. Самым интересным было то, что он играл всегда, практически, туда, куда сыграла бы я, если бы оказалась на его месте. В одиночном я заняла 3-е место, проиграв только Коровиной и Налимовой; в паре с Капшаниновой проиграли Коровиной – Налимовой в финале.

В Москве против Г.Кондратьевой. 1952 г.

Первенство страны в 1952 г. проходило в Москве. Чемпионами стали: Андреев и Чувьирина, в большой борьбе обыгравшая в финале Налимову; в парных – Негребецкий-Озеров и Коровина-Налимова; в миксте Нифонтова-Озеров. Мне в одиночном удалось выиграть у Емельяновой и у Кондратьевой, причем в этот раз неожиданно легко: 6:4, 6:0. Затем я проиграла Коровиной и Филипповой. Майя Капшанинова

только две игры: выиграли у И.Леллеп-А. Утсо и проиграли в 3-х сетях Филипповой и Борисовой. В миксте с Мищенко были победы над А.Кузьминой-Г.Гарибашвили и над Кондратьевой-Кудрявцевым. В полуфинале проиграли Налимовой-Негребецкому, а потом Чувьириной-Маркову, которые оставили нас на 4-м месте, что тоже не так уж и плохо.

Этим летом мы были в Тбилиси всей семьёй: мама входила в состав судейской коллегии первенства, а Муся участвовала в командном первенстве, в составе сборной команды ЦС «Буревестника».

В сезоне 1951 г. в «10-ку» я не попала, хотя имела победы над вошедшими в нее: Гориной (8-е место) и Чувьириной, за 10 дней до того, как она стала чемпионкой Союза. А по классификации прошлого, 1950 года у нее было 4-е место. Спортивный год кончился, а учебный в институте продолжался. Я перешла уже на IV-й курс и занималась и дома и в библиотеке с утра до вечера.

В начале января 1952 г. начались экзамены, а в манеже Дома мастеров тенниса - зимнее первенство города. И первый сюрприз я себе преподнесла, проиграв моей вечной сопернице Ярицыной, причем легко: 2:6, 3:6. (До этого мы с ней встречались 10 раз, и я никогда ей не проигрывала). Меня наказали за этот проигрыш и на зимнее первенство Союза не заявили. Знаю, что победителями стали: Озеров и Налимова; в парных – Негребецкий-Озеров и Коровина-Налимова, а в миксте – Нифонтова-Озеров.

Первыми летними соревнованиями, в которых я участвовала, была «10-ка», в которую меня, как ни странно, включили. Скорее всего из-за того, что в ней почему-то не принимали участие Коровина, Налимова и Белоненко Соревнования разыгрывались в два этапа: сначала в Ростове-на-Дону, где были включены Т.Портненко и И.Литовчнко, потом в Ленинграде. Причем с Лялей Гориной (впоследствии Ларисой Преображенской) я почему-то играла и в Ростове, где проиграла 7:5, 5:7, 4:6, и в Ленинграде, где

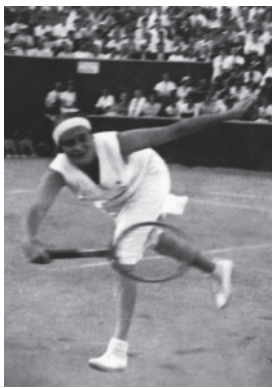
*М.Ветошникова и
Л.Максимова чемпионки ЦС
ДСО «Буревестник» в 1950-
51 гг.*

льду, на стадионе «Динамо». И.И.Богоявленский меня даже сфотографировал в карнавальном костюме. После каникул начала учиться с удвоенными силами, прикладывала уйму усилий и в 8-й класс переползла.

Зимой 1935-36гг. теннисисты тренировались уже в Доме мастеров тенниса, на набережной реки Фонтанки, 33. так называемом ДМТ. В прекрасном, уютном помещении здания бывшего манежа на территории Аничкова дворца. Хотя сам корт был очень хорошего качества, его большим минусом были маленькие расстояния между продольными линиями площадки и стенками, вдоль которых стояли, правда, узенькие, скамейки для зрителей. Задние забеги были вполне достаточными. Большим преимуществом являлись лампы освещения - направленные вверх. Входя в помещение с улицы, вы попадали в гардероб, правая дверь из которого вела на переоборудованный из манежа корт. В противоположной стороне корта находились раздевалки. Левая дверь вела в проходную комнатку, метров 15-ти, из которой тоже было две двери – одна в маленький коридорчик, где были две душевые кабины, туалет и кухня. В проходной комнате стояло несколько маленьких столиков и стулья, и была стойка-буфет, где можно было купить бутерброды, булочки, чай или лимонад. Спустившись по маленькой лестнице, оказывались в комнате отдыха со сводчатым потолком, в первой половине которой стояли рояль, бильярд и радиола, а во второй – длинный стол, много стульев, и на стене большой белый экран. Первым директором Дома мастеров тенниса был Павел Иванович Ломиковский, прекрасный организатор, наладивший там не только тренировочную, но и большую культурно-просветительную работу. По субботам он организовывал вечера-встречи, на которые приглашал интересных людей, например, академика Е.В.Тарле, читавшего цикл лекций на тему «Столицы мира»; бывали показы различных не только художественных, но и научно-популярных кинофильмов; иногда выступления артистов или самих теннисистов, например, Александр Васильевич Смирнов читал свои стихотворения и дружеские шаржи, посвященные разным лицам, а Лев Белоручев пел романсы из репертуара Александра Вертинского. На рояле часто играл Захар Михайлович Хайкин,

обладавший изумительным слухом - он мог исполнить по заказу всё, что угодно, причем без нот. Многие приходили просто потанцевать под радиолу. А на вечера танцев тапёром приглашался известный музыкант Дима Привалов. На эти вечера приходили и взрослые теннисисты и мы, дети. Наши мальчики приглашали не только девочек, но и «взрослых дам», а нас, девочек, приглашали «взрослые кавалеры». На все эти мероприятия Павел Иванович обязательно рассылал заранее приглашения.

Тренировочный процесс был организован Ломиковским отлично. Мы, ребята, тоже были включены в расписание, с динамовскими мальчиками занимался Э.Э.Негребецкий, с девочками З.Г.Клочкова. Взрослые звали ее Зикой, а мы тетей Зикой или Зинаидой Георгиевной. В то время не было пособий по теннису, и каждый тренер занимался так, как ему казалось лучше и эффективнее. Поскольку я уже давным-давно сама «поставила» себе все удары, тетя Зика не стала мне ничего переставлять. Помоему, она поступила мудро, так как нет ничего хуже, чем ломать то, что уже «прижилось». Можно только корректировать кое-что. Это она и делала, когда было нужно. Но она сделала для меня очень многое в другом смысле: Она мне (да и не только мне) дала основы тактики игры. Сидя рядом с нами, когда кто-нибудь играл, она оценивала каждый удар, одобряя его или, наоборот, критикуя. Но критиковала она всегда по-доброму. Она говорила, как надо сыграть иначе и почему. Тётя Зика научила меня анализировать свою игру и игру противника, и я всю жизнь ей за это благодарна. Всё это относилось как к одиночным, так и к парным и микстам.

*Зинаида Георгиевна
Клочкова, 1936 г.*

Сама Зинаида Георгиевна в молодости являлась разносторонней спортсменкой: играла в баскетбол, хорошо плавала – была в начале 20-х годов чемпионкой города по плаванию на спине на 200 м. Но любовь к теннису пересилила. С 1925 по 1947 гг. она являлась одной из сильнейших теннисисток Ленинграда

время экзаменационной нервнострепки. Самое обидное то, что в этот раз мой проигрыш оказался решающим очком. Первый раз ленинградки не стали обладательницами Кубка. К сожалению, не осталось записей о результатах остальных встреч. У мужчин Кубок, как всегда, завоевали москвичи: Озеров, Андреев, Корбут, Корчагин.

После Кубка играли первенство города: 2-е место в паре с Капшавниновой и 3-е в миксте с Мищенко. В сентябре, в Тбилиси, на соревнованиях ЦС «Динамо» я проиграла Калмыковой и в борьбе выиграла у Чувыриной со счётом 7:5, 8:6, но на этот раз «качки» и в помине не было. Недели через две Лиза Чувырина, в финале первенства страны, победила Белоненко и стала чемпионкой СССР. Потом началось командное первенство СССР. «Динамо» выставило 2 команды. Первая сборная команда: Коровина, Налимова, Калмыкова, Кондратьева, Негребецкий, Корбут, Белиц-Гейман, Мищенко и еще кто-то из молодежи, наверное, В.Элердашвили (Тб). Вторая сборная команда: Лео, Чувырина, Ветошникова, Капшанинова, Ю.Панков, П.Беляков (оба М), В.Серебренников и Б.Крупенников (оба Тб), Х.Хиоп и Х.Каламая (оба Талл). До соревнований был проведен 3-дневный тренировочный сбор, на котором тренировали, в основном, парные. Например, пара 1-й команды Калмыкова-Белиц-Гейман раньше вместе никогда не играли. Чтобы их потренировать при судьбе на вышке, «запустили» нас с Мищенко. Я совершенно не сомневаюсь, что если бы мы играли с ними одиночные встречи, то и Мищенко и я легко бы проиграли. А вместе мы легко выиграли - 6:2, 6:2. Но мы с Мищенко оказались в разных командах, поэтому он микст не играл, а меня назначили играть с эстонцем Хиопом. Правда, мы играли с ним только один раз, но успешно, дали очко команде, выиграв у спартаковцев Черятовой и В.Клейменова. А в паре с Капшаниновой мы проиграли только спартаковкам Борисовой и Нифонтовой со счетом 0:6, 7:5, 5:7.

В личном первенстве страны 1951 г. меня пригласила играть парную ЗэГэ, которой я не смогла отказать, и мне пришлось извиниться перед Капшаниновой. Но Майя, человек добрый, поняла ситуацию и не стала возражать. С Клочковой мы сыграли

Павлу Майданскому (Л): -

Изогнут нос по ватерлинии,
Сам гибок, как Багдадский вор,
А мяч, им пущенный по линии,
Несет противнику позор.

Эдику Негребецкому (Л): -

С видом сонного медведя
Меж юных дам гуляет Эдя.
Сегодня вышел он на корт
И матч продул, как старый чёрт.

В конце марта, на зимнем первенстве Союза в Москве победителями стали С.Андреев и Белоненко. В парных: Андреев-Белиц-Гейман и Коровина-Налимова, а в миксте Налимова-Негребецкий. Я на этот раз проиграла Сумароковой, а выиграла у Л.Кузьменко, Мейер и Цаунэ – почти всегда попадала на своих ленинградок. Микст играла с Лукирским. Мы выиграли у Цаунэ-А. Бойцова, Александровой-П.Белякова и проиграли в полуфинале Налимовой-Негребецкому. За 3-е место играли с Сумароковой-Марковым, но выиграть не удалось.

В соревнованиях «10-ти сильнейших» в 1951 г. участвовало 11 женщин. Обыграв лишь А.Ф.Горину, Филиппову, Воскресенскую и Н.Байрачную, я проиграла всем остальным: Белоненко, Чувыриной, Налимовой, Сумароковой, Кондратьевой и Борисовой. В итоге – 7-е место.

7-8 июля 1951г. состоялся матч Москва-Ленинград, закончившийся победой ленинградцев 11:10. А я опять проиграла, на этот раз Борисовой. Кубок СССР играли у нас, в Ленинграде. В этот раз опять сборными городов. Сначала встречались с эстонками, я – с В.Кааман (7:5, 6:2), затем с Украиной (А.Борош - 6:4, 6:0). В финале – с Москвой. Играю опять с Борисовой, и опять проигрываю – 6:2, 4:6, 4:6. Иногда веду в геймах и не могу их выиграть – в то время мне не хватало внимания на площадке. Наверное, не восстанавливалась после бессонных ночей во

и Советского Союза, будучи 4 раза чемпионкой Ленинграда в одиночном разряде, 10 раз в парном и 9 раз в миксте. А на первенствах Советского Союза она 22 (!) раза играла в финалах, в которых 4 раза становилась чемпионкой в парном и 9 раз в миксте. Ей первой, из теннисисток Ленинграда было присвоено звание Заслуженный мастер спорта СССР. В начале 30-х годов Зика отдала много времени и сил, чтобы помочь молодым, быстро прогрессирующим теннисисткам – Эллен Эдуардовне Тис и Татьяне Борисовне Налимовой. Зика много с ними играла и тоже посвящала в различные тонкости любимой игры. В паре с Тис она была чемпионкой СССР в 1935-36гг., а в паре с Налимовой в 1938 и 1940 гг. С Налимовой же она стала чемпионкой Открытого первенства Москвы, а также в миксте с Колей Озеровым в 1943 г. ЗэГэ, как ее называли близкие и друзья по начальным буквам ее имени и отчества, (и как она просила меня называть ее, когда я подросла), была очень интересным и образованным человеком: Она любила музыку, стихи: любила поэтов Серебряного века, многое знала наизусть. Общение с ней всегда доставляло большое удовольствие. У нее было много друзей в мире ученых и искусства. Ещё со школьных лет она дружила с руководительницей знаменитого ансамбля «Берёзка» Надеждой Надеждиной, была дружна с не менее знаменитой киноартисткой Тамарой Макаровой. И... прекрасно перетягивала теннисные ракетки: она, как никто другой, умела заменить лопнувшую струну. Последнюю ракетку она перетягивала мне летом 1971 г., будучи уже в больнице и зная, что она обречена. Зика скончалась 29 июня 1972 года. В 1938 г. ЗэГэ вынуждена была уйти из «Динамо» и перейти в «Спартак», так как ее муж и микстёр, Вячеслав Константинович Мультино, после поездки в составе сборной команды СССР на соревнования в Прагу, был арестован и осужден на 5 лет по знаменитой 58 статье (контрреволюционная пропаганда, участие в антисоветской группе). После освобождения возвращаться в Ленинград ему было запрещено, и он обосновался в Архангельске. К сожалению, это обстоятельство способствовало разводу этой (в общем-то, любящей друг друга) пары. В период блокады Ленинграда ЗэГэ работала общественным инструктором-методистом по

лечебной физкультуре в Эвакогоспитолях. Она вернула в строй более полутора тысяч раненых бойцов, за что была награждена Дипломом I степени Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта, и памятным значком «За многолетнюю, плодотворную деятельность по развитию советского физкультурного движения». В «Спартаке» Клочкова сразу же заняла ведущее место и как игрок, и как тренер. Там у нее было много учеников, добившихся высоких результатов: мастера спорта СССР И.А.Ярицына, В.Е.Кизеветтер, А.С.Наседкин, И.Б.Джелепов, 1-разрядницы: Д.Е.Фармаковская, А.Д.Кудрявцева, Г.Я.Пастухова и ещё много других, более молодых игроков. А первыми её ученицами были благодарные ей всю жизнь Т.Б.Налимова, Э.Э.Тис, К.С.Ягунова и, конечно, я.

В этом же, 1935-36 гг. зимнем сезоне динамовцы получили возможность тренироваться на зимнем динамовском корте, который открылся в Конногвардейском пер., в здании манежа бывшего Конногвардейского полка, где в наше время находился один из полков НКВД. Площадка была и шире и длиннее площадки манежа Аничкова дворца, поэтому и забеги были больше. Потолок тоже был гораздо выше, а освещение, увы, намного темнее. Кроме того, лампы, висающие на потолке и светящие вниз, мешали во время игры, особенно при подаче или при приеме свечи. Корт располагался в длину между одной стеной и большим темно-зеленым занавесом, за которым до другой стены было расстояние с полкорта. На стене была большая деревянная, размеченная «стенка», у которой тоже можно было тренироваться. Вдоль корта, с одной стороны, во время соревнований ставили 2-4 ряда стульев для зрителей, а, с другой стороны, на высоте приблизительно полутора метра находился балкон, перед которым, в случае надобности, тоже можно было поставить 1-2 ряда стульев или скамеек. На самом балконе стулья для зрителей стояли постоянно. С балкона можно было пройти в комнату отдыха, в душевые, туалет и кабинет директора. Директором этого спортивного сооружения был З.М.Хайкин. Захар Михайлович, сам игрок 1-го разряда, опытный судья и тренер, был очень веселым и талантливым человеком. Кроме того, он был потрясающим рассказчиком анекдотов.

Летнее первенство Ленинграда в 1936 г. выиграли Э.Тис и

Борису Новикову (М): – В игре он точен, как Брегет:
Еще удар «и - Ваших нет»!

Нине Лео (М): - Которая, скажите, Лео?
Та, что направо иль налево?

Мише Корчагину (М): - Не пробиваем, как стена,
Подвижен, словно капля влаги,
Ракетой точною звеня,
Бьет восходящий мяч Корчагин.

Сергею Андрееву (М): - Андреев острый, как ланцет,
И зол, как тысяча болонок,
Не переносит слова «нет»
Еще с младенческих пеленок.

Жене Корбуту (М): - Худой, невероятно длинный,
Складной, как ножик перочинный,
Ракеткой сзади покрутя,
Он в сетку мяч кладет, шутя.

Евгению Аркадьевичу Кудрявцеву (Л): -
Кудрявцев Женя, хоть и стар,
Но тот же темп и тот же жар.
Еще, как день осенний, свеж –
Он точно бьет и драйв, и смэш.

Тане Налимовой (Л): - Огромная, в тугих бинтах,
С повязкой на ноге малиновой,
Наводит на противниц страх
И дрожь на зрителей Налимова.

Зике Клочковой (Л): - Имеет благодатный рост
И ноги призовой лошадки,
Другой – пора бы на погост,
У Зики – все, как есть, в порядке.

кино. От жизни старались не отставать.

В эти и последующие годы в Ленинграде появилась довольно большая поросль «послевоенных девочек и мальчиков». Это: Валя Бугаева (Васильева), Галя Иванова, Катя Кузнецова, Алла Маринченко, Эмма Саутина, Юля Горская, Муза Дементьева, Вика Раппопорт, Аня Еремеева (Красько), Лена Комарова, сестры Лариса (Щёголева) и Лена Медведевы и др. Из мальчиков: Кика (Кирилл) Комар, Лёва Шульга, Гена Петров, Эдик Шмаков, Яша Гринблат, Толя Бойцов, Роман Гродницкий, Андрей Наседкин, Андрей Потанин, Алек Иванов, Володя Пальман, и др.

В январе 1951 г., во время экзаменационной сессии были очень сильные морозы. В здании института был адский холод, и я все время ходила с головной болью. Позднее я поняла, что это была реакция сосудов. Всю жизнь я плохо себя чувствую в холода: кисну, теряю работоспособность и желание что-либо делать. Лежала бы только и читала. В морозы я каждый день совершаю подвиги - преодолеваю себя! На зимнем первенстве города я умудрилась проиграть Сидоренко, правда, в трех сетах. Парную играла с Майей Капшаниновой, так как Кира уехала на несколько лет в Феодосию, куда получил назначение по службе её муж. Там, кстати, она принимала участие в соревнованиях на первенство города и была чемпионкой Феодосии.

В начале марта в Доме мастеров тенниса состоялся матч Москва-Ленинград. Я играла с Борисовой и проиграла ей 6:2, 4:6, 4:6, а микст с Мищенко выиграла у Борисовой-Корчагина 6:3, 6:4. Выиграли мы с Налимовой и парную встречу у Кондратьевой-Чувьириной 7:5, 6:2. Ленинградцы проиграли эту встречу со счетом 9:12. Во время этого матча, пока теннисисты бились за очки, наш преданный болельщик и поэт, Александр Васильевич Смирнов, набросал несколько посвящений:

Александр Васильевич Смирнов, автор дружеских шаржей на теннисистов

Е.А.Кудрявцев. По разряду детей чемпионами стали опять мы с Алеком Лурье - не только в одиночных, но и в миксте. Я очень торопилась уехать к Дидусе в Воронеж, так как в начале августа

Дима Смирнов, 1936 г.

в Москве должны были проводиться соревнования школьников 9 городов по летним видам спорта, и я была включена в состав команды по младшему (1921-22 гг.) возрасту вместе с Димой Смирновым. По старшему возрасту (1919-1920 гг.) в команде были Мара Десфонтейнес и Алек Лурье. Но произошло непоправимое: через несколько дней после моего приезда в Воронеж, Дидусе стало плохо, и я, конечно, не смогла уехать от него. О теннисе не могло быть и речи. 2-го августа Дидуся скончался.

Его хоронили на следующий день, так как была страшная жара. Вернувшись с кладбища, я решила немножко отдохнуть, вытащила в сад матрас и, положив его под густое вишнёвое дерево, улеглась и сразу же заснула. Меня не смогли разбудить ни к обеду, ни к ужину. Не добудились и на следующий день, и вечером, а 5-го утром мама собиралась уже пойти за врачом, как вдруг я очнулась, услышав мамин голос: - «Вы же видите, она не в состоянии ни ехать, ни играть». Я открыла глаза и сказала: - «Как не в состоянии, а кто же будет играть вместо меня, ведь запасных нет». И тут я увидела Михаила Львовича Шретера, который, как оказалось, был специально отправлен из Москвы в Воронеж за мной. Я поднялась, помылась, позавтракала; уложила в чемоданчик теннисную форму и туфли, взяла ракетку, и к вечеру мы с ним уехали в Москву. Ракетку я привезла из Ленинграда без пресса, и ее, за время пребывания в Воронеже, немножко «повело». Так и пришлось в Москве играть «восьмерочкой». Какой же тяжелый нервный стресс должен был быть у меня, если побороть его понадобилось почти двое суток непробудного сна.

Приехав в Москву, мы огорчились, узнав, что первый круг

соревнований уже отыграли. Нашей команде поставили «отказ» (из-за меня!), и мы могли бороться теперь уже только за 5-е место. Его мы заняли, не проиграв ни одной встречи саратовцам. Победителями же соревнований стали тифлисцы: Нуну Хелая и Павлик Подпорин. Павлик очень хорошо, а главное, умно играл, и ему прочили большое будущее. К огромному сожалению, Павлик во время войны погиб.

Мара и Алек вышли в полуфинал, потом в финал и, обыграв москвичей заняли 1-е место. В результате ленинградцев поставили на общее 3-е место. Не проигравшие ни одного соревнования в командных встречах автоматически становились победителями в личном зачете. Во время этих соревнований была обширная культурная программа: можно было побывать в музеях, во многих театрах и на концертах. Я, например, была в филиале Большого театра на опере А.С.Даргомыжского «Русалка». Князя пел знаменитый тогда тенор Алексеев, вскоре умерший совсем молодым. Кроме того, поскольку мы не играли в финале, образовалось много свободного времени, и у меня появилась возможность поехать на стадион «Юных пионеров», где проводились легкоатлетические соревнования, чтобы поболеть за наших ленинградцев. По окончании соревнований по всем видам спорта, состоялся большой торжественный вечер в Летнем театре сада «Эрмитаж», после которого был концерт. У меня до сих пор сохранилась одна игральная карта из тех, которые фокусник раскидывал со сцены в разные стороны. Победителей награждали ценными подарками. Мара и Нуну получили по патефону. Я не завидовала, но меня очень огорчало, что мы с Димой не выиграли 1-го места из-за меня.

Конечно, мы все болели за наших ленинградцев, так как одновременно шло и первенство СССР у взрослых теннисистов. Именно в 1936 г. заговорили о Галине Коровиной, выигравшей тогда так называемый «утешительный» разряд, в парке ЦДКА, где проводились в то время все теннисные встречи, к финалам был построен центральный теннисный корт с вместительными трибунами полукругом и эстрадной площадкой для концертов. Перед финалами было решено провести детские встречи. Играли:

соревнований, уже в середине октября, многие поехали отдыхать на море, а я, конечно, отправилась домой – сдавать «хвосты», догонять пропущенное и готовиться к очередной сессии.

1945-50 гг. пролетели как-то быстро: тренировки, соревнования, разъезды, опять соревнования, поступление в институт и учеба в нем. Вечерами к нам, жившим на углу Большого проспекта Петроградской стороны (окнами на Большой) и ул. Ленина, часто забегали на минутку, как тогда говорили, «на огонёк», или на весь вечер, наши сверстники или друзья мамы. Пили чай, играли в разные игры, танцевали, устраивали турниры по пинг-понгу, как у нас, по старинке называли настольный теннис. Играли на маленьком столе, что гораздо труднее, чем на нормальном. Однажды, осенью 1948 г., к нам зашёл мой бывший довоенный микстёр – Сережа Винтергальтер. Будучи раненым на фронте во время войны, он долго пролежал на мерзлой земле, в результате чего заболел туберкулёзом и был вынужден бросить теннис. А жаль, он был способным теннисистом. Впоследствии он стал доктором медицинских наук, профессором-рентгенологом. Его уже давно нет в живых. А тогда Сережа как-то предложил мне поехать к его товарищу по институту, чтобы поиграть в пинг-понг на большом столе. Так я познакомилась, и началась наша большая дружба с моим будущим мужем – Юрием Николаевичем Самариним. Мы часто, по несколько человек, стали бывать у Самариных, чтобы поиграть на большом столе. Познакомились с его родителями. Бывало, что Юрина мама, Ольга Конрадовна, звонила нам по телефону и, говоря, что они с Николаем Николаевичем идут в театр, приглашала нас к Юре, «чтобы ему не было скучно одному». Тогда мы быстренько собирались и ехали втроем (Муся, моя подруга по институту Ира Будницкая, которая жила вместе с нами, и я) на Васильевский. Кроме того, отказывая себе во многом, мы приобретали ежегодные абонементы на концерты в Филармонию. У меня до сих пор хранятся программки концертов, на которых я бывала и продолжаю бывать и сейчас. Их более 700. И это далеко не полный комплект: иногда программок концерта вообще не было, иногда, опаздывая на концерт, не успевали купить или просто не было денег. Кроме филармонии бывали и в театрах и, конечно, в

игру придется откладывать, неизвестно, как у меня дальше всё сложится, не разладится ли после перерыва игра. Но судья, либо понял ситуацию, либо посчитал, что дождь не очень сильный, и не остановил игры. Сумарокова тоже не воспользовалась моментом, чтобы меня «притормозить». Последние два гейма мы играли уже под сильным дождем, и второй сет мне удалось выиграть 6:2. Остальные игры были отложены и, как выяснилось потом - до следующего дня. Пошел такой сильный дождь, что М.Капшанинова свою игру с Чувьириной и не начинала. А Коровина и Налимова успели сыграть, но вместо 2-х очков, получили только одно. На второй день, опять же из-за дождя, все игры сыграть не смогли. На третий день случилось, что наши первые номера, Коровина и Налимова, вместо четырех очков, дали только два: одна из них проиграла Лео, другая – Кондратьевой. Капшанинова Сумароковой проиграла. Дождь продолжал нарушать расписание, а у нас, вместо запланированных 5-и очков – только 3. Когда я, на 4-й, по-моему, день вышла на корт играть с Чувьириной, я отчетливо понимала, что мое очко может стать решающим. Как я ни старалась, первый сет я проиграла 2:6, во втором тоже ничего не получалось, и я проигрывала 2:4 и 15:40. И тут я «легла в мёртвый кач»: боясь попасть в аут, я стала кидать мячи горкой на самую середину площадки. Первое время Чувьирина разводила мячи по углам, как хотела, а я бегала подолгу туда-сюда и опять кидала на середину. Когда мне удалось сравнять счет, и стало 4:4, Чувьирина начала злиться и часто ошибаться. Я же продолжала свою тактику. А, выиграв второй сет со счетом 6:4, я уже поняла, что в третьем сете всё будет гораздо проще, что он будет моим. Я перестала «качать», игра у меня пошла и я его, действительно, выиграла со счетом 6:3. Лиза, буквально, рванулась к сетке, и, когда я подошла, схватила мою руку и стала её дёргать взад-вперед (со стороны могло показаться, что мы пилим сетку). Она почти кричала: - «Противная, я тебя ненавижу! Я тебя ненавижу!». В ответ я только блаженно улыбалась. На следующий день наши дамы парную, конечно, выиграла, а вместе с ней и Кубок СССР! И то, что Чувьирина обыграла Капшанинову, уже не играло никакой роли. 1950 г. был для меня менее успешным: я оказалась на 10 месте. После

победитель соревнований в личном зачете Павлик Подпорин и Коля Озеров, не участвовавший в соревнованиях из-за поездки с родителями на юг. Каждый из них выиграл по сету, и решающий им сыграть не дали. После них вышли мы с Нуну Хелая. Мне довольно быстро удалось ее обыграть со счетом 6:1, 6:3 и в первый раз услышать аплодисменты, уже почти полностью заполненных трибун. Я была рада не столько за себя, сколько за Ленинград, так как чувствовала себя виноватой в том, что не мы выиграла 1-е место. И как я жалела, что мой Дидуся уже не может порадоваться моему успеху в этой встрече. Из Москвы, я уехала опять в Воронеж, где прожила у Бабуся весь сентябрь, и вернулась домой опять в начале октября. В школе произошли изменения: многие ребята после седьмого класса ушли – кто в техникум, кто работать. Когда я вошла в кабинет завуча, она сразу же заявила, что класс, в котором я училась, уж укомплектован, и отправила меня в другой класс. Таким образом, у меня оказалось в два раза больше друзей, с которыми я всю жизнь продолжала и продолжаю дружить. Увы, с каждым годом нас становится всё меньше и меньше. Но тогда надо было начинать учиться, догонять пропущенное, а сил не было, была сплошная апатия ко всему, и в голову ничего не шло. Если бы не теннис, я не знаю, что со мной было бы. Много позже я поняла, что после смерти Дидуси находилась в тяжелой депрессии. И спас меня тогда именно теннис. Я часто ездила в Дом мастеров тенниса, в динамовский манеж, много играла. Учебный год кое-как прошел, началось лето и вместе с ним много сюрпризов:

В июле 1937 г. в Москву приехал экс-чемпион мира француз Анри Кошэ. Он был и в конце прошлого летнего сезона, но я, будучи в Воронеже, его выступлений не видела, а в 1937 г. организовали Всесоюзный теннисный сбор, в котором принимали участие около 50-ти человек: лучшие теннисистки и теннисисты, тренеры и «подающая надежды молодежь». Я была, не знаю, на каком небе, узнав, что меня включили в число участников этого сбора. Позднее сбор получил неофициальное название «Школа Кошэ». От Ленинграда на сбор были вызваны: Г.Коровина, Э.Негребецкий, Л.Мищенко – игроки; Е.Кудрявцев, В.Левыкин, В.Лапин - тренеры; Мара Десфонтейнес, Тася Ветошникова

(то есть - я) и Валя Фармаковский, впоследствии муж Мары - «подающие надежды». Из «подающих надежды» были еще: Саша Смирнов (Ростов-на-Дону), Мика Мелик-Адамов и Коля Озеров

*Всесоюзный сбор «Школа Кошэ» в Москве. 1937 г.
Я слева третья, Мара шестая, а Валя первый слева в нижнем ряду*

(Москва), Павлик Подпорин (Сухуми), Ваню Элердашвили и Боря Руднев (Тифлис). А из девочек – Нуну Хелая (Тифлис) и Галя Иванова (Саратов).

Сбор проходил в Москве, на площадках ЦДКА. Он начинался в 10 ч. утра с часовой зарядки, которую проводил Дмитрий Иванович Синючков (Москва), мастер спорта, в 40-50-е годы Государственный тренер по теннису. После зарядки был 10-минутный перерыв, а потом все собирались на трибунах, и Кошэ рассказывал о своем видении стиля и техники игры. Переводчиком был очень интересный человек, сам немного игравший в теннис, Борис Александрович – месье Глюк. Затем все распределялись по площадкам, как правило, по 2 человека, и играли, выполняя определенное задание Кошэ. К каждой площадке подходил на некоторое время тренер, который проверял, как всё получается. Точно не уверена, но думаю, что тренеры после каждого занятия отчитывались. Сам Кошэ, время от времени, появлялся вместе с месье Глюком около каждой площадки, смотрел, о чём-то говорил с тренером. Иногда уходил. Но чаще подходя, что-нибудь показывал, объяснял. Потом, если у игроков получалось, довольный уходил. Если не получалось, качал головой и, обращаясь к месье Глюку, просил перевести: – «Ничего, получится в следующий раз». Когда

табличке рядом с которым, была тоже понравившаяся нам надпись на латинском (как и везде) языке. Недавно, не помню уж, в какой связи, мы с Кирой вспоминали Ботанический сад в Сухуми. Вспомнили и тот куст. И сразу же, в один голос, не сговариваясь, сказали: «питтоспорум тобира» - так это звучит по-русски. А прошло с тех пор «всего» 60(!) лет. Бывает... В конце мая мы уже были дома, - отдохнувшие, загоревшие. Начинались игры «10-ки»: одну половину их проводили у нас, другую – в Таллинне. Я заняла лишь 7-е место, выиграв только у М.Емельяновой, Зикмунд (Нифонтовой) и Кондратьевой. 1-е место заняла Коровина, у мужчин – Озеров. В начале июля был разыгран матч Москва-Ленинград, на котором я проиграла А.Ф.Гориной, но к счастью, ленинградцы выиграли 11:10. С кем и против кого играла парную и микст – не помню. В первенстве Ленинграда 1950 г. я заняла 2-е места в одиночном, парном с Кирой и в миксте с Мищенко. В полуфинале мы обыграли Налимову-Негребецкого (в ранге чемпионов СССР!), а в финале проиграли Коровиной-Лукирскому. Первенство страны проводилось в 1950 г. в сентябре, в Тбилиси. Я выиграла у К.Минаевой (Тб), Цаунэ и Филипповой и проиграла Чувыриной. Чемпионом страны стал Негребецкий, победивший в финале Озерова. Что творилось на трибунах – не передать. Грузины очень любили своего земляка Эдика. У женщин чемпионкой стала Белоненко, выигравшая в финале у Коровиной; в парах победили: Негребецкий-Озеров и Коровина-Налимова; в миксте Налимова-Негребецкий. Кубок СССР 1950 г. разыгрывался тоже в Тбилиси. Наша женская команда играла сначала с командой Литовской ССР – мы выиграли. В финале против нас были динамовки Москвы: Лео, Кондратьева, Чувырина и Н.Сумарокова. Как правило, наши «первые дамы» - Коровина и Налимова всегда давали 4 очка. И в этот раз, мы рассчитывали на это. В первый день должны были играть вторые номера с первыми, а третьи с четвертыми. Я, на своем 3-м месте, играла с 4-м номером - Н.Сумароковой и не видела остальных встреч. У меня с самого начала игра пошла хорошо, и я поняла, что всё в моих руках. И, действительно, первый сет выиграла 6:0. Более того, вела во втором 4:2, и тут начался дождь. В голове мысли завертели одна за другой: если

честь 70-летия тов. Сталина. Мне довелось играть с Налимовой. Игра получилась затяжной и, вопреки всем традициям, без нулей. Более того, мне удалось проиграть первый сет со счетом 10:12, а второй даже выиграть 9:7. 3-й сет Налимова играть отказалась, а я и не настаивала; надо же было дать «себя показать» и другим. В январе, когда все экзамены были сданы, я почувствовала себя на вершине блаженства: в институте одолела первую сессию, в классификации за 1949 г. оказалась на 5-м месте! Но расслабляться было некогда: на носу было зимнее первенство Ленинграда 1950 г. В нем мне удалось занять два 2-х места: в паре с Кирсиком и в миксте с Мищенко.

В апреле 1950 г. мы были в Москве, на зимних соревнованиях, которые, как всегда, проводились на закрытых площадках стадиона «Динамо», в здании, с двумя хорошими, имеющими большие забеги и трибуны, кортами. Победителями стали: Озеров и Коровина, в парных: Андреев-Озеров и Коровина-Налимова, а в миксте – Налимова-Негребецкий. У меня было две победы: над В.Кааман (Таллинн) и А.Ф.Гориной и проигрыш – Лео. В конце апреля, сборная команда ленинградского «Динамо» (Коровина, Налимова, Ягунова и я, а также Негребецкий, Мищенко и Кудрявцев) уехала на сбор, в Сухуми. Погода там была все время отличная, жили мы в хороших условиях, в гостинице «Абхазия», у нас с Кирой был отдельный номер. Утром занимались зарядкой, затем шли завтракать и на корты. Тренировались каждый день, играли и одиночные и парные. После игр, часа на два ездили на пляж, на котором почти никого не было, так как в апреле-мае местные жители еще не купаются - холодно, а приезжих были единицы. После пляжа отправлялись обедать. По пути заходили на рынок и покупали килограмм свежего зеленого лука, по сто граммов на нос, остальные на кухню, для нас же. На закуску ели лук с чёрным хлебом, потом обедали и каждый день пили по стаканчику легкого янтарного сухого вина - Тетра. Сухумцы называли его солнечным. Вечерами мы гуляли, побывали в знаменитом Обезьяннем питомнике, в чудесном Ботаническом саду, одном из лучших чуть ли не во всем мире. Нам с Кирой приглянулся один пышный куст, с красивыми белыми цветами, на

он был особенно доволен игрой, улыбаясь, восклицал: - «Bien joue!», что значит: «хорошо сыграно!» Некоторые теннисисты подходили к Кошэ, расспрашивали о чем-то, сами что-то говорили. Мы, дети, старались выполнять все так, как он объяснял, но инициативы не предпринимали. Я, например, как-то подсознательно даже боялась общения с ним – иностранцем: вдруг потом это обернется как общение с «нежелательным элементом», или припишут то, чего и быть не может. Я тогда, совсем маленькая девочка, уже знала несколько примеров последствий общения с иностранцами. Мне лично, то, что объяснял и показывал Кошэ, было очень приемлимым. Его рациональная манера подхода к мячу, экономные, без суетливости, свободные движения нравились. Он двигался приставными шагами и, казалось, что он и не бегают по площадке. Думаю, что это ему удавалось за счет его природных данных – умению быть предельно внимательным и молниеносной реакции. А его замах и удар по мячу казались маятникообразными. От его игры оставалось впечатление красоты и свободы. Очень хотелось быть хоть в чём-то на него похожей. Для этого, наверное, нужно было бы продолжать совершенствоваться ещё какое-то время. Но, увы, сразу же по окончании сбора, начались соревнования на первенство СССР, в том числе и по разряду мальчиков и девочек. И тут уж некогда было думать, как подойти к тому или другому мячу, как делать замах и т.д. - хотелось одного: просто выиграть. Странно, но совершенно не помню, кто из ленинградских мальчиков принимал участие в соревнованиях,

А.Нифонтова, Н.Теплякова (обе Москва), А. Кошэ, Г.Коровина (Ленинград), О.Калмыкова (Киев) на сборе. 1937 г.

Анри Кошэ в Москве, 1937 г.

- Алек Лурье не играл. А из девочек, кроме меня приехала Оля Курзина. Почему не включили Мару Десфонтейнес, совершенно непонятно. У мальчиков победителем стал Свет Придворов, сын поэта Демьяна Бедного, в финале обыгравший Павлика Подпорина. Придворов – высокий, здоровый парень атлетического сложения, хотя ему еще не было 16-ти лет. Павлик же - пониже, худенький, даже хрупкий, совсем мальчишечка лет 14-15-и. В общем, игроки «разных весовых категорий». Павлик, хоть и очень старался, но проиграл 6:8, 3:6. Всего в первенстве участвовало 16 мальчиков и 16 девочек. Так получилось, что в первом круге я встретилась с моей землячкой – Олей Курзиной, чуть не проиграла, но выдюжила: 7:5, 2:6, 7:5. Во втором круге была Рая Щербина (потом ее все знали как известного сочинского тренера Селуянову). Проиграв первый сет 4:6, я постаралась и выиграла 6:0, 6:2. В полуфинале я попала на Верочку Филиппову, которая была старше меня всего на один день и впоследствии стала одной из лучших теннисисток страны. Вере я тоже проиграла первый сет - 4:6, но второй и третий выиграла 6:4, 6:4. Дорога к финалу оказалась очень трудной. А в финале меня ждала, конечно, никто другой, как Нуну Хелая. Я мысленно приготовилась «лечь костями», но к моему удивлению, игра прошла как-то легко, без напряжения. Выиграв 6:4, 6:3, я стала чемпионкой Союза. У-р-р-р-а-а-а !!! Как был бы доволен Дидуся, что заветная мечта его внучки сбылась. Меня хотели фотографировать, но я убежала куда-то, постеснялась, глупая была,

Я - чемпионка Советского Союза среди девочек, 1937 г.

- покрасовалась бы в «Советском спорте». За это меня ждало «наказание»: навстречу мне шёл секретарь ЦК Комсомола, Александр Косырев. Он остановил меня, поздравил, пожал руку, пожелал дальнейших успехов и повел в ложу Главной судейской коллегии, которая располагалась на балкончике над трибунами первого корта. Туда вела высокая узенькая лесенка. Наверху меня поздравила, практически, вся Главная судейская коллегия и сидевший в ложе

во внимание и невозможность пообедать, чтобы не опоздать на очередную встречу, вечером, в гостинице, я, не в силах от усталости куда-нибудь идти, улеглась, положив ноги на спинку кровати. И моя милая партнерша Кира Ягунова, мой дорогой Кирсик, сыгравшая в этот день только 5 сетов, отпаивала меня крепким, сладким чаем с лимоном, который приносили из гостиничного ресторана. Выпила несколько стаканов, есть ничего не хотелось. А на следующий, восьмой день – одиночка (3 сета), пара (3 сета) и опять два микста по 3 сета (6 сетов) - итого: 12 сетов. Но я не зря «ложились костями»: мы с Кирсиком, выиграла у москвичек Черятовой-Дубининой, проиграла в полуфинале победителям и заняли 3-е место, обыграв тоже москвичек Филиппову-Кондратьеву. И в миксте с Мищенко тоже заняли 3-е место, победив такие пары, как Кондратьева-Корбут и Нифонтова с Зикмундом.

Май 23-й сет за 2 дня. 1949 г.

Вернувшись из Тбилиси уже перед ноябрьскими праздниками, пришлось, засучив рукава, сразу же включаться в подготовку к зачетам и экзаменам. Честно признаюсь, что учиться в институте мне было труднее, чем раньше. Во-первых, память у меня, за пропущенные годы, стала намного хуже. Думаю, что большую роль в этом сыграл голод во время блокады. Во-вторых, из-за сборов и соревнований я пропускала по 3-4 месяца в учебном году. Приходилось сдавать 2-3 экзамена досрочно, а 2-3 оставлять на осень. В мои обстоятельства входили и разрешали. На «хвосты», когда я возвращалась, давали 10 дней или две недели, в зависимости от количества экзаменов. Я старалась этих сроков не нарушать, поэтому в следующий раз мне шли навстречу и всегда разрешали уехать на любой срок. А ездила я, особенно, если на сборы, всегда с книжками и конспектами. Стыдно было учиться плохо еще и потому, что все мои однокурсницы, были моложе меня, в основном, на 10 лет. В разгар подготовки к сессии, в конце декабря 1949 г., в манеже проводились показательные встречи в

и спорта так называемую стипендию, размером 1200 руб. (моя зарплата, для сравнения, составляла после вычетов – 560 руб.). Стипендиатов освобождали от работы, чтобы они могли посвящать всё время тренировкам. Воспользовавшись этим обстоятельством, я 25-го августа поехала в свой Институт иностранных языков восстанавливаться. За годы, что я не училась, произошло большое изменение в программах: меня зачислили бы на III-й курс, если бы по новой программе я сдала экзамены по предмету Зарубежная литература за I-й и II-й курсы, плюс к этому экзамен по второму языку за II-й курс (до войны Зарубежная литературу читали на III-IV-ом курсах, а второй язык начинался с III-го курса). До начала занятий у меня была целая неделя, и я подумала, что литературу можно было бы подготовить за это время, но второй язык – задача невыполнимая. Я очень расстроилась и уже решила уходить, когда декан мне сказала, чтобы я попробовала сдать экзамен по Зарубежной литературе за I-й курс, и тогда меня зачислят на II-й курс, все-таки какой-то выход из положения. Я в тот же день осталась в читальном зале заниматься. И так – ежедневно, как на работу, до 31-го августа включительно, я ездила в институтскую библиотеку и подготовилась к экзамену, успешно его сдала и стала студенткой II-го курса. До сих пор, я с большим теплом и благодарностью вспоминаю нашего декана факультета – Аду Фальковну Ленкову, которая не позволила мне уйти и дала хороший совет. Забегая вперед, скажу, что, вместо 1943 г., я окончила институт в 1953 г., потеряв 8 лет; да плюс к этому лишний год на II-ом курсе, да плюс еще V-й курс (до войны в нашем институте было 4-годичное обучение), который прибавили как раз нашему выпуску.

В 1949 году занятия в институте, как обычно, начинались с 1-го сентября, а 6-го сентября я уехала в Тбилиси, где проводилось первенство Союза. Уже с самого начала, в связи с дождливой погодой, были нарушения и передвижки в расписании. Мне, например, после первых шести дней относительного «отдыха» (2 легкие победы, 3 дня сплошного дождя и день проигрыша, - не успев устать – Белоненко), пришлось в последующие 2 дня сыграть 23 (!) сета. На седьмой день – одиночка (2 сета), пара (3 сета) и два микста по 3 сета (6 сетов) - итого: 11 сетов. Принимая

Нарком просвещения А.С.Бубнов., который посадил меня рядом с собой. С другой стороны сел Косырев. Они расспрашивали меня о ленинградском теннисе, о тренерах, об учебе. Я все время была в ужасном напряжении, боясь «ляпнуть» что-нибудь не то. К счастью, вскоре игра на первом корте кончилась, все стали расходиться. А кто с кем играл – не помню, - было не до игры! Мне пожелали во всем успехов и отпустили. Я же помчалась на Главный почтамт, звонить домой родителям. Как горько было сознавать, что я уже не могла поделиться своей радостью с моим любимым Дидусей. По окончании соревнований был, как всегда, парад закрытия. Победителей наградили нагрудными медалями, но не на лентах, как теперь. Чемпионами СССР стали Н.Теплякова и Б.Новиков, 2-е места - у Г.Коровиной и у Э.Негребецкого; в паре Е.Кудрявцев-Э.Негребецкий, 2-е место у Б.Новикова-П.Чистова. В женском парном – Т.Налимова-К.Сидоренко, 2-е – 3.Клочкова-Э.Тис, а в миксте Т.Налимова-Е.Кудрявцев, 2-е у Клочковой-Мультино. Когда награждали меня, я от волнения дрожала мелкой дрожью – смогла же все-таки! Получила медаль, как у взрослых, причем с изображением теннисиста. Наверное, с теннисистками все уже были розданы. Спросить, выяснить - тогда не сообразила. Не столь важно: не все же знали, что на медалях были разные изображения. Оказывается, кроме медалей полагались «ценные» призы. Меня спросили, что мне больше хочется получить: велосипед или радиоприемник. По этому поводу я звонила домой, чтобы посоветоваться с родителями, и все решили, что лучше велосипед. Через некоторое время (наверное, в октябре, так как я уже вернулась от Бабуся), мы с папой пешком вели его со станции Ленинград-Товарная через весь город. Ехать на нём было нельзя – тогда полагалось велосипеды регистрировать и получать на них номер. Велосипед нам очень пригодился, когда заболел папа, и ему нужно было ехать в санаторий. Я была счастлива, что «на свои собственные заработанные» могла папе помочь.

После окончания первенства СССР были показательные игры с участием А.Кошэ: он играл в паре с А.Вельцем против Кудрявцева-Негребецкого. Игра прошла очень интересно. Прекрасно играл Вельц – у него была отменная реакция. Кошэ не раз выражал ему

свое одобрение, похлопывая рукой по струнам ракетки и громко произнося своё: - «Bien joue!».

Посмотрев все показательные игры, я, довольная и счастливая, поехала к Бабусе. Провожали меня на вокзал Галина Сергеевна Коровина и Дагмара Владимировна Иолко – самой мне было чемодан с «доспехами» и огромную коробку с продуктовыми вкусностями, которые я везла Бабусе и тетушкам, купив их на сэкономленные деньги, не дотащить. Дело в том, что, когда мы были на сборе у Кошэ, нас не кормили, как обычно, в какой-нибудь столовой по талончикам, а выдавали на руки командировочные, по 30 руб. в сутки. В то время это были большие деньги. Мы себе ни в чем не отказывали, к примеру: - после тренировок все приезжие шли обедать, как правило, в ресторан гостиницы ЦДКА, большая веранда которого выходила в парк, тоже очень большой. Не помню, как другие, но мы с Марой, обычно, заказывали и первое, и второе и третье (компот или мороженое). После обеда ехали в гостиницу на Б. Дмитровскую ул., рядом со Столешниковым переулком. По пути, на Кузнецком мосту, заходили в магазин «Плодоовощ», где покупали килограмм абрикосов на двоих. Очень хорошо помню, что килограмм стоил 4 руб. В гостинице мы обязательно ложились и все абрикосы съедали. И делали мы это ежедневно. Полежав с часок (причем мы никогда не спали, а просто лежали и болтали на любые темы), мы вставали и шли гулять по Москве. Иногда ехали в метро до какой-нибудь станции, выходили наверх и обзревали округу. Бывали в музеях и на выставках, вечером – несколько раз в театре. Возвращаясь часам к 9-ти в гостиницу, мы обязательно заходили в огромный гастроном в здании гостиницы «Москва». Там мы ежедневно покупали 100 граммов черной паюсной икры и сливочного масла и 4 французских булочки. Придя в гостиницу, наслаждались: булочки разрезали вдоль, густо намазывали маслом и икрой, и запивали горячим,

Мара Десфонтейнес.
1947

меня закончилось; в парном с Цаунэ и миксте с П.Майданским мы заняли 3-и призовые места.

Затем, уже в Ленинграде, мы играли блиц-турнир открытия сезона, командное первенство города, Кубок города, но об этих играх в памяти почти ничего не сохранилось, кроме того, что в летнем первенстве Ленинграда, выиграв у Клочковой и Ярицыной и проиграв Налимовой, я заняла 3-е место, а в паре с Ягуновой и в миксте с Мищенко - 2-е места. 25-26 июля в Ленинграде был проведен матч Москва-Ленинград. Мне пришлось играть с Кондратьевой, и я проиграла 4:6, 9:7, 1:6. В паре нас с Кирсиком, «для верности», разъединили: она играла с Налимовой, и они выиграли, только я не помню, у кого. Меня «придали» Коровиной, и мы в двух сетах выиграли у Белоненко-Борисовой. Микст с Мищенко мы, в трех сетах и в большой борьбе, проиграли Чувыриной-Корбуту. Я чувствовала себя очень неловко, что дважды подвела команду. Матч выиграли москвичи со счетом 13:8. Меня утешало только одно: даже если бы не было моих двух проигрышных очков, счет все равно был бы в пользу москвичей 11:10. На очередных соревнованиях на Кубок СССР, который завоевали мужчины московского «Спартака» и женщины ленинградского «Динамо», мне пришлось встречаться с Кобышевой и Аминовой из Ташкента; с Л.Закс и Т.Бакрадзе (Тбилиси), З.Булкиной и Савицкой (Киев). Все эти встречи я выиграла. Сезон 1949г. был для меня очень успешным – я была в хорошей форме. На турнире «10-ти сильнейших» мне посчастливилось занять 5-е место, обыграв москвичек Грингаут, Емельянову, Борисову, Нифонтову и Кондратьеву. Проиграла же Налимовой, Белоненко, Коровиной и Лео. Почему-то не принимала участия Калмыкова.

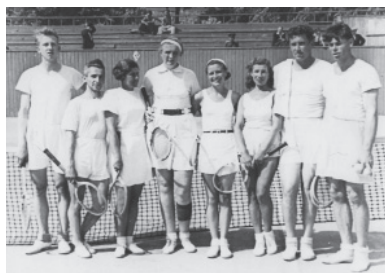

Борьба за 5-е место в «10-ке» 1949 г. 1949 г.

Благодаря моим прошлогодним успехам, я, как игрок «десятки», стала получать от Всесоюзного комитета по делам физкультуры

Кондратьеву и проиграв в финале Белоненко, я заняла 2-е место. Играя в паре с Кондратьевой, – тоже 2-е место, проиграв в финале Белоненко-Филипповой в 3-х сетах. А в миксте мы с Негребецким заняли 1-е место, обыграв в финале Кондратьеву-Корбута. Были очередные призы, что было очень приятно. Осенью в Ленинграде было проведено два турнира, посвященных 30-летию ВЛКСМ и 31-й годовщине Октябрьской революции, результатов которых не помню. Для меня сезон 1948 г. стал знаменательным: я попала на 6-е место в «10-ку» сильнейших теннисисток страны и в феврале 1949 г. мне было присвоено звание Мастера спорта СССР. В то время это звание не давали сразу за высокие спортивные достижения, нужно было обязательно вести общественную работу по спорту (к счастью, я тогда какое-то время состояла членом городской теннисной секции); кроме того, на представленных к званию требовалась положительная («морально устойчив», «пользуется авторитетом в (спортивном) коллективе», «в быту скромн» и т.п.) характеристика от спортивного общества, с круглой печатью.

В 1949 г. тоже было обилие всевозможных теннисных баталий: началось, уже по традиции, с зимнего первенства Эстонии, где в одиночном я опять заняла 2-е место, проиграв на этот раз в финале Коровиной. В паре с Коровиной заняли 1-е место, а в смешанном с Мищенко – 2-е, проиграв в финале Коровиной-Э.Крее. Опять получили прелестные хрустальные вазочки. В зимнем первенстве Ленинграда я заняла 1-е место, – правда, Коровина и Налимова почему-то не принимали участия в соревнованиях. На зимнем первенстве страны я обыграла Н.Байрачную (Харьков) и кумира моего детства Александрову, причем относительно легко: 6:3, 6:2. Елена Дмитриевна, первая, поздравила меня с победой, похвалила и вспомнила, как я в детстве имитировала ее походку и манеру игры. Потом я «вылетела» от Коровиной, и на этом первенстве в одиночке для

Команда «Динамо», занявшая 1-ое место в Ленинграде в 1949 году:
 А.Лукирский, Ю.Шнейдер, Г.Коровина,
 Г.Налимова, Н.Ветовникова,
 М.Катианцова, Э.Негребецкий,
 Л.Мищенко

сладким чаем с лимоном, который нам приносили из ресторана. На завтрак следующего дня было то же самое. Икра стоила 90 руб. килограмм, масло, кажется 3 с чем-то за кг., сколько стоили булочки – не помню. В среднем, мы тратили в день 22-24 руб., а иногда и меньше, так как 2-3 раза в неделю мы обедали не в ресторане, а в молочной столовой, где суп молочный с лапшой и блинчики с чем-либо, естественно, обходились намного дешевле ресторанного обеда. Нам с Марой очень нравилась молочная еда, и мы это делали вовсе не ради экономии. В результате у нас осталось по кругленькой сумме, на которую Мара купила себе роскошные по тем временам уличные туфли на каучуковой подошве, что было к тому же еще и модно! Туфли стоили около 400 руб., но я себе такого удовольствия не позволила (а как хотелось!) – не с пустыми же руками мне ехать к Бабусе? Правда, я все-таки купила себе маленькую, из настоящей кожи, удобную сумочку, на что потратила всего около 40-ка рублей. На остальные деньги я привезла Бабусе и тетушкам целый килограмм очень вкусных тогда конфет «Мишка на севере» (40руб.), полкило паюсной икры, варенья разных сортов, которые продавались не в банках, а в высоких граненых стаканах (один из них сохранился у меня); несколько банок сгущенного молока, кураги, изюму, чернослива, а для дяди несколько коробок хороших папирос. Короче говоря, всего того, чего они никогда не смогли бы купить на их более чем скромные ресурсы. Как же радовались Бабуся и тетушки, увидев все это, – я даже и представить себе не могла. У Бабуси я провела, как водится, весь сентябрь, отдыхая «после трудов праведных». Старалась побольше помогать по хозяйству. Одной из моих добровольных обязанностей было ставить самовар на маленьких чурочках или на шишках. Сначала на это действо уходило много времени – почти полчаса, но потом я установила рекорд: самовар закипал на 11-12-й минуте. Вернулась в Ленинград к октябрю, надо было, как всегда, упорно наверстывать пропущенное. Это был уже 9-й класс, необходимо было стараться. Учиться стало как-то легче, чем в прошлые годы. По-прежнему много времени отдавала теннису, много ходила в театры, филармонию.

В 1938 г., в весенние каникулы проводилось зимнее первенство

города. Я его выиграла. В летнем, также, как и в прошлом, 1937 г., я не участвовала, так как опять была в Москве, на сборе Кошэ. От нас было опять трое, но вместо Мары и Вали участвовали на этот раз Дима Смирнов и Сережа Винтергальтер. Кормили в этот раз по талончикам в ресторане стадиона. Жили мы не в гостинице, а в общежитии стадиона «Динамо» под футбольными трибунами. Почему-то в одной комнате со мной была тогда конькобежка - горьковчанка Марианна Валовова, она была в Москве тоже на сборе, а потом и на соревнованиях по велосипеду. Говорили, что она очень талантлива и перспективна. Ей было тогда года 22-24, не больше. Марианна была очень коммуникабельной, весёлой и остроумной девушкой. В свободное время я именно с ней гуляла по Москве. Однажды были в мавзолее В.И.Ленина, отстояв длинную очередь, чтобы туда попасть. Через несколько лет прочитала в «Советском спорте», что Марианна умерла. Мне было ее очень жаль.

Прошлогодний сбор запечатлелся в моей памяти очень подробно, а этот, второй? Помню очень мало и выборочно. Помню, что ездила, как всегда, на Главный почтамт звонить по телефону домой, писала письма Бабусе и школьным друзьям, получала от них. А сами занятия на кортах улетучились из памяти, за исключением отдельных эпизодов. К 1-у августа сбор закончился, всех отправили домой, так как первенства СССР среди детей в 1938 г. не разыгрывалось. Я, конечно, поехала к Бабусе, но этот раз я провела у нее весь август и вернулась домой к 1-у сентября. Мы уже учились в 10-м классе, надо было готовиться к окончанию школы.

Чемпионами СССР в 1938 г. году стали Новиков и Теплякова, в парных - Кудрявцев-Негребецкий и Клочкова-Коровина, в миксте - Клочкова-Негребецкий. В августе в Москве и в Ленинграде были встречи с чехами, о последних мне очень подробно писала мама в Воронеж.

Начался последний школьный год. Всё как обычно: после уроков в школе прибегала домой, обедала и ложилась часа на полтора поспать. Потом мчалась в манеж на тренировку: два раза в неделю в Дом мастеров тенниса, два раза в динамовский манеж.

*Во время финала первенства ЦС «Динамо» 1948 года.
Н.Ветвишникова, Л.Мищенко*

участвовала только в личном зачете. В случае моего выигрыша мои 2 очка не доставались никому, а ее плюс 1 очко было лучше минус 1 очка. Я понимала, что ей хотелось поскорее уйти с площадки, но не выигрывать же у Налимовой с нулями! В общем, счет получился 6:2, 6:2, и, увы, никакого удовлетворения от победы. А победителями Спартакиады стали Негребецкий и Коровина, в парах - Кудрявцев-Негребецкий и Коровина-Налимова а в миксте - Налимова-Негребецкий. Мы с Мищенко играли с ними в финале и заняли 2-е место. В одиночном я заняла 4-е место. В паре с Киной мы выиграли у Е.Чуввыриной-Кондратьевой со счётом 7:5, 8:10, 6:2, но проиграли в полуфинале Лео-Грингаут 6:2, 4:6, 8:10. Причем в этом проигрыше виновата я. У нас был матчбол, Кира сыграла очень неудобно для Грингаут, которая еле-еле вытащила мяч и подкинула мне свечкой под смэш. Мне надо было бить по центру площадки (мысль такая мелькнула), и всё было бы в порядке, а я вдруг решила спустить его к самой сеточке. И, если бы он получился, ни Лео, ни Грингаут до него бы дойти не смогли. Но я своими руками спустила его в сетку. Затем мы долго боролись, но всё как-то складывалось не в нашу пользу. Корю себя до сих пор и часто прошу прощения у Киры. 3-е место почему-то не разыгрывалось. После динамовских соревнований было первенство СССР, на котором я обыграла Л.Горину (Преображенскую), ленинградец Мейер и Цаунэ и проиграла Лео и Кондратьевой. Чемпионами страны стали: Новиков и Белоненко, в парах: Зикмунд-Озеров и Белоненко-Калмыкова, в миксте – Коровина-Алас. В сентябре нас опять пригласили на открытое первенство Эстонии. Там, обыграв

достижение – 5-е место в одиночном. Выиграла у М.Емельяновой 6:1, 6:1, причем в начале второго сэта в моей ракетке лопнула средняя продольная струна, и я после каждого удара ее подтягивала. После встречи Нина Сергеевна Теплякова, поздравляя меня с выигрышем сказала: «Теперь никогда не буду верить тому, кто скажет, что проиграл из-за лопнувшей струны» (это было сказано более 60 лет тому назад, а помнится до сих пор). Затем я выиграла у Ключковой 3:6, 6:0, 6:2 и у А.Ф.Гориной :6:3, 6:4. Однако проиграла К.Борисовой 7:5, 3:6, 4:6 и Белоненко 6 8, 2:6. Микст мы играли с Мищенко, но кому проиграли – не помню.

В начале июля женская и мужская команды ленинградского «Динамо» отправились в Таллинн, на зональные соревнования на Кубок СССР, где и женщины и мужчины играли в полуфиналах с эстонцами. Женская команда выиграла, мужская проиграла. Финалы разыгрывались позднее – в Ленинграде: у женщин Кубок завоевала команда Ленинградского «Динамо», в составе: Коровина, Налимова, Ветошникова и Ягунова, а победителями у мужчин – команда московского «Спартака», в составе: Озеров, Андреев, Зикмунд и Корчагин.

24-25 июля в Москве проходил матч Москва-Ленинград, который мы, к сожалению, проиграли одним очком: 10:11. Обидно, конечно, но я довольна, что не подкачала и выиграла у Нифонтовой 6:3, 6:2, а в паре с Ключковой (могла ли я когда-то мечтать, что не только буду участвовать в матчах Москва-Ленинград, но и играть в паре с тетей Зикой) мы обыграли Лео-Кондратьеву 6:4, 6:1.

В августе 1948 г., тоже в Москве, состоялась XXV-я Юбилейная спартакиада общества «Динамо». Соревнования были лично-командные. Во время спартакиады у Налимовой разыгрался радикулит. Как ни старались врачи, ничего не помогало: ни тепло, ни массаж. Но она героически вышла на площадку играть со мной. Мне было очень неудобно играть против нее, потому что она почти не двигалась, и я знала об её состоянии. Но, с другой стороны, ей, по условиям этих соревнований, было выгоднее проиграть мне, чем получить отказ – за выигрыш присуждали плюс 2 очка, за проигрыш – плюс 1 очко, а за отказ - минус 1 очко. В смысле очков я ей не была конкуренткой, так как в команду не входила и

Возвращалась домой часов в 9-10 и садилась за уроки. Уроков было очень много, иногда приходилось ложиться спать далеко за полночь. К концу года произошло радостное событие: - Бабуся и тётки вернулись в Ленинград – мама, после дидусиной смерти усердно и долго хлопотала, и ей удалось добиться их возвращения. Дядя уехал работать на север, а они поселились у нас, и мы стали жить все вместе в одной (правда, 40-метровой) комнате: Бабуся, три маминых сестры и нас четверо, всего 8 человек. И ведь никто тогда никому не мешал. И у взрослых бывали друзья, и к нам часто забегали девчонки и мальчишки, у Муси своя компания, у меня – своя. Бабуся всегда принимала участие в наших посиделках, абсолютно никому не мешая. А мы старались не мешать взрослым. Всё было по-доброму: интересно и весело. Дом был гостеприимным и, по возможности, хлебосольным. Бабуся наша, Мавра Аггеевна Калугина, была уникальным человеком: окончив всего 4 класса сиротского приюта в городе Сумы, она умела прекрасно шить, вязать и вышивать. Кроме того, она была очень грамотным человеком и прекрасно знала русскую литературу, а также отечественную и всеобщую историю. Когда нам в школе задавали выучить что-нибудь наизусть, то мы, приходя домой, говорили Бабусе, что нам надо выучить то-то и то-то. И она всегда говорила: - «Слушай!» - оказывалось, она всё знала наизусть. Так распорядилась жизнь, что, после окончания приюта, мою будущую бабушку и ее подружку – обе очень хорошо учились – взяла к себе в дом Мария Николаевна Калугина - одна из попечительниц приюта, у которой недалеко от города Сум было небольшое, скромное, доставшееся от родителей имение. Обeim девочкам было по 14-15 лет, и они обе работали по дому. Через некоторое время, в одну из девушек влюбился сын хозяйки дома, но мать не разрешала ему жениться на ней, и они ждали друг друга целых 16 лет, пока, наконец, разрешение не последовало. Они поженились, когда ей было уже 32, а ему 31 год. И у них было семеро детей, старшая из них – моя мама. Мои Дидуся и Бабуся были удивительной парой, до конца дней любящей друг друга. Я никогда не слышала, чтобы они когда-нибудь повысили голос друг на друга или вообще на кого-нибудь. Когда я родилась, я стала 13-м членом семьи (Дидуся,

Бабуся, Дидусин брат, Бабусина подружка еще со времен приюта, ставшая тоже полноправным членом семейства, моя мама, четыре маминих сестры и два брата, и, наконец, мой папа, - 12-й, - и я). Вокруг меня «плясали» 12 взрослых, и они не сделали меня ни капризулей, ни эгоисткой, ни потребительницей. Думаю, потому что в доме царила атмосфера такой любви, доброты, дружбы и благожелательности - не только к своим, но и к окружающим, - что всего этого мне хватает до сих пор. Это помогало мне и помогает в течение всей моей долгой жизни. И это до сих пор дает мне силы противостоять «всем жизненным ветрам». Я считаю себя очень счастливым человеком, получившим такое богатое духовное наследство, с каким не могут сравниться никакие материальные блага.

В последние для нас зимние каникулы в школе был устроен костюмированный бал. Две мои подруги и я нарядились в костюмы, сшитые Бабусиными руками еще для моей мамы, когда она была девочкой. Одна подружка надела грузинский костюм, другая – японский, а я – украинский - ведь моя бабушка была хохлушкой, и я не могла дать этот костюм никому.

Зимой, в манеже Дома мастеров тенниса, играя на первенство Ленинграда, я понимала, что в этом году это мое последнее соревнование «по детям», так как из-за выпускных в школе и вступительных экзаменов в Вуз, больше мне, увы, уже не придется в них участвовать. Поэтому я очень старалась, чтобы не проиграть. Я собиралась поступать в Институт коммунального строительства, так назывался раньше Государственный архитектурно-строительный университет. В начале 30-х годов его окончили оба маминих брата. Я прилично рисовала, хорошо чертила и готовилась к этому с 5-го класса. И вот уже весной, перед самыми выпускными экзаменами, моя ближайшая подружка, Анечка Зонова, мой близкий друг до конца её жизни, однажды говорит: - «Знаешь, пойдём вместе в Институт иностранных языков, а то мне одной будет скучно туда ездить» (институт находился рядом со Смольным, а мы жили на Большом пр. Петроградской стороны, который тогда назывался пр. Карла Либкнехта). Я посмеялась над ее предложением, а вечером, сидя со всеми своими за столом

*Перед финалом Открытого зимнего первенства Эстонии в 1948 г.
О.Алас, Н.Белоненко, Н.Ветошникова,
Л.Мищенко*

против Аласа, пригласившего одну из лучших теннисисток Москвы Н.Белоненко – финалистку первенства СССР в 1940, 1944-46 гг., а также в зимнем первенстве на закрытых площадках 1947 г. (а в будущем 1949, 1951, 1954 гг.; и чемпионку СССР в одиночном разряде 1948-50 гг.). В душе я была горда тем, что Алас пригласил сперва

меня, а уж потом Белоненко. Этот финал остался памятным на всю жизнь – как будто мы играли его вчера. Играли очень хорошо и выиграли относительно легко, со счетом 6:2, 6:3 и стали чемпионами Эстонии. В паре я играла с эстонкой Б.Керман, мы в финале проиграли Белоненко и И.Леллеп (чемпионка Эстонии), а в одиночном я проиграла Белоненко, тоже в финале 3:6, 3:6. Когда мне показали стол, заставленный призами – хрустальными вазами, одна – небольшая – мне очень понравилась, и я подумала про себя: если бы мне полагались вообще все, я согласилась бы поменять их на одну эту. И надо же: эта вазочка оказалась призом за 1-е место в миксте и досталась мне. Все бы желания так исполнялись. А я ещё получила две, тоже симпатичные, вазочки и увезла домой полный набор призов, - за 1-е, 2-е и 3-е места! Вот что значит случай в жизни человека! Таким экспромтом начался наш с Мищенко теннисный дуэт, который длился несколько лет и оказался, в общем-то, довольно успешным. После окончания соревнований Ида Леллеп пригласила всех участников к себе домой на банкет. Все было очень вкусно и изысканно. Было много приятных тостов, в том числе приятных и для меня. Сезон начался очень хорошо.

В марте 1948 г. проводилось зимнее первенство города. Абсолютной чемпионкой стала Коровина, выигравшая три первых места: в одиночном, парном с Налимовой и микст с П.Майданским. Затем в Москве – зимнее первенство Союза. Победителями его стали: Негребецкий и Белоненко, в парных – Корбут-Негребецкий и Коровина-Налимова, а в миксте – Налимова-Негребецкий. Мое

к тому, что они не ведут обязательного дневника тренировок, и не разрешил им ехать в Таллинн – наказал наших чемпионов. Почему же не съездить на несколько дней в Таллинн? Мне летом там понравилось, захотелось посмотреть на город и зимой. Я согласилась. Тогда Мищенко предложил мне еще сыграть там с ним микст. Я согласилась и на это. Правда, Мищенко совсем не микстёр, но ведь от нас, кроме него, никого из мужчин не будет. На следующий день, вечером, на вокзале видим группу москвичей – едем все вместе в одном вагоне. Подходит ко мне Женя Корбут и предлагает играть с ним микст. Благодарю, но отказываюсь: - «Спасибо, Женя, за приглашение, но я, к сожалению, не могу.

Уникальная фотография:
Т.Налимова и О.Алас - чемпионы СССР в миксте 1946 года.

Пообещала Лёне Мищенко, неудобно». Женя непритворно огорчается (а я как огорчаюсь – ведь Корбут очень хороший парный игрок): - «Жаль», говорит, - «Но, что делать, действительно, неудобно». Утром, в Таллинне, нас встречают эстонцы. Приветствия, разговоры. Подходит Алас, берет меня под руку и отводит в сторону: - «Давай микст сыграем!» Отвечаю, - «Отто, спасибо большое, но я уже пообещала Мищенко, не могу. «Ах, как шаль, как шаль» - говорит он с эстонским акцентом. А мне-то как жаль! Ведь именно Алас лучший микстёр в Союзе, в 1945-46 гг. он чемпион СССР в миксте с Налимовой. Видимо, в их паре назревал кризис, так как летом 1948 г. он станет играть с Коровиной. Можно представить себе мое огорчение! Не судьба, что делать! Другая бы на моем месте, может быть, легко смогла бы предпочесть сперва Корбута, потом Аласа. Но я полагаю, что, если пообещала, отказываться нельзя. Самое интересное произошло позднее: в первом круге мы с Мищенко обыграли местную пару – А.Иванову и Оргусаара со счетом 6:4, 6:2 и вышли в полуфинал, где встретились с Корбутом, который пригласил эстонку А.Утсо. Мы проиграли первый сет, но выиграли второй и, разыгравшись, и третий - 5:7, 6:2, 6:2. В финале мы играли

и делясь, как обычно, событиями прошедшего дня, просто пересказала наш с Анечкой разговор. На это папа сказал: - «Тебе жить, ты и решай». На этом вопрос был исчерпан. Уже лежа в постели, я вернулась к Аниным словам: с одной стороны, мечта, если не всей жизни, то все-таки, довольно, долгая; с другой стороны, дядюшки мои - инженер и архитектор - работают с утра до вечера, а у одного вообще ненормированный рабочий день, и он возвращается с работы не раньше 22-23 ч., а отпуск всего один месяц (может быть, в то время даже только две недели, не помню). Я задумалась: - «Когда же я буду играть в теннис и тренироваться? А окончив Институт иностранных языков и став преподавателем? Во-первых, занятия или уроки в школе – не каждый день. Кроме того, они кончаются в 15 ч. – значит, вечер свободен; во-вторых, свободное лето! И я, подумав про себя, что было бы, если б Анечка не сделала мне своего предложения, ужаснулась. На следующий день в школе, увидев Аню, сразу же подошла к ней и с ходу, не здороваясь: - «Анечка, я согласна! Поступаем вместе в Институт иностранных языков». Тут уж она возмутилась: «Как можно так вдруг менять свои решения?». Но я ее успокоила, объяснив все «за» и «против», и сказав, что без тенниса я жить не могу и т.д.

Благополучно разделившись со всеми школьными экзаменами, отметив окончание школы прекрасным банкетом, к которому наша учительница химии – Мария Михайловна Орлова сварила огромный жбан чудесного глинтвейна; нагулявшись всю ночь по нашему любимому городу и вернувшись домой уже часов в 10-11 утра, я улеглась и проспала весь день до вечера. Ничто не могло нарушить моего чудесного настроения. Даже то, что платье, специально заказанное к выпускному вечеру в знаменитом трикотажном ателье, которое в народе за высокие цены называли «смерть мужьям», к сроку готово не было, и маме пришлось за одну ночь перед вечеромшить своими руками симпатичное платьице из случайно оказавшегося дома кусочка клетчатой материи, мало подходящее к столь торжественному моменту. Но другой материи дома не было, а на покупку новой - не было денег. На следующий день мы с Анечкой отправились гулять на Каменный остров, по дороге обсуждая нашу теперь общую

проблему поступления в институт. У меня же была еще одна, моя собственная проблема: экзамены в институт начинались с 1-го и кончались 20-го августа (экзаменов было 10: сочинение, устная литература, письменная и устная математика, физика, химия, география, история и обществоведение, биология и иностранный язык), а первенство Ленинграда кончалось 5-го августа и 15-го начиналось первенство СССР. Хорошо еще, что оно в этом году проводилось в Ленинграде – просто «подарок судьбы», - иначе я не смогла бы в нём участвовать. Мы поехали в институт сдавать документы. На обратном пути решили, что до 1-го июля будем отдыхать, гулять, я – тренироваться, а Анечка в это время сидеть на трибуне и «дышать воздухом». Весь июль мы очень усердно готовились к экзаменам, а я еще, не менее усердно тренировалась.

Когда началось первенство Ленинграда, мне пошли навстречу и назначали последние две встречи играть вечером, так как утром в эти дни я сдавала экзамены. Сдав экзамен, я мчалась домой, обедала, спала часа полтора и ехала на корты Дитра, где проводилось первенство города. Первенство Ленинграда я выиграла, в финале чуть не проиграв Кире Ягуновой. Кира моложе меня на 4 года, но по игре ее допускали играть и по разряду старшего возраста. Но впереди было еще первенство Союза, и, ох, как хотелось его тоже выиграть!

Первенство Союза 1939 г. началось на наших динамовских площадках. Оно проходило при большом стечении публики: уже при выходе из трамвая, людей обступали и спрашивали, нет ли лишнего билета. Я сама мало смотрела соревнований, но помню финал Галины Коровиной с Н.С.Тепляковой, против точной и расчетливой игры которой Галина Сергеевна не могла ничего сделать и проиграла 4:6,4:6. Э.Негребецкий, хоть и проиграл в 5-ти сетах, тоже ничего не мог сделать против предельно внимательного и осторожного противника. Он напротив, много рисковал и

Стадион «Динамо» во время соревнований в 1936 г.

команда ленинградского «Динамо» отправилась в Тбилиси на первенство ЦС «Динамо». По пути заезжали на 3 дня в Баку, где предполагались показательные встречи с участием ленинградцев. Мы приехали в Баку к вечеру, была хорошая, теплая и солнечная погода, но страшный ветер. Тем не менее, все поехали посмотреть на корты, где должны были играть. Вернувшись в гостиницу, пораньше улеглись спать, а утром были разбужены проливным дождем, хлеставшим по нашим окнам. Но, так как нас кормили не в гостинице, а в одной, расположенной неподалёку, столовой, мы были вынуждены ходить туда под дождём. Естественно, сильно промокали, так как зонтиков мы, обычно, никогда с собой не брали. Поев, и очень вкусно, мы топали по огромным лужам обратно в гостиницу, где - что оставалось делать? - ложились и спали до обеда, вернувшись с которого, опять ложились. И так – три дня! Принимая во внимание то, что повар в столовой – молодой и уже довольно объемистый Артюша (мы все вспоминали его всегда при сравнении с множеством других, с которыми приходилось встречаться в дальнейшем) относился к нам как-то особенно по-дружески. Он старался приготовить нам еду повкуснее и, увы, очень калорийно: - «Вам надо кушать побольше и повкуснее. Вы же наголодались во время блокады, бедненькие». Хорошо, что мы были на попечении Артюши всего три дня, даже за которые успели «поднакопить» по 2-3 кг. Что бы было, если бы он нас кормил, скажем, месяц? За те три дня в Баку, дождик так и не переставал лить, как из ведра. Мы так, полусырые, и приехали в Тбилиси. На соревнованиях ленинградцы выступили успешно, заняв в командном зачете 1-е место среди динамовцев всего Союза. Я, как запасная, играла только против теннисисток Саратова – Э.Юнис и Г.Ивановой, которую я знала девочкой, со времен сбора А.Кошэ в 1938г. Обе игры я выиграла.

Зимний сезон 1948 г. начался у меня в январе. Однажды в Доме мастеров тенниса ко мне подошел Лёня Мищенко и предложил поехать в Таллинн на открытое зимнее первенство, добавив при этом, что должны были ехать Коровина, Налимова и Негребецкий, но Синючков (Государственный тренер по теннису), приехавший из Москвы инспектировать игроков сборной Союза, придрался

физподготовкой, техникой и тактикой игры. Мне пригодились навыки, ранее самой полученные на сборах у Кошэ и в Тбилиси. Играли, конечно, и со счетом одиночные, парные и смешанные встречи. После окончания сбора были проведены среднеазиатские зональные соревнования, на которые Главным судьей, по ее просьбе, была назначена моя мама, - ей тоже хотелось повидаться с сестрой. Заместителем Главного судьи приехал известный судья из Москвы Е.Козлов. Полуфинальные и финальные соревнования проводились в Москве, как всегда, на кортах ЦДКА. Приехав в Москву, я узнала, что в ленинградскую команду меня не включили, мотивируя тем, что я не тренирована. В общем, «наказали» за отъезд, хоть он и не был самовольным. Кубки завоевали опять женская команда Ленинграда, в составе Коровиной, Налимовой, Клочковой и Ярицыной, и мужская команда Москвы: - Озеров, Корбут, Новиков и Зикмунд.

Первенство Союза в 1947 г. проводилось в Ленинграде, причем по системе выявления всех мест. У меня оказалось 7-е. Для ленинградцев первенство окончилось чрезвычайно радостно: - чемпионом страны стал, победивший в финале Озерова, Негребецкий. У женщин – Калмыкова, выигравшая у Ант. Гориной; в парах – Озеров-Зикмунд и Коровина-Налимова; в миксте: Налимова-Негребецкий.

После первенства СССР эстонцы пригласили некоторых ленинградцев, в том числе и меня, а так же москвичей, к себе, в Таллинн – на открытое первенство Эстонии. Там я заняла 3-е место в одиночном и 2-е место в паре с Кондратьевой, за что получила не только грамоты, но и две очень симпатичные хрустальные вазочки. Микст мне предложил играть Вячеслав Константинович Мультино, «сам Мультино». Однако, те чувства, которые меня одолевали по этому поводу, мешали мне, и я делала очень много ошибок. Мне было страшно неудобно перед В.К., но он меня всё время подбадривал и хвалил, говоря, что дело не в промазке - это пройдет, если буду много тренироваться. Важно понимать, как надо играть микст, и это - самое главное. Совершенно забыла, кому мы проиграли. В Таллинне я слушала в Оперном театре оперу Ж.Бизе «Кармен», на эстонском языке. В сентябре

проигрывал за счет этого. В результате чемпионом стал Б.Новиков, выигравший со счетом 6:8, 6:1, 3:6, 6:3, 6:3. В мужской парной победителями стали Кудрявцев-Негребецкий, обыгравшие, неожиданно вышедшую в финал, молодую московскую пару – Евгения Корбута и Кирилла Шлее, очень перспективного игрока, которого вскоре репрессировали. В женской парной и в миксте финалы были ленинградскими: Налимова-Тис обыграли Клочкову-Коровину, а Налимова-Негребецкий – Клочкову-В.Лапина.

Когда начались соревнования по юношескому разряду, судьи, к счастью, и здесь пошли мне навстречу, и первые две игры назначали на 18 час. Повторилось то же: утром экзамен, потом обед дома, сон и галоп на стадион. И вот, наконец, экзамены все сданы, и игры в самом разгаре. В этот раз первенство разыгрывалось по всем 5-ти разрядам: два одиночных – по девушкам и юношам, соответственно, два парных и смешанный – микст. Парную играла с Верой Буланцовой (Дитр), микст с Сережей Винтергальтером (Буревестник). Мы с Сережей в этом году чемпионы Ленинграда – надо стараться. В одиночном я начала удачно: обыграла девочку из Тбилиси – Нонну Плотникову 6:1, 6:4. Во втором круге встречалась с Раей Щербиной, но в этот раз мне удалось ее обыграть легче, чем в 1937 г., - 6:2, 6:2. В полуфинале должна была играть с москвичкой Ниной Смирновой (впоследствии одной из сильнейших теннисисток Москвы - Сумароковой), но к назначенному часу она не явилась, и ей поставили отказ. В финале я встречалась тоже с москвичкой – Катей Рипп (после войны она играла под фамилией Ечеистова). Играли на 1-м корте, при большом количестве зрителей. Помню, что я настроилась очень воинственно, так как после успешной сдачи экзаменов в вуз, была на большом подъеме. Надо честно сказать, что Катя сама помогла мне выиграть, играла она неважно. Сережа Винтергальтер дошел до полуфинала и проиграл, кажется, Придворову – не уверена. Но не Озерову, который был в финале

*Сережа Винтергальтер.
1939 г.*

и стал победителем; он же стал победителем и в паре с Женей Перепёлкиным.

И вот мы играем финальный микст: Филиппова-Озеров против Ветошниковой-Винтергальтера. Играем на 2-й площадке. Рядом, на 1-й, финал мужской пары, на трибунах полно. Начав, мы первый сет проиграли, но второй выиграли. И надо же было, что как раз в этот момент закончилась встреча на 1-м корте. И, хоть публика не расходится, Главный судья соревнований, Павел Иванович Ломиковский, принимает решение: на 1-м корте проводить заключительную, торжественную часть соревнований – парад и награждение победителей, а нас, для завершения встречи, перевести на 3-й корт. С нами на 3-й корт пошли: наш судья, мои родители и Муся, Сережины мама и брат, Миша Шретер и еще человек 10-15 наших болельщиков. Я не помню даже, как складывался наш решающий третий сет. Я так была огорчена тем, что творилось на центральном корте без моего присутствия – награждение победителей: «Награждается такой-то, награждается такая-то». Эти слова разносятся по всему стадиону. И потом: «1-е место и звание чемпионки СССР в разряде девушек завоевала Наталья Ветошникова. Она награждается...». А у Ветошниковой, на 3-м корте, текут слезы и мешают ей как следует видеть мяч и площадку. Далее: «1-е место и звание чемпионки СССР в разряде девушек в паре завоевали Наталья Ветошникова и Вера Буланцова. Они награждаются...» А Ветошникову еще должны наградить, даже в случае проигрыша в финале, за 2-е место! Когда? Где? Как? Тут еще Коля Озеров умудрился задеть ракеткой нос своей партнерши – Веры Филипповой. Она играла, держа на носу, красный от крови, носовой платок. Мне стало ее очень жалко, и слезы у меня полились ручьем. Несмотря на то, что игра все-таки была упорной, 3-й, решающий сет мы проиграли. Мы бы и на 1-м корте могли запросто проиграть его, но у меня бы от этого настроение не испортилось - я же была в третьем финале! Это был бы совсем другой проигрыш. Уверена, что и Вере Филипповой и Коле Озерову было обидно выигрывать финал в такой обстановке. Когда я после встречи, вся зареванная, бежала в раздевалку, мне попала навстречу одна наша теннисистка. Она остановила меня,

играть против ЗэГэ, и я, к своему собственному удивлению, выиграла у нее сравнительно легко: 6:3, 6:3. Я была потрясена ее реакцией на проигрыш: - «Наконец-то ты меня обыграла. Ты себе не представляешь, какую радость испытывает учитель, когда ученик его побеждает». Я тогда от её слов чуть не разревелась, сама, естественно, испытывая чувство огромной радости от «такой» победы. Потом в зимних соревнованиях у меня были лишь проигрыши, дома - Налимовой, а на зимних соревнованиях на первенство Союза – Кондратьевой и Лео. Микст я опять играла с Чистовым, мы в первом же круге попали на Налимову-Негребецкого и проиграли 1:6, 2:6.

В конце зимы в Ленинград прислали заявку из Алма-Аты на тренерскую работу в июне, с целью подготовки команды к соревнованиям на Кубок СССР 1947 г. Ехать туда никто не захотел, а я согласилась. Тем более, что зимой в манеже многие из теннисистов, в том числе и я, занимались на краткосрочных тренерских курсах, организованных Институтом физкультуры им. П.Ф.Лесгафта, успешно их закончили и получили свидетельство об их окончании. Кроме того, мне очень хотелось повидаться с моей, самой любимой из маминых сестер, тетей Надей, которая с 1935 г. – после высылки из Ленинграда - жила вместе с мужем в Алма-Ате. Приехав туда, я, конечно, стала жить у них – в маленькой мазанке на краю города, в которой были две небольшие комнатухи и узенькая веранда, где дядя, театральный художник, писал эскизы к декорациям. Будучи в Алма-Ате я побывала в Театре оперы и балета им. Абая, где слушала оперы Д.Верди «Травиата» и Ш.Гуно «Фауст», а так же оперу композитора Е.Брусилковского «Кыз-Жибек» на казахском языке. Партию героини пела знаменитая в то время певица Куляш Байсеитова. Кроме опер я посмотрела балет П.И.Чайковского «Лебединое озеро». Эти спектакли были в декорациях моего дяди, в будущем Заслуженного деятеля искусств Казахской ССР, художника Всеволода Владимировича Теляковского.

В Алма-Ате, на кортах стадиона «Динамо» был организован месячный сбор лучших теннисистов Казахстана. Погода всё время была чудесной. Мы каждый день, с 9 до 15 час. занимались немного

он был бы в числе самых титулованных и доставлял бы своей игрой большое удовольствие зрителям. Он был и прекрасным парным игроком, но мне с ним было играть нелегко, он вносил в игру какую-то нервозность, суетливость, и это мне мешало. Я из-за этого держалась как-то скованно. Короче, мы «не спелись» и больше в миксте не играли. Первенство СССР, где я, как водится, в первом круге попала на ленинградку - Ярицыну, и затем проиграла А.Нифонтовой, для меня быстро закончилось. «Утешительный» тогда не разыгрывался, но были классификационные встречи: у К.Борисовой (М) - со счетом 5:7, 6:2, 6:4 и Мейер (Л) – 6:1, 0:6, 6:4 - я выиграла. Год был чрезвычайно насыщенным и окончился для меня 12-м местом во всесоюзной классификации. Когда мы возвращались домой, нам выдали билеты в купейный вагон – наконец-то едем с удобствами! Но, не тут-то было: вагон-то купейный, а билетов в купе 10 штук! Но и это было ещё не всё: кроме нас в это же купе получили билеты три гимнастки. На ночь распределились так: по двое в вагоне на каждой полке, девушки-гимнастки - все втроем - между полками, на положенных на полу чемоданах, а мы с Юрой Шнейдером, как самые маленькие по росту, в багажнике.

К осени я стала подумывать о том, что надо все-таки продолжить учебу в институте. Но уходить с работы и учиться днем я не могла. А если учиться на вечернем отделении, продолжая работать, не будет времени на тренировки. Получалась какая-то палка о двух концах. Так как в моем институте не было заочного отделения, то я приняла решение поступить на заочное отделение Педагогического института им. Покровского. Меня приняли на 3-й курс, я выполняла задания, в декабре посещала установочные лекции, но в январе, во время экзаменов, заболела каким-то неприятным видом гриппа, с очень длительной, высокой температурой. Пролежала больше двух недель, после чего еще недели две чувствовала себя не в своей тарелке. Короче говоря, сессия закончилась, одна сдавать экзамены я не пошла и опять перестала учиться. Так прошел 1946 год.

В конце января 1947 г. по какому-то поводу была проведена встреча между командами «Спартак» и «Динамо». Мне пришлось

«Ну что ты плачешь? Неужели тебе мало двух первых мест?» Как она не поняла, что я плачу не из-за 2-го, такого почетного, места на первенстве Союза. Кстати, и жетон, и грамоты, и три огромных букета цветов (конечно, из оранжереи Оскара Карловича!) мне вручил в раздевалке мой папа, которому передал всё это Главный судья - ему, наверное, это сделать было неудобно, а может быть и стыдно. Вот так закончилось, такое успешное для меня, первенство Союза 1939 г. И так была омрачена моя огромная радость от большого успеха. А заключительная часть этого первенства на всю жизнь осталась для меня самым неприятным эпизодом всей моей теннисной жизни. Зато после этого ни одной слезинки из-за тенниса у меня никто никогда не видел. А по большому счету 1939 г. был для меня очень счастливым: вернулась Бабуся, я успешно окончила школу, поступила в институт, выиграла первенство Союза. И только очень не хватало Дидуси, чтобы всем этим поделиться с ним.

С сентября началась студенческая жизнь. Всё было ново и очень интересно. Строились различные планы, заводились новые знакомства. Но всё это было омрачено войной с белофиннами. Жизнь изменилась: было введено обязательное затемнение в окнах, стали тёмными витрины магазинов, трамваи ходили с покрашенными синей краской фонариками. Было страшно: ведь мы так близки от финской границы, которая была тогда у Белоострова, по реке Сестре. Ежедневные сводки: много погибших и раненых. Плюс ко всему ещё очень сильные морозы. Однако жизнь в городе не замирала. Мы по-прежнему ездили в Дом мастеров тенниса, увлеченно тренировались и даже развлекались там по субботам, в комнате отдыха. К счастью, война длилась недолго: 13-го марта 1940 г. мы, с одной из моих тетушек, шли по Невскому в Театр комедии на нашумевшую тогда пьесу Д.Пристли «Опасный поворот». Погода была солнечная, и уже подтаивало. Вдруг мы услышали по радио об окончании войны. Когда ехали обратно, почти все витрины уже сияли огнями.

Как раз в марте проводилось зимнее первенство Ленинграда. Нас, Ярицыну, Ягунову и меня, а также Сережу Винтергальтера, Диму Смирнова и еще некоторых мальчиков включили в

соревнования по 2-му разряду. С большим трудом, но мне удалось выиграть первенство по 2-му разряду, причем моими противницами, кроме второразрядницы Ольги Цаунэ, были и Ярицына и Ягунова, с которой мы играли в финале. В то время по результатам соревнований на зимних площадках в высшие категории не переводили. В 1-й разряд меня перевели летом, после выигрыша первенства по 2-му разряду. Тогда я встречалась в финале с Ярицыной. И так, в 1940 г. исполнилась моя мечта еще с детских лет: я – перворазрядница. В августе еду в Москву на первенство Союза по 1-му разряду. Тогда очень многие молодые ленинградцы (некоторые и из 2-го разряда) были «допущены» к участию во Всесоюзных соревнованиях. Проиграв в 1-м круге, мы ходили гурьбой по Москве. Заводилой у нас был Женя Мусатов, которому тогда было года 22-24. Он небрежно вытаскивал из кармана свой «Билет участника Всесоюзных соревнований по теннису», показывал его контролеру, говорил: - «Я – участник, а эти со мной». Так мы побывали во многих местах, например, на Воробьевых горах, на ВДНХ, в саду «Эрмитаж», даже в ресторане «Метрополь» (в бобочках и теннисных туфлях). Мест не было. Официант, по-видимому, собирался нас «попросить», но к нам проникся симпатией толстячок-метрдетель, который, из-за нехватки мест в зале, посадил нас за большой овальный стол с табличкой «Для участников». Вот что значит интуиция! Удобно рассевшись, мы заказали по порции мороженого и графин клюквенного морса. На вторую порцию у нас не хватило финансов. Стали собирать друг у друга и набрали на полпорции на нос. На морс уже не хватило. Получив удовольствие и поблагодарив симпатичного метрдетеля, мы, благо близко, отправились на Красную площадь, слушать в полночь бой курантов на Спасской башне. Впечатление осталось потрясающее. Когда, наверное, уже после часу ночи, я тихонько-тихонько вошла в номер гостиницы, где жила вместе с Налимовой и Коровиной, я получила от последней замечание по поводу того, что ей завтра играть, а я не даю ей выспаться. Я, естественно, извинилась, быстренько улеглась, даже не помывшись. А в будущем, никогда больше не позволяла себе приходиться поздно, чтобы не доставлять кому-либо беспокойства.

Сборная Ленинграда, выигравшая кубок СССР в 1946 г.:
Т.Налимова, З.Ключкова, Г.Коровина,
Н.Ветошников

Кудрявцев, Мищенко и Лукирский. Кубок СССР у женщин выиграла ленинградка, у мужчин - москвичи: Озеров, Новиков, С.Белиц-Гейман, Корбут. Победителей, кроме грамот, наградили немецкими наручными часами, причем из 8 часов ходили только мои и еще у кого-то из мужчин, сейчас не помню уже, у кого. После Кубка

проводилось открытое первенство Ленинграда, в котором принял участие Коля Озеров. Он и стал чемпионом Ленинграда, обыграв в финале Негребецкого. У женщин чемпионкой стала Коровина. В парах: - Кудрявцев-Негребецкий и Коровина-Налимова. Микст выиграла Коровина-Негребецкий в финале у Ветошниковой-Озерова (Коля предложил мне микст играть с ним не только в Ленинграде, но и в открытом первенстве Москвы). Сразу же после первенства города я и уехала в Москву, где принимала участие в соревнованиях не только в миксте, но и одиночном разряде. В одиночке я сыграла только две встречи: обыграла Никитину и проиграла Н.Лео. А в миксте мы с Колей заняли 1-е место и стали чемпионами Москвы, обыграв в финале Е.Чувырину и Корбута. Коля Озеров был выдающимся теннисистом, как говорится, «от Бога». По-настоящему, на мой взгляд, (впрочем, как и все остальные в то время) не тренировался и выигрывал у своих соперников за счет своих прекрасных природных данных: потрясающей реакции, необыкновенного чувства мяча и умения ориентироваться на площадке. Несмотря на внешнюю неповоротливость, даже неуклюжесть, на корте он очень хорошо двигался, доставая, казалось бы, недоступные мячи. Если бы он играл сейчас, тренируясь по современным меркам, я уверена, что

Коля Озеров 1946 г.

ему благодарны, ведь в то время еще все продукты, в том числе и хлеб, были по карточкам. Уже в поезде, на своих местах на третьей полке, решив перед сном немного подкрепиться, мы сели, протянув ноги на противоположную полку, и стали делать бутерброды. С одного из них кусочек колбасы свалился вниз, на лысину какому-то пожилому дяде, и он, взяв колбасу рукой, протянул её нам наверх. Мы же, решив, что наша колбаса пропала безвозвратно, были потрясены его поступком и долго извинялись и благодарили. Потом мы, вместе с тем дядей, смеялись над нашим происшествием, а когда расставались, прощались с ним, как со старым знакомым.

Осенью радовались, что можем опять тренироваться в своем любимом Доме мастеров тенниса, на набережной Фонтанки.

Новый, 1946 год, встречали с огромными надеждами. Как и до войны, в манеже проходило зимнее первенство Ленинграда, затем в Москве было зимнее первенство СССР на закрытых площадках. Чемпионами стали: Б.Новиков, Н.Белоненко; в парах – З.Зикмунд-Озеров, в женской паре – Коровина-Налимова, в миксте – Калмыкова-Озеров. На этом первенстве по инициативе Нины Сергеевны Тепляковой я играла микст с москвичом П.Чистовым. Мы встречались и выиграли 6:2, 6:2 у Ант.Гориной-Б.Гольдинова, а потом с Клочковой-Негребецким, у которых выиграли первый сет 6:2 и даже вели 3:1 во втором сете. Тут Негребецкий разъярился, поставил Клочкову к сетке у самой судейской вышки и стал играть, практически, один против нас. Это его «спасло», и мы проиграли 4:6, 3:6. Весной, в Киеве проводилась встреча Ленинград-Украина. Ездили Кудрявцев, Негребецкий, Мищенко, Шнейдер Налимова, Коровина и я. Встречу выиграли ленинградцы. По возвращении домой, было разыграно первенство «Динамо». Я стала более свободной для тренировок, так как меня перевели работать в Оборонно-спортивный отдел. В июле в Ленинграде были проведены первые, после войны, соревнования на Кубок СССР - командные игры, отдельно для мужчин и женщин. В составе команды 4 чел. Встречи разыгрывались по принципу встреч на Кубок Дэвиса. В состав женской сборной города входили: Коровина, Налимова, Клочкова, Ветошникова. В состав мужской сборной: Негребецкий,

К счастью, Коровина на следующий день выиграла, а то бы я до настоящих дней испытывала угрызения совести. Сама я вылетела в 1-м круге от Тепляковой и была счастлива, что обошлось «без баранок» - 1:6, 1:6. Потом играла утешительный с Антониной Фердинандовной Гориной – мамой, еще тогда маленьких, Ляли и Шуры, имела во втором сете матчбол, но проиграла 6:3, 5:7, 4:6. Потом я играла так называемую классификационную встречу, причем думала, что это барьер мне для перехода в 1-й разряд и из кожи вон лезла, чтобы выиграть, что мне и удалось. Уже спустя много лет, я как-то разговорилась с москвичкой Ниной Лисициной и узнала, что эта встреча была для неё, и я тогда «не пустила» её в 1-й разряд. А чемпионами СССР стали в 1940 г. Ю.Гейда из Львова и Г.Коровина; в парных – Кудрявцев-Негребецкий и Клочкова-Коровина. А в миксте – Т.Махмуд-Бек (потом игравшая под фамилией Шершова) и Озеров.

Не могу не вспомнить и не отметить активных деятелей тенниса Ленинграда в 20-30 годы, деятельно участвовавших в работе разных секторов теннисной секции: Алексей Павлович Григорьев (предс. классиф. комиссии); Евгений Евгеньевич Иванов (секр.); Евгений Евгеньевич Детлов (предс., спорт., судейск.); - являлся голкипером 2-й сборной футбольной команды ещё Петрограда); Александр Алексеевич Чагин (секр., судейск.); Евгений Иосифович Крживинский (предс., член Всесоюзной коллегии судей); Павел Иванович Ломиковский (предс.), Михаил Людвигович Шретер (классиф., детск., спорт., судейск.); Сергей Алексеевич Ягунов (предс. детск. сектора); Мария Николаевна Ветошникова (секр. детск., чл. Судейск. Колл.), Яков Михайлович Дедов (культ-масс.) – неутомимый труженик на ниве тенниса, собравший огромный архив с самого начала развития тенниса в нашем городе. Увы, Я.М. погиб во время блокады, и весь архив его пропал. В 40-50 гг. продолжили работать: А.П.Григорьев (суд., классиф.), М.Н.Ветошникова (секр. детск., чл. Суд. колл.), М.Л.Шретер (детск., спорт., судейск.), П.И.Ломиковский (орг-масс.). Затем влились новые силы: Борис Николаевич Андреев (предс., судейск.), Борис Вячеславович Чечулин (предс.), Иван Ефимович Иванов (детск., зам. предс.), Мария Петровна Ходасевич

(спорт.) и многие другие.

Судьями на вышке в 20-30 гг. хорошо запомнились: Леонид Александрович Крупицкий, Изяслав Абрамович Гороход и, особенно, Леонид Михайлович Немёнов. Как сейчас слышу неподражаемые интонации его красивого баритона, приобретающие, в зависимости от ситуации на корте, разные оттенки. В то время никто не знал, что на судейской вышке сидит не только веселый и компанейский балагур, душа компании, но и будущий крупный физик, академик АН Казахской ССР. Л.М. начинал свою деятельность зав. лаборатории Ленинградского физико-технического института, работал в Институте ядерной физики Казахской ССР. С 1968 г. являлся научным руководителем Ускорительного центра Всесоюзного института физико-технических и радио-технических измерений, занимался физикой диэлектриков и полупроводников, ядерной физикой, ускорительной техникой и был создателем первого в СССР прецизионного масс-спектрографа для измерения дефектов масс.

Осенью 1940 г. я училась уже на 2-м курсе. В институте мне очень нравилось, занималась с удовольствием. Вечерами тренировалась в Доме мастеров тенниса, ходила с родителями и друзьями в театры, с папой на концерты в филармонию, куда приобрели два абонементов на циклы «Симфонии П.И.Чайковского» и «Симфонии Л. ван Бетховена». На зимних каникулах ходили на лыжах и на каток. В 1941 г., на зимнем первенстве Ленинграда по 1-му разряду в 1-м круге я проиграла Э.Тис и выбыла из соревнований. В миксте с Винтергальтером мы проиграли Д. Иолко-П.Майданскому и тоже выбыли. Все надежды были на лето. Еще шли весенние экзамены в институте, когда летний сезон начался матчем Ленинград-Украина, который должен был состояться в субботу-воскресенье 21-22 июня. В субботу игры начинались во второй половине дня. Честно говоря, я совершенно не помню, кто с кем играл, хотя присутствовала на всех играх. Всё что случилось на следующий день совершенно отшибло память. В воскресенье утром мы встали рано, чтобы не опоздать на первые встречи, назначенные на 13 ч. Уже собираясь выходить из дома, мы услышали по радио сообщение о выступлении Наркома

пролетел как-то быстрее, и мы отправились домой. В этот раз я была «без коровы» - девочек уже не было в Тбилиси. Но чемодан мой был опять забит продуктами.

Оказавшись дома, сразу же приняли участие в командном первенстве Ленинграда – наша динамовская команда выиграла 1-е место. Потом было первенство «Динамо», личное первенство города. Чемпионами Ленинграда стали Кудрявцев и Коровина; мужскую пару выиграли Кудрявцев и совсем еще молодой Андрей Лукирский; женскую пару – Коровина и Налимова. Мы с Кирсиком («Кирс» – от «Киры» и первой буквы отчества «Сергеевна») играли в финале и были счастливы, что у нас 2-е место. Микст выиграли Коровина-Кудрявцев. В одиночном разряде я заняла 3-е место. Первенство ЦС «Динамо» хоть и проводилось у нас в Ленинграде, но я ничего не помню: ни кто с кем играл, ни чемпионов, кроме того, что я выиграла у Прасс (Эстония), у моей сестры Муси (Ветошиковой) и проиграла Калмыковой. А первенство Союза было в Москве, там я в первом круге проиграла Зое Мейльман (игравшей потом под фамилией Черятова), зато выиграла «утешительный», обыграв, последовательно: Пеебо (Эст.) 6:1, 6:0, Рипп (М) 6:1, 6:3, Кондратьеву 4:6, 6:4, 6:3 и Чувырину 6:4, 6:0. По результатам сезона меня поставили на 11-е место. В день отъезда из Москвы нам почему-то выдали талончики на ужин в столовую Дома Союзов. Когда мы туда пришли – Кира Ягунова, Андрюша Лукирский и я – там не было света. Осмотревшись, мы обнаружили, что на столе, за который мы сели, стоит тарелка с хлебом. Сначала мы решили, что это только для нас. Но потом, привыкнув к темноте, увидели, что тарелки с хлебом стоят и на пустых столах. Андрюша проявил инициативу и взял с другого стола тарелку с хлебом. Мы прекрасно поужинали, припася кое-что и на дорогу. Когда мы уходили, то какой-то мужчина принёс нам со своего стола ещё одну тарелку с хлебом. Мы были так

*Команда «Динамо», занявшая первое место в Ленинграде в 1945 году:
В.Левыкин, Т.Налимова, Н.Ветошикова,
Е.Кудрявцев, Г.Коровина*

результатам года я оказалась на 14-м месте и очень радовалась, что не где-то в хвосте. 27-го августа мы, ленинградцы, отправились на стадион «Динамо», чтобы поболеть за «Зенит», который вышел в финал Кубка СССР и встречался с командой ЦДКА. Мы стали очевидцами очень интересной и острой игры и были счастливы победой наших земляков. До сих пор вспоминается гол, забитый Сережей Сальниковым с чьей-то подачи – стоя спиной к воротам, через голову. Полный стадион ликовал так, как будто вокруг были только одни ленинградцы.

Зимой 1944-1945 гг. теннисисты стали своими руками восстанавливать наш манеж – Дом мастеров тенниса. Там располагался склад какой-то морской части, получивший другое помещение. А мы, вечерами, кто мог, после работы ездили туда, чтобы сначала разобрать и вынести стеллажи, потом привести в порядок помещения и площадку. Работали с энтузиазмом и допоздна. В зимнем сезоне 1945-46 гг. теннисисты уже тренировались в своем уютном манеже.

В апреле и мае 1945 г. в Тбилиси опять был проведен Всесоюзный сбор теннисистов. С точки зрения организации и тренировок, все проходило так же, как в прошлом, 1944 г. Но, в этот раз мы устраивали походы в театры: побывали в Театре оперы и балета им. З.Палиашвили - слушали оперы Д.Верди «Аида» и «Трубадур», смотрели балет П.И.Чайковского «Лебединое озеро». Кроме того, мы с Таней Налимовой были на двух спектакля в Русском драматическом театре им. А.С.Грибоедова. Помню, что смотрели две комедии, но, увы, не помню ни сюжета, ни названия. В Тбилиси нас застало долгожданное Великое событие - окончание войны. Что творилось в городе! Сплошное веселье, песни, танцы, крики «ура!», временами слышалась пальба из оружия – даже страшно было выходить на улицу. Все наши теннисисты, естественно, отметили вечером в общезитии это потрясающее событие. Ключкова, Налимова, Майданский и я, конечно, радовались и веселились вместе со всеми, но наша радость была омрачена тем, что в этот торжественный день нас не было в родном Ленинграде, что мы не были с нашими родными и близкими. На следующий день все тренировались с удесятенными силами. Остаток мая

иностранных дел СССР В.М.Молотова. То, что мы услышали, перевернуло вмиг всё. Никогда не забуду, как горько плакала Муся – ей тогда было неполных 16 лет. Она ведь тоже играла в теннис и мечтала летом стать чемпионкой Ленинграда по своему возрасту (тогда уже существовали три возрастных группы: младшая, средняя и старшая). Она как будто предчувствовала, какой ценой достанется победа над фашистами, как отразится война на судьбе нашей семьи, сколько потерь придется пережить. Но на стадион мы все-таки решили съездить, надо было взять ракетки и вещи из шкафчиков. Мы все четко понимали, что теннис откладывается до конца войны. Правда, в те дни, все были уверены, что война продлится не очень долго – месяца 3-4, ну полгода, не больше. Приехав на стадион, мы ощутили полное запустение. Украинцы уехали, спортсменов на площадках не было. В понедельник мы с Анечкой поехали в институт - надо было сдавать «Марксизм-ленинизм» - последний экзамен за 2-й курс. Экзамен успешно сдали и стали студентками 3-го курса. Но радость наша по поводу этого события была горькой. В институте сразу же был организован штаб, координирующий направление студентов на различные работы: сначала нас отправили в военкомат. Там нам поручили разносить мобилизационные повестки. Этим мы занимались трое суток, ложась спать ночью на 3-4 часа. Потом мы оборудовали огромные чердаки в здании института – носили песок, красили деревянные перекрытия огнеупорной краской, затем ездили на окопные работы, правда, недалеко – в районе территории современного Купчина. Потом, вспомнив, что мы все были расписаны по разным звеньям ПВХО (противо-воздушной и противо-химической обороны), нас с Анечкой направили в кабинет институтского врача, где мы дежурили сутки через сутки. Нашей обязанностью было сразу же после объявления воздушной тревоги, в течение минуты, надеть на себя ярко-жёлтый противохимический костюм, бахилы и перчатки и, выкатить на улицу грохочущую её железными колёсами тележку, на которой был прикреплен дегазационный ящик. Оставаться на улице следовало до отбоя воздушной тревоги. Когда было спокойно, то мы, сидя в кабинете врача, вели душевные разговоры, которые всегда кончались

стереотипной фразой, - «Когда кончится война...». И нам не было страшно, практически, одним, не считая вахтера, в пустом здании института. Хватало ещё юмора шутить: - «Мы не одни, нас трое!» (в соседней малюсенькой комнатке, где хранились всякие медицинские приборы, стоял скелет). Время шло, пользы мы никакой не приносили, и я решила устроиться на работу, Случайно узнала, что артель «Ленмехпром» набирает работниц для открывающегося нового цеха, в котором будут изготавливаться индивидуальные пакеты для противогазов. Хоть чем-то смогу помогать фронту. Цех размещался в складских помещениях 3-го этажа Гостиного двора, по Садовой линии, а основное, четырехэтажное здание артели, где до войны шили изделия из искусственного каракуля, а теперь – полушубки, шапки-ушанки и рукавицы для фронта, стояло в углу двора на стыке Невской и Перинной линий. В это здание 22 сентября попала бомба, «прошившая» его насквозь. Почти все, находившиеся в нем люди, погибли. Очень немногих, оставшихся в живых, вытаскивали из-под завалов еще несколько дней. Когда перестали функционировать трамваи, пришлось ходить на работу пешком, а жили мы, как я уже писала, на углу Большого пр. и ул.Ленина, на Петроградской. Иногда эти походы превращались в многочасовые, так как во время воздушных тревог ходить не разрешалось, надо было спускаться в ближайшее бомбоубежище. За выполнением этого приказа строго следили дежурные милиционеры и требовали его неукоснительного исполнения. А тревоги иногда следовали одна за другой. Бывало, добиралась до работы часа за три, а то и больше. Те, кого тревоги заставляли дома, тоже были обязаны спускаться в бомбоубежище. А мне ночью, после 12-часового рабочего дня, очень хотелось спать. Иногда я так крепко спала, что и не слышала, как по радио начинала выть сирена. Меня будили, я быстренько переодевалась и мчалась в подвал, в бомбоубежище. Там я садилась в уголок и сразу же засыпала, Как только давали «отбой», кто-нибудь из моих меня будил, и я, первая, неслась вверх, переодевалась и, засыпая на ходу, ложилась. Так продолжалось по несколько раз в ночь. Я вынуждена была устроиться на работу поближе к дому. Помог случай: я умела печатать на машинке, мне

время был одним из ведущих ленинградских шахматистов, и его фамилия была на слуху. В этом же 1944 г., образовалась наша пара – Ягунова-Ветошникова. В Москве, в августе 1944 г., на первенстве ЦС «Динамо» мы с Кирой поборолись с первой московской парой Н.Лео-Н.Грингаут, проиграв, по-моему- достойно: 4:6, 6:2, 8:10; а на первенстве СССР обыграли Г.Кондратьеву-В.Филиппову 7:5, 6:3 и опять проиграли Лео-Грингаут – 6:2, 3:6, 6:8. Конечно, мы посчитали это для себя огромным успехом. В одиночном, на первенстве ЦС «Динамо», в первом круге я попала на киевлянку О.Калмыкову, и у меня не хватило порохи, чтобы «сотворить сенсацию»: я проиграла 5:7, 6:2, 5:7 и, конечно, очень была довольна и этим своим успехом. В «утешительном» были: И.Бовт (М), М.Клдиашвили (Тб) и в финале Г.Кондратьева (М). Не собираюсь утверждать, что я бы у нее выиграла, если бы не... («Мяч – круглый, дело – темное» - так любил говорить Коля Озеров). Игра была назначена в 16 ч. 30 мин., и, в нормальных условиях я бы перед ней обедать не стала. Но тогда, в 1944 г. я не могла не пообедать. И, более того, съев первое, второе и третье, я не могла себе отказать, когда дополнительно принесли творожную запеканку и стакан компота (до сих пор не выветрилось из памяти!). Конечно, я съела всё! Через 40 мин. я была на корте и сразу же поняла, что мне нечем дышать. Проиграв первый сет 3:6, второй я выиграла, тоже 6:3. Но это было все, что я могла сделать. В третьем я пыхтела, как паровоз, и, конечно, проиграла его, тоже 3:6. Но я была бесконечно счастлива тем, что это был финал, хотя и «утешительного» разряда. К сожалению, у меня не сохранилось данных о победителях первенства. На первенстве Союза я, попав в первом круге на Коровину, конечно, проиграла, но очень гордилась тем, что «достойно» - 3:6, 4:6, без нолей. В «утешительном» попала на Киру Ягунову (лучше бы на кого-нибудь из другого города!), потом на Е.Д.Александрову, которая продолжала для меня оставаться тогда одной из «самых, самых». Я проиграла ей 3:6, 5:7, поняв, что, к сожалению, она уже сдает свои позиции. В заключение мне дали классификационную игру с К.Тикстон (сестрой знаменитых футболистов братьев Старостиных; до войны она сама блистательно играла в женский хоккей). С большим трудом я её одолела – 7:5, 5:7, 7:5. По

и в лицах, рассказывала маме и Мусе о поездке. Почти все, кто был на сборе, просили им передать привет и теплые пожелания. Я рассказала, как мы побывали, и не один раз, в очень гостеприимном доме семьи Негребецких. И мама, Ванда Антоновна, и сестра Э.Э., Ирина Эдуардовна, хлопотали вокруг нас, угощая всякими вкусными домашними яствами. Негребецкие жили рядом с кортами, которые были видны из их окон. Когда Эдик был маленьким, ему не надоедало часами наблюдать за игрой. И в один прекрасный день он решил пойти на корты и тоже научиться играть в теннис. Как мы знаем, это ему удалось. Рассказывая о Тбилиси, мне вспоминалась жара и шум на улицах, а так же бросающаяся в глаза контрастность: с одной стороны, красивая и дорогая одежда ухоженных женщин, в лакированной обуви; разноцветные рубашки мужчин; молодые парни, в штатском, которые, казалось, ничего не делают. Идем утром на теннис, - вокруг платанов на Плехановской ул. стоят группки молодых ребят, очень громко болтающих друг с другом. Идем после тренировки – под теми же платанами те же лица. С другой стороны, много бедных, одетых во что попало, людей возраста ближе к пожилому. Перед глазами такая картина: седой, сухопарый мужчина, у которого на спине, на тоненьком тьюфячке лежит привязанный рояль, правда, маленький – кабинетный, и без ножек. Бедняга шел, согнувшись в три погибели, тяжело ступая, и очень медленно.

В первых числах июня я снова окунулась в работу. Начались и тренировки. Несмотря на то, что всё еще шла война, спорт интенсивно возрождался. Летом 1944 г. соревнований было много. В том числе и по теннису: проводились соревнования на командное и личное первенство города, Чемпионами Ленинграда стали: Ю.Шнейдер, обыгравший в финале Е.Кудрявцева; и Т.Налимова; в парных – Кудрявцев-Левыкин и Клочкова-Налимова; микст – не разыгрывался. Я оказалась на 4-м месте, после Коровиной, Налимовой и Клочковой. Кира Ягунова – на 6-м. Когда мы получали грамоты, Кудрявцев, прочитав текст, сказал: - «А я и не знал, что выиграл парную с Левенфишем». Оказывается, в Комитете физкультуры перепутали и, вместо незнакомой для них фамилии «Левыкин», написали «Левенфиш». В.Г.Левенфиш в то

предложили место секретаря-машинистки в Собесе Петроградского района, куда я и перешла в начале декабря 1941 г. К этому времени незаметно начал подкрадываться голод. «Если б знать, где упасть, так соломку б подослать» - гласит мудрая русская пословица. Когда 18-го июля 1941 г. была принята карточная система продовольствия, нормы продуктов, в том числе хлеба, были еще высокие: принимая во внимание, что у нас не было тогда рабочих карточек, а только 6 служащих, 1 иждивенческая и 1 детская, мы могли бы получать ежедневно около четырех с половиной килограммов хлеба. А нам, как правило, хватало на всю семью в день 1-го килограмма черного хлеба и 2-х батончиков по 500 граммов, а то и меньше. Нам же, во-первых, не приходило в голову делать запасы, во-вторых, не было лишних денег. Поэтому весь хлеб мы не выкупали, а потом очень жалели, что не оказались прозорливыми. В декабре уже многие стали умирать. Но это те, которые, в основном, не боролись за свою жизнь. А я? Я боролась и очень боролась – ведь мы обязательно победим фашистов. Война кончится, начнется мирная жизнь, все наладится, возродится теннис - я должна обязательно стать чемпионкой СССР! Мне нужно выжить, чтобы выиграть! И я мысленно говорила себе, - «От голода я НЕ умру!» С этой мыслью я и жила всё время, а жить надо было - без света и тепла, без воды и канализации. Многие не мылись неделями. Я знала людей, которые в ту пору вообще не раздевались, днем и ночью в одной и той же одежде, напялив на себя всё, что было теплого; от этого заводились вши, и от них было не избавиться. Мы старались для мытья использовать снег и, даже в те дни, когда температура в комнате спускалась до минус 1-3 градусов по Цельсию, пересиливали себя и переодевались на ночь в ночные рубашки. На них, правда, мы обязательно надевали что-нибудь шерстяное и накрывались тремя одеялами. До вшей, слава Богу, не дошло! Труднее всего оказались январь-февраль 1942 г. В январе мы съели весь папин запас (на починку вечно разваливавшихся старых стульев) - 8 плиточек столярного клея, ежедневно варя из одной из них студень. В него мы, чтобы отбить запах, добавляли большое количество перца и лаврового листа. С тех пор, готовя любую еду, я никуда никогда не кладу ни того, ни

другого. Были дни, когда кроме нормы хлеба ничего не было. Начались потери и у нас: 25-го января умер младший брат мамы. (Он с женой жил отдельно от нас); 31-го января - одна из маминых сестер, 1-го февраля – другая. Они были похоронены в братских могилах, дядя – на Охтенском кладбище, тети – на Серафимовском. На нормальные похороны нужны были деньги и хлеб. У нас не было ни того, ни другого. В последние числа февраля, наконец, объявили о выдаче по карточкам продуктов на первую декаду марта месяца: было и мясо, и какая-то крупа, вермишель и сахар. Я помню, что сделала нечто вроде бефстроганова. На каждого получилось по три малюсеньких, с ноготок, кусочка мяса и по столовой ложке вермишели. Надо было оставить и на остальные 9 дней, чтобы дотянуть до следующей выдачи. Это не всегда удавалось. Нам тогда показалось, что у нас просто пир. Когда на следующее утро, проснувшись, я подошла к папе, то увидела, что он мертв. Видимо, сердце не выдержало нагрузки в три маленьких кусочка мяса. Это случилось 1-го марта 1942 г., а в августе ему бы исполнилось 45 лет. Папа был на инвалидности из-за туберкулеза и в армию призван не был. Мама, в страшный, более, чем 30-ти градусный мороз, отвезившая папу на Серафимовское кладбище, в братскую могилу, простудилась и слегла. Оказалось двустороннее воспаление легких. Мы с Мусей думали, что потеряем и её. Как она тогда осталась жива, мне до сих пор непонятно. Это было просто чудо. Мама потом уверяла, что ей помогла та чашка черного кофе, который мы, по её просьбе принесли с толкучки около булочной. Теперь уже не помню, в какой последовательности осуществлялся обмен, но начинался он с мулине, оставшегося с довоенных времен – мама и тетушки любили вышивать. 10 длинненьких моточков мы поменяли на 2 маленьких кусочка сахара, сахар на луковичку (откуда зимой, в тридцатиградусный мороз?), потом еще на что-то и, наконец, уже при пятом обмене – на две чайные ложки черного молотого кофе. Мы его заварили, мама выпила и стала поправляться. Регулярные выдачи продуктов позволили нам с Бабусей и третьей маминой сестрой существовать. Но Бабуся все-таки тоже умерла – 5-го мая, и ее, единственную, удалось похоронить нормально. Вскоре после Бабусиной смерти

Как-то раз, на улице я встретила одну девушку из Ленинграда, с которой-то и знакома не была, но знала, что она жила в том же доме в котором жила одна из моих одноклассниц. Мы, конечно, остановились, разговорились. Оказалось, что она, а с нею еще 8 девушек из Ленинграда были эвакуированы со Стоматологическим (был такой до войны в Ленинграде) институтом на Северный Кавказ, откуда пришлось бежать от немцев. Так они очутились в Тбилиси. Девушки пришли на корты, познакомились, а когда мы уезжали домой, они все попросили меня передать их родственникам по маленькой посылочке и письма. Одна из девушек оказалась дочерью нашего участкового врача Нигеля, который спас меня весной 1942 г.

Когда мы уезжали, чемоданы у всех были в нагруженном состоянии. У меня же, кроме чемодана еще огромная картонная коробка, в которой сложены все 9 посылочек моих землячек. Каждая принесла только по одной обувной коробке. С чьей-то легкой руки, мою увесистую коробку назвали «коровой». Шутники смеялись, что у Ветошниковой неподъемный чемодан и средней тяжести «корова». А на вокзал, мама Тамары Григорьевны, жены знаменитого ленинградского метателя Александра Шехтеля, привезла для них тоже довольно объемистую коробку с продуктами. Она меня снабдила деньгами на носильщика, и я не смогла себя заставить отказаться. Если бы не друзья-теннисисты, я бы, естественно, с места сдвинуться не смогла. Помогали мне Женя Корбут и Ваня Новиков. При пересадке в Москве на ленинградский поезд, меня, с моим багажом, проводница не хотела пускать в вагон. Думала, видимо, что я махровая спекулянтка. Но обошлось все благополучно: ситуацию понял начальник поезда, взял проводницу под ручку и куда-то увёл. А в это время пассажиры помогли мне всё втащить в вагон. На вокзале меня встречали мама и Муся. Еле дотащили мой багаж до дома. Мама была счастлива, распаковав чемодан. В тот же день я побежала разносить посылки и письма. Как же были рады мамы и родственники девочек, оказавшихся так далеко от дома. Одного дня мне не хватило, так как в каждой семье пришлось обо всех и обо всём подробно рассказывать.

Возвратившись домой, я несколько вечеров подряд, подробно

по часовой стрелке.

Стиркой приходилось заниматься в саду общежития, выстиранные вещи вешали на деревья - всё высыхало за считанные минуты. Как-то постирала, сижу в кресле, читаю и жду, когда высохнет. Мимо проходит парень, останавливается, показывает пальцем на мою красную футболку с черным воротником и манжетами: - «Продай футболку!» Я: - «Она же мокрая!». Он, с грузинским акцентом: - «Нычаво, в сиром виде вазму» И дает 400 руб. (Моя зарплата составляла тогда, после вычета налогов, 560 руб. на руки). Снял с дерева и был таков. Я была счастлива, так как денег лишних с собой не было, а так хотелось привезти маме побольше всяких продуктов. После этого эпизода, мы все стали менять носильные вещи на деньги. Для этого ездили, на знаменитую в Тбилиси, толкучку Субартало. Я жалела, что не привезла вещей специально для продажи. Но к концу сбора я рассталась со всеми своими ношенными и выгоревшими трусами, майками и резиновыми тапочками (даже с дырками на подошве). На вырученные деньги я смогла привезти домой килограмм лобии (фасоли), килограмм муки, три банки сгущенного молока, сколько-то сухофруктов, несколько лимонов, бутылку подсолнечного масла и даже бутылку коньяка!!! На Субартало нос с носом столкнулась со знаменитым тогда ленинградским тенором Н.Середой. Он шел с женой и тоже что-то держал в руках для продажи. Поскольку знакомы мы не были, то и разошлись в разные стороны.

Главным тренером на сборе был Дмитрий Иванович Синючков, окончивший Московский институт физкультуры - один из сильнейших московских теннисистов. Помогали ему - наш Е.А.Кудрявцев, чудесный тренер из Тбилиси Арам Герасимович Хангулян (в будущем учитель многих известных теннисистов, в числе которых: Г.Кокая, Л.Ураевский, Н.Мдзинаришвили и, конечно, самый успешный – Александр Метревели) и еще кто-то из тренеров-москвичей. Тренировки проходили по принципу тренировок на сборе Кошэ: распределяли по площадкам, давали задание, проверяли. Были дни, когда играли со счетом. На этом сборе мне было очень трудно заставить себя играть, все получалось хуже некуда.

заболела я, пролежав почти три недели. От желудочного заболевания меня спас наш участковый врач – доктор Нигель, который принес мне из поликлиники бактериофаг, изумительное средство, делавшее в то время чудеса. И, конечно, мое неистребимое желание – после окончания войны выиграть первенство СССР.

Поправились я только к концу июня и сразу же начала работать на стадионе «Динамо». Меня взяли на должность бухгалтера, так как в бухгалтерии из 4-5 работников осталась только одна – главный бухгалтер, Марина Сергеевна Заволокина. Остальные эвакуировались. Я каждый день ходила пешком на стадион и обратно, дважды - и утром и вечером - подвергаясь жестокому испытанию: машин на улицах было очень мало, воздух был необычайно чистый и, проходя мимо хлебозавода по Левашовскому пр., приходилось, хочешь, не хочешь, вдыхать соблазнительный запах хлеба. На стадионе я встретила с Эллен Тис, она еще с осени работала в «Динамо» кладовщицей. Кладовая и бухгалтерия располагались в разных углах стадиона, виделись не каждый день, но однажды решили попробовать выйти на корт и поиграть в теннис. Принесли туфли, ракетки и мячи, с большим трудом притащили из кладовой сетку, которую с не меньшим трудом удалось натянуть, и вышли на уже успевшую немножко зарости травкой площадку. Ощущение было непередаваемым: и радость от того, что «стоишь на корте», и воспоминания о счастливом прошлом, и слёзы от невозможных потерь близких, и надежды на будущее. Все это промчалось в голове в считанные секунды. Нам удалось перекинуть через сетку несколько мячей, и я вдруг на себе ощутила, что значит выражение «земля уходит из-под ног»: голова совершенно не кружилась, плохо не становилось, а земля куда-то уходила. Я честно призналась, что больше играть не могу. А Эллен, как-то извиняюще улыбаясь: - «Ты знаешь, и я не могу. Посидим немножко». Мы посидели, сняли сетку, поговорили кое о чём и разошлись. Несколько дней я не видела Эллен, пошла в кладовую, - ее не было, висел замок. А еще через несколько дней мы узнали, что Эллен не стало. Ей было всего 33 года! Эллен Тис была интересной и способной теннисисткой. Она играла левой рукой, что создавало дополнительную трудность для противниц;

Эллен Тис в счастливые довоенные годы.

выглядела на площадке несколько вялой, но это было обманчивое впечатление: она успевала к любому мячу, умела мгновенно оценить и использовать обстановку на корте и заставить противницу побегать. В 1933 и 1936 гг. Эллен была чемпионкой Ленинграда в одиночном разряде. Кроме того, она была хорошей партнершей в парных и смешанных играх. Дважды с Ключковой (1935-36) и дважды с Налимовой (1939-40) она была чемпионкой СССР и 4 раза

с Ключковой чемпионкой Ленинграда (1933-34, 1939 и 1940) в парном женском разряде.

Еще весной 1942 г. по всему городу, где был хоть маленький кусочек земли, устраивались огороды. На работе выдавали семена. На стадионе, на запасном футбольном поле, мне тоже выделили участок, на котором мы смогли посадить полученные семена турнепса, кормовой свеклы, немножко обычной свеклы, моркови и редиса. В Ботаническом саду мне удалось купить 20 шт. рассады капусты. Целое богатство. Две длинные грядки мы предложили Варваре Николаевне Однолетковой, моей школьной классной руководительнице, очень симпатичному и хорошему человеку. Огород стал, конечно, огромным подспорьем для всех нас. Помню, как в начале августа на «Динамо» появился Эдик Негребецкий, приехавший с фронта на 2 или 3 дня на побывку. Он очень удивился, увидев меня в бухгалтерии, потом долго ходил по стадиону, встречаясь и разговаривая со знакомыми. Когда часа через два вернулся, сказал, что ему ночевать негде и попросил разрешения остаться в комнате Оборонно-спортивного отдела, в которой стоял большой кожаный диван. У нас же в квартире пустовала комната эвакуированной соседки, и я пригласила его к нам. Мы его угощали тушеными (без масла) стеблями турнепса, что ему очень понравилось. И мы все решили, что после войны, обязательно угостим его этим же блюдом, только на масле, чтобы было еще вкуснее. Мы много говорили, вспоминали всё хорошее,

было ни одного сохранившегося здания, - одни развалины.

В Тбилиси мы пробыли май и июнь. Погода была чудесная, тренировались каждый день, который начинался, как всегда, с зарядки. Честно скажу - мне было очень тяжело: естественно, сказывался пережитый голод. Я, например, перестала всё время «хотеть есть» уже только к концу 1948 года. Кроме того, мне мешал мой вес, который, ко времени поездки в Тбилиси, составлял уже более 63 кг. А мой внешний вид давал повод сомневаться в том, что я пережила голод в блокадном Ленинграде. До сих пор удивляюсь, как мы, истощенные ленинградцы, выдерживали ту физическую нагрузку, которую нам давали. Мой требующий восстановления организм, опять спасал меня сном. Вечерами, когда все собирались вместе в огромной комнате общежития Техникума физкультуры, где обитали наши мужчины, я уединялась в соседней узенькой комнате для женщин, и сразу же засыпала. Рядом грохотало радио, музыка радиолы, шумные разговоры и смех, но мне ничто не мешало - утром меня не могли добудиться. Смутно помню, как однажды Наташа Грингаут тщето трясла меня за плечо и взволнованно кому-то говорила, - «Что с ней? Все ли в порядке? Может быть, вызвать врача?» А я не могла открыть глаз и сказать, чтобы она не волновалась. Мой сон помог мне восстановить и нервную систему – ведь более двух с половиной лет ленинградцы не только жили, но и спали начеку. Зика Ключкова, например, часто ночью кричала. Многие, перепуганные ее криком, не могли после этого долго заснуть. Я же так крепко спала, что слышала ее крик только один раз.

Наше общежитие располагалось в саду, на горке над Курой. Чтобы попасть на корты и в столовую на противоположном берегу, мы, как правило, пользовались паромом. Быстрая, мутная Кура потрясала своим светло-шоколадным цветом, отсутствием ощущения воды. Вечером возвращались домой чаще через мост. Однажды был такой ураганный ветер, что люди боялись идти через мост по одиночке. Ждали кого-нибудь, чтобы объединиться по двое, по трое, а то и больше. Чтобы ветер не сдул нас в Куру, а порывы были очень сильными, мы, взявшись под руки и образовав замкнутый круг, так и шли, спиралеобразно, по ходу поворачиваясь

«Ланс», 1994) есть такие строчки: - «На протяжении месяца город 25 дней подвергался артиллерийским налетам, в ходе которых на улицах и площадях разорвалось 6962 снаряда. В июле среднесуточная продолжительность артобстрелов Ленинграда достигла максимума и составляла 9 часов 14 минут. 17 июля город пережил самый сильный за время войны артиллерийский обстрел: на его проспектах разорвалось более 2000 снарядов врага. Было убито 210 и ранено 920 человек». И далее: - «В августе посты МПВО отметили разрывы 5829 снарядов». Как можно было жить тогда – с такой нагрузкой на психику? Непостижимо. К счастью, в те три дня, когда мы играли наше первенство, Петроградский район не обстреливался.

С весны 1943 г. ведущие спортсмены города, в число которых включили и меня, стали ежемесячно получать в Городском комитете по делам физкультуры и спорта, «дополнительную» продуктовую карточку. Это очень поддерживало нас.

К 1944 г. положение на Ленинградском фронте значительно улучшилось: 27-го января окончательно была снята блокада города. Город ликовал, люди выходили на улицу, поздравляли друг друга, обнимались и целовались с незнакомыми прохожими. Наконец-то было снято затемнение. Вечером был незабываемый салют, все кричали «Ура». Настроение, конечно, у всех было приподнятым. А 20-го марта, по вызову Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта мы: Налимова, Клочкова, Кудрявцев, который был отозван с фронта, и я - уехали в Тбилиси на Всесоюзный сбор. В Москве мы встретились с Г.Коровиной, приехавшей из Орска, где она была в эвакуации, и с Л.Мищенко, который приехал из Казани, куда были эвакуированы многие ведущие спортсмены ленинградского «Динамо». Через двое суток мы все уехали на поезде Москва-Тбилиси - через Сталинград и Баку - ехали то ли 5, то ли 6 суток до места назначения. На всём протяжении пути, с двух сторон железнодорожной колеи были сплошные груды разбитой военной техники и разного размера воронки от авиабомб. Когда подъехали к Сталинграду, были потрясены увиденным зрелищем: одни трубы, торчавшие из-за стен, с проемами вместо окон. Такое впечатление, что вообще не

что было до войны. Он рассказывал нам о своей семье, детстве и юности в Тбилиси. Эдик очень жалел, что потерял голос в морозную зиму 1941-42 гг. и не сможет продолжать учиться в консерватории, три курса которой он закончил перед войной. (Уже после его смерти, известная ленинградская оперная певица Н.А.Серваль, учившаяся в консерватории вместе с Эдиком, говорила мне, что у него был красивый баритон, и от него много ждали!). Конечно, было очень обидно за него. Мы, в свою очередь, рассказали ему о нашем житье-бытье, о бедной Эллен Тис, вместе помечтали о том, чтобы скорее кончилась война, и всё бы опять пришло в норму. На следующий день Эдик долго бродил по городу, еще кого-то навещал и с кем-то встречался. А вечером пришел к нам, мы опять болтали на различные темы, он переночевал и утром снова уехал на фронт. Зимой 1943г. Негребецкого, как и многих других ведущих спортсменов по разным видам спорта, отозвали из армии. Их поселили в Москве, в гостинице ЦДКА, дав им возможность тренироваться.

Как-то осенью 1942г. к динамовскому начальству приезжал начальник ХОЗУ МВД Владимир Сергеевич Белов. До войны он часто бывал на кортах – прилично играл в теннис и много лет был председателем нашей динамовской теннисной секции. Зашел в бухгалтерию, как оказалось, ко мне. Спросил, как мама и Муся, как мы живем и предложил мне написать на его имя заявление, в котором обязательно указать, что я чемпионка Союза в разряде девушек, и с просьбой оказать продовольственную помощь. Через два-три дня меня позвали к телефону начальника. Звонил Белов и сказал, чтобы я немедленно приехала к нему, в Большой дом, пропуск мне уже спущен. Он принял меня в своем кабинете, мы, наверное, минут 40 беседовали. Он расспрашивал о теннисистах, очень огорчился, узнав, что умерла Эллен Тис, сетовал, что в свое время не помог. Затем он дал мне направление в кладовую, где

Э.Э.Негребецкий в партии «Евгения Онегина». 1940 г.

мне выдали пакет с продуктами: 150 г. сливочного масла, 300 г. сахарного песка, 0,5 кг. риса и 0,5 кг. черных сухарей. По тем временам это было колоссальное подспорье. Через некоторое время я получила еще один аналогичный пакет. Самое ценное во всем этом было то, что инициатива исходила от него, а не от меня! А в январе 1943 г. Владимир Сергеевич направил меня в стационар для «подкормки». Стационары в Ленинграде были открыты в каждом районе еще весной 1942 г. Стационар МВД располагался на стадионе «Динамо», в том самом деревянном строении, где в свое время работали архитекторы, о которых я писала ранее. С начала работы стационаров в них отдыхало начальство, потом начальники отделов, их замы потом начальники отделений, их замы и так далее по служебной иерархии. Когда я попала туда, был молодежный «заезд»: девушки из отдела цензуры и ребята из отдела связи. Днем все гуляли, катались на лыжах и коньках, а я после завтрака шла работать, так как моя главная бухгалтерша не разрешила мне «отдохнуть», - надо было готовить годовой отчет. Днем я шла обедать, потом опять на работу. Правда, ночевала я на стадионе, - домой не ходила. И вечера проводила в Круглом павильоне, в верхнем помещении Клуба мастеров, где было очень уютно. Там мы внимательно слушали по радио «Последние известия». Некоторые играли в шахматы, в шашки, в домино; другие читали газеты и журналы, третьи танцевали. Были показы кинофильмов, но что показывали, я не помню. Зато очень хорошо помню, что именно там, в Круглом павильоне, 18-го января 1943 г., вечером, мы услышали сообщение по радио о прорыве блокады Ленинграда! Что творилось, словами не передать! Питание в стационаре было очень вкусное и, наверное, калорийное: завтрак, обед, полдник и ужин. Порции, по калькуляции, соответствовали нормам продовольственных карточек. Карточки при поступлении, естественно, надо было сдавать. Три недели пролетели, увы, очень быстро, но я успела за это время поправиться: 2-го января 1943г., при поступлении в стационар во мне было только 41,2 кг, а когда «отдых» закончился - 44,6. (А в 40-м году было 51 кг.). И, несмотря на то, что дома наш рацион оставался прежним и продолжал желать лучшего, я стала стремительно, не по дням, а по часам, набирать

вес. К концу лета он составлял 56 кг.

Зимой 1943 г. в Ленинграде уже проводились соревнования по лыжам и конькам, летом – по легкой атлетике, велосипеду и др. летним видам спорта. От «Динамо» выступали: в основном, девушки из МПВО и ребята из полков Погранвоиск, МВД. Милиции и Пожарной охраны города. Выяснилось, что в конце июля будет первенство Ленинграда и по теннису. Проводили его почему-то на стадионе им. В.И.Ленина (теперь «Петровский»). Там функционировала только одна площадка, но нам хватило, так как в первенстве участвовало только 8 женщин, невзирая на разряд. Не помню, чтобы я до первенства выходила на корт. Думаю, что остальные тоже не тренировались. Налимова и Клочкова были «посеяны», остальные, как всегда - по жребию. В первом круге мне удалось выиграть у З.Грибовой (3-й разряд) со счетом 6:3, 6:0. Во втором сете она, бедняжка, совсем скисла. В полуфинале я проиграла Налимовой 1:6, 1:6, которая в финале обыграла Клочкову. За 3-е место я играла с Г.Мавромати (2-й разряд) и выиграла 6:4, 6:0. Грамота, полученная мною за это 3-е место, – самая для меня дорогая из более чем 130, среди которых были и за 1-е места. Кроме нас, в первенстве принимали участие: К.Сидоренко (1-й разряд), Е.Кукуранова, впоследствии - Романова (3-й разряд) и В.Четверикова (4-й разряд). В августе Налимову, Клочкову и Сидоренко вызвали в Москву на открытое первенство города. Там Налимова заняла 1-е место, обыграв в финале Теплякову; пара Налимова-Клочкова тоже заняла 1-е место; а Клочкова с Озеровым победили в миксте. Сидоренко, к сожалению, не участвовала. Оказалось, что ее вызвали случайно – по созвучию фамилий, перепутав с одной из наших легкоатлеток, которая из-за этого вызвана не была.

Лето 1943г. осталось в моей памяти очень страшным: безоблачное небо, прекрасная, жаркая погода, наслаждаться которой мешали бесконечные, страшнейшие обстрелы. Остаться в живых, пережив жуткий голод, для того, чтобы погибнуть от какого-то осколка? Выходишь утром из дому, не знаешь, вернешься ли вечером домой. Особенно жутко было в июле. В книге «Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941-1944» (Издательство фирмы